Федеральное агентство научных организаций России
Уфимский научный центр
Институт истории, языка и литературы
отдел истории и истории
культуры Башкортостана

Российская академия наук

Река времени. 2017

Уфа – 2017

УДК 947 (470. 55 / 58)
ББК 63.3 (2) (2 Рос. Баш)

Рецензент:

доктор исторических наук Н.Ф. Тагирова (Самара)

Река времени. 2017 / составитель и ответственный редактор М.И. Роднов. Уфа: ДизайнПресс, 2017. 152 с.

В девятый сборник «Река времени» вошли материалы о многих известных людях нашего края – дворянах Ураковых, Алкиных и Аксаковых, И.Н. Скобелеве, православном духовенстве и старообрядцах, впервые показан начальный этап истории уфимского кино, открытие отделения Волжско-Камского банка.

Книга предназначена для профессиональных историков, преподавателей гуманитарных дисциплин, студентов, краеведов, всех интересующихся историей Уфы, России, Башкирии, Южного Урала и сопредельных территорий.

Река времени. 2017

Подписано в печать 26.04.2017. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 8,84. Усл. изд. л. 8,53. Тираж 100 экз. Зак. 101. Отпечатано в ООО «АльфаРеклама» в полном соответствии с предоставленными оригинал-макетами. 450077, г. Уфа, ул. К. Маркса, 37, оф. 205. Тел. 291-13-60

ISBN 978-5-906165-82-4

© Авторы, 2017

Содержание

Введение.....4

И.М. Акбулатов
Фестиваль исторической реконструкции «Река времени».....5

Б.А. Азнабаев
Происхождение и история уфимского княжеского рода Ураковых.....9

Р.Н. Рахимов
Военная служба князей Ураковых в конце XVIII – начале XIX вв.....29

Н.В. Краснопёрова
Священно и церковнослужители Уфимской епархии в 1782 г. (по материалам Пермского архива).....34

Н.Р. Славнитский
Иван Никитич Скобелев – боевой путь и административная деятельность.....50

Л.Ф. Тагирова
Первое впечатление о Башкирском крае: из частной переписки командующего Башкиро-мещерякским войском Н.П. Беклемишева.....61

Р.П. Поддубная
Подвиг матери.....73

Н.Р. Славнитский
К.-М.С. Алкин и его связь с партией Народная Воля.....85

М.И. Роднов
Начало уфимского кино.....90

М.И. Роднов
Вокруг банка.....120

М.И. Роднов
Уфимские старообрядцы в 1912 году.....138
Список сокращений.....152
Список авторов.....152

Введение

А в облаках
Застыл луны неверный свет
И в нём / Перемешались города и я
Зову её несмело
(Би-2 Серебро)

В 2016 г. уже длительная история сборников «Река времени» обрела материальное воплощение. Фестиваль исторической реконструкции на реке Бирь получил такое же имя – «Река времени», так что славная и быстрая река, протекающая почти через всю Северную Башкирию, стала своеобразным побратимом нашего издания. В июле 2017 г. планируется второй фестиваль.

Одной из традиционных тем сборников в последние годы является изучение судеб уфимского дворянства. Сразу две статьи посвящены уникальному роду князей Ураковых. Потомки ногайской знати, правителей Южного Урала до прихода русских, они с честью служили Отечеству. Некоторые Ураковы достигли крупных воинских званий.

Историю духовенства и религиозной жизни показывают находка в пермском архиве, а также свидетельства необычного диспута между миссионером правящей православной церкви и старообрядческим начётчиком в 1912 г.

Наконец, эпохе модерна и принципиально новым явлениям социокультурной и экономической жизни посвящена статья о возникновении и первых годах работы Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка, крупнейшего банка на территории губернии. Также расставлены все точки над i в истории появления в Уфе синематографа, приведены сведения о первых кинофильмах, снятых в нашем городе, первых стационарных кинотеатрах.

Коллектив авторов из Уфы, Бирска, Санкт-Петербурга, Самары и Перми выносит на суд Читателей уникальные материалы, плоды упорного труда в архивах и библиотеках.

И.М. Акбулатов

Фестиваль исторической реконструкции «Река времени»

Принято считать, что выражение «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку» принадлежит древнегреческому философу Гераклиту из Эфеса (около 554–483 гг. до н. э.). Иногда эту фразу переводят как «Нельзя дважды войти в одну и ту же воду». Действительно, всё изменяется и, если войти второй раз в реку, то это уже будет другая река, так как вода, в которую входил человек в первый раз, уже утекла. Так и со временем, которое нельзя повернуть вспять, но есть довольно молодое направление в исторической науке, которое позволяет «окунуться» в определённый временной период прошлого. Это историческая реконструкция – воссоздание материальной и духовной культуры той или иной исторической эпохи и региона с использованием археологических, изобразительных и письменных источников.

Это направление исторической науки, под названием «живая история» (англ. *living history*), находится на стыке «экспериментальной археологии» и «музейной педагогики». «Живая история» – это не просто воссоздание повседневного быта в конкретный исторический период в виде организации «музея живой истории» и / или проведения «фестиваля живой истории». Здесь важно абсолютно всё, начиная от материала, кроя и внешнего вида одежды и заканчивая аутентичными рецептами кухни и воссозданием старинных технологий. Историческая реконструкция захватывает не только самих участников, но и зрителей, которые могут воочию увидеть, как жили их предки. Это направление очень популярно и развито в Западной Европе, где существуют десятки «музеев под открытым небом», в которых живут и трудятся люди в соответствующей исторической обстановке. В последние 20–25 лет историческая реконструкция активно развивается и в нашей стране.

Движение исторической реконструкции получило распространение в кругу людей, увлекающихся историей и искусством. Увлечённым исторической реконструкцией интересно воссоздание исторического комплекса, состоящего из костюма, доспеха, оружия и бытовых принадлежностей конкретного региона в определённый исторический период. Каждый элемент комплекса должен быть подтверждён научными источниками (археологическими, изобразительными, письменными). Основной идеей реконструкции является практическое применение этого комплекса, в том числе для подтверждения или опровержения на-

учных гипотез относительно возможностей использования тех или иных предметов.

Кто не мечтал в детстве отправиться в прошлое, чтобы ощутить себя на месте викинга, покоряющего далёкие земли, или рыцаря, сражающегося на турнире во имя прекрасной дамы, а может, красавца-генерала, ведущего свои войска на неприятеля во время Бородинского сражения. При этом многие даже представить себе не могут, что всё это вполне реально.

Идея организовать мульти-фестиваль исторической реконструкции «Река времени» возникла как-то неожиданно и спонтанно. На межрегиональном фестивале «Бирск – патриот России» из-за нехватки времени и небольшой площадки не была показана другая сторона исторической реконструкции, не менее познавательная и интересная. Нам захотелось не просто продемонстрировать зрителю картину боя, а искупать его в реке времени, чтобы он хоть час–два прожил в той или иной эпохе.

Меньше чем за месяц были проведены все организационно-подготовительные работы и 16 июля 2016 г. на острове реки Бирь за селом Бурново фестиваль состоялся. Фестиваль в стиле «living history» стал прекрасной возможностью прожить один день жизнью наших предков, когда ещё не было iPhonов, гаджетов, газа, электричества, интернета и прочих благ цивилизации. Но всё это отнюдь не обедняло повседневный быт наших пращуров. Если на Суперсабантуе-2016 участники Военно-исторического фестиваля «Бирск – патриот России» демонстрировали зрителям военную тактику и эпизоды баталий от XVII до XX вв., то фестиваль «Река времени» был посвящён главным образом организации военно-полевого быта воинских подразделений разных эпох. Зрители могли «примерить на себя» снаряжение и оружие разных исторических периодов, увидеть некоторые виды домашних промыслов и ремесел.

В нём приняли участие клубы исторической реконструкции «Медвежий двор», «Бирские стрельцы», «190-й Очаковский полк», «Рейд». Это был не просто спектакль. На глазах оживала сама история, в которой зрители принимали непосредственное участие. Каждый смог воочию погрузиться в поток времени, «примерить на себя эпоху».

«Немцы не дошли до Бирска 2 км», под таким заголовком на следующий день вышла передовица местной газеты «Победа» с фотографией дорожного указателя с надписью готическими буквами «Birsk 2 km», но он так и остался на берегу р. Бирь под с. Бурново. Враг успел захватить в плен только официальных лиц. Впрочем, вскоре в бой вступили красноармейцы, освободившие пленников. Так начался фестиваль исторической рекон-

струкции «Река времени», на котором не было баталий, взрывов и выстрелов, рукопашных схваток. На живописной поляне со стожками скошенной травы разместился настоящий музей живой истории. Традиционных табличек «Руками не трогать» не было. Наоборот, можно было не только пощупать, помять, попробовать на вкус нехрестоматийную историю, но и самому почувствовать себя жителем далёких эпох.

Клуб исторической реконструкции «Медвежий двор» из Уфы развернул целый палаточный городок десятого века. Сами варяги как из учебника истории – внешний вид, одежда, обувь полностью аутентичны средневековью. Но это не просто красивый спектакль, зрители сами погружаются в древность. Мальчишки учатся метать копья в мишень. Зрители толпятся около кузницы. Кто-то испытывает свои силы в качестве молотобойца, кто-то качает воздух в кожаные меха. Рядом демонстрируется полный цикл производства монет. Последний удар… и из под чекана вылетает ещё тёплый блестящий сребреник, который может за весьма умеренную цену купить любой желающий. Здесь же можно также примерить кольчугу и шлем, запечатлеть себя на память в таком виде. «Жёны» варягов дают мастер-классы по вязанию, ткачеству, плетению.

А вот стоянка бирских стрельцов. Угощают оладушками, предлагают испробовать сбитень. В меню капуста шатковая с деревянным маслом, ботвинья, блины красные (праздничные, потому что пшеничные) и чёрные (из ржи и гречки), свинина под хреном. Знали наши предки толк в еде! Гусляр даёт уроки игры на инструменте. Желающие примеряют красный кафтан, зипун, другую одежду – примерно в таких щеголяли первые жители нашего города. Женщины интересуются деталями кроя, качеством ткани, охают и ахают. Поучиться ткать на старинном станке – пожалуйста! Немало желающих поиграть в кости – кости настоящие, говяжьи суставные. Можно и бердышом «помахать». Оружие мощное – и против конницы, и против пехоты. При необходимости оно используется вместо топора для рубки дров. И опять же можно сфотографироваться в интерьере с историей.

Ещё одна остановка машины времени – период Великой Отечественной войны. Клуб военно-исторической реконструкции «Рейд» развернул медицинский полевой госпиталь – на демонстрационных столах санитарные сумки, ранцы, операционные инструменты, спиртовые горелки. Почти всё оригинальное, доставшееся по наследству от прадедов. Вот действующий патефон с довоенными пластинками, трофейные немецкие часы, тонометр. Рядом – узел связи. Все аппараты ещё тех времён.

Можно спуститься в блиндаж горных стрелков вермахта, прицелиться из карабина, оценить, какой солдатский котелок лучше – наш или немецкий?

В течение дня фестиваль посетили более двух тысяч бирян и гостей города. Официальные гости праздника заместитель главы администрации муниципального района Д.Г. Тухбатуллин, проректор по экономическим вопросам Башкирского госуниверситета А.А. Шаронов, директор Бирского филиала БашГУ С.М. Усманов в ходе обсуждения итогов мероприятия порекомендовали придать ему статус регионального с соответствующей финансовой поддержкой.

Биряне и гости города также высоко оценили идею организаторов фестиваля и, несмотря на то, что добираться на него было непросто, всё-таки сумели приехать сюда вместе с детьми, внуками и остались довольны увиденным.

В целом фестиваль удался, остров на реке Бирь объединил единомышленников из Уфы и Бирска. Варяги, стрельцы, солдаты Красной армии и вермахта развернули свои военно-полевые лагеря на берегу реки, давшей название нашему городу. Участники фестиваля – реконструкторы из Уфы – выразили единодушное мнение, что подобные мероприятия имеют место быть и развиваться, благодарили за возможность ещё раз провести реконструкцию, высказали желание приехать на фестиваль в будущем году.

Что касается перспектив фестиваля «Река времени», то планируется проводить его также ежегодно, расширять количество участников, насыщать исторические эпохи и разнообразие народных промыслов и ремёсел, попытаться выйти за пределы республики и даже региона, собрать на берегу Бири реконструкторов из разных городов нашей необъятной страны. Благо наша республика находится практически в её центре и не случайно её очертания похожи на сердце. Фестиваль будет активно способствовать развитию событийного туризма, популяризации исторических реконструкций и, в конечном счёте, формированию у молодёжи патриотических качеств, бережного отношения к своему прошлому.

Б.А. Азнабаев

Происхождение и история уфимского княжеского рода Ураковых

История этого рода уникальна. Во-первых, это единственный дворянский род, пожалованный княжеским достоинством именно в Уфе. Во-вторых, князьям Ураковым удалось раньше других уфимцев достичь генеральских чинов. Уже к XVIII в. двое из представителей семейства за свои воинские подвиги были удостоены высшей военной награды империи – ордена Святого Георгия. Однако наибольший интерес для краеведов представляет тот факт, что род Ураковых имел непосредственное отношение к истории края ногайского периода, когда потомки Едигея и казанские ханы претендовали на лидерство на пространстве бывшей Золотой Орды, а московские князья ещё не завершили собирание русских земель в единое государство.

Откуда это стало известно? В 1686 г. уфимские дети боярские Иван Семёнович и Семён Богданович Ураковы подали челобитную, в которой просили утвердить за уфимской ветвью их рода княжеский титул. Основанием для такой просьбы стала представленная Ураковыми родословная запись, в которой начало рода возводилось к некому мурзе «Олчагиру» и его сыну Ураку. В результате уфимские Ураковы добились утверждения в Приказе Казанского дворца жалованной грамоты: «Пожаловали мы Михаила Богданова сына Уракова, который был по Уфе, велели ему быть в дворовых службу служить с московскими и кормовщиками, которые ведаются в разряде и писать его против братии против стольника князя Якова Уракова княжьими именами, и в 7194 (1686) году бил челом Василий Иванов Иван Семенов сын Богданов с братьями и племянниками породой де они иноземцы Урака мурзы Алчагирова в родственники их Ураковы и доныне в Крыму владеют Казыевым Улусом»[1].

Олчагир или Алчагир хорошо известен историкам как по документам Посольского приказа XVI в., так и по башкирским родовым преданиям. Историк Ногайской орды В.В. Трепавлов установил, что ногаи утвердились в Башкирии в конце XV в., когда ногайские мурзы, братья Муса и Ямгурчи, заняли летнее кочевье на реке Белой. Алчагир был сыном Мусы[2]. В башкирских шежере Алчагир назван Алтакаром. Он стал героем баш-

---

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 782. Л. 3.

[2] *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997. С. 17.

кирского предания, записанного П.И. Рычковым от башкирского старшины Кидряса Муллакаева: «Алтакар от хана обвинен был, за что он, озлобясь, в нескольких стах кибиток отложился от хана и откочевав за Яик, жилище имел около реки Ембы, где чрез несколько лет так усилился, что Басману-хану набегами от толь многия причинил раззорения. На конец Алтакар убил того хана при одном сражении, которой со многими убитыми с ним нагайцами погребен был на горе, где ныне в городе Оренбурге верхняя улица, и над могилою того хана построено было каменное кладбище, кое еще доныне при нагорном бастионе знатно, и при застроении Оренбурга немалая часть того кладбища в целости была, и разные камни с арабскими надписьми найдены. Оной же старшина Кадрясь Мулакаев объявил и сие, что брат помянутаго хана, называемой Тюря-хан, тогда другое владение занял и жил на самом том месте, где ныне город Уфа, а подвластные ему люди кочевали от устья Демы реки по Казанской дороге вниз по Белой, по Карсласану, по Черемшину, по Куюше, по Базе, по Сюну и вверх по Аю рекам. Оный Тюря-хан убит между теми ж замешаниями и Алтакар-мурза над всеми нагайцами владетелем учинился. По прошествии нескольких лет убит и Алтакар от Акназар-салтана, которой был от поколения тутошних старинных ханов»[1].

Впрочем, судя по официальной переписке с московским князем Василием III, Алчагир-Алтакар претендовал на более высокое место в Ногайской орде. Он считал, что господство в Башкирии даёт ему все основания для того, чтобы стать бием, то есть главой всей орды. Однако в столице Ногайской орды – Сарайчуке утвердился другой сын Мусы – Саид-Ахмет. К 1519 г. имя Алчагира исчезает из дипломатической переписки. Башкирские шежере говорят о том, что он был убит Акназаром – будущим правителем Казахского ханства. Первенцу Алчагира – Мамаю всё же удалость занять престол в Ногайской орде в 1522 г.[2] У Мамая были не менее известные младшие братья – Кель-Мухаммед, который в башкирских шежере получил имя Кара-Килимбета и Урак. Русские посольские дьяки впоследствии считали Алчагира бием, то есть князем. Копии писем его детей Урака и Кель-Мухаммеда, относящихся к 1535 г., в Посольском приказе предварялись припиской «Алчагырова княжово сына»; хотя сами авторы-мирзы в текстах посланий ничего не сообщали о своём отце или его ранге[3].

---

[1] *Рычков П.И.* История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2002. С. 133.

[2] *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 18.

[3] Посольские книги по связям России с Ногайской ордой. 1489–1549 / Сост. Б.А. Кельдасов, Н.М. Рогожин, Е.Е. Лыкова, М.П. Лукичев. Махачкала,

Ни об одном из ногайских аристократов XVI в. не сложено столько фольклорных произведений, как об Ураке. Будучи ещё ребенком, он, якобы вызывал восхищение у своего дяди Мамая. Тот выпросил его у Алчагира на воспитание и вырастил богатырём[1]. Татарское шежере, как и ногайский эпос, утверждает, что «Айданле Урак» стал ханом после Мамая[2]. Тем не менее, на основании архивных документов В.В. Трепавлов установил, что ни бием, ни тем более «ханом» Урак, конечно, не был. В самом начале 1520-х гг. он сражался с отступающими казахами вместе с Саид-Ахмедом б. Мусой и в сражении убил одного из казахских правителей, затем под командованием Мамая громил Мухаммед-Гирея[3].

Однако как воин Урак прославил себя на крымских равнинах, в предгорьях Кавказа и на просторах казахских степей. Не занимая правящего положения, Урак, тем не менее, вошёл в башкирский, ногайский, казахский, дагестанский фольклор в качестве легендарного богатыря, воплотившего в себе все доблести степного рыцарства. В середине 1550-х гг. старший сын Урака – Гази (Казы) переселился на Северный Кавказ и основал собственный улус, будущую Малую Ногайскую Орду. Выйдя из Ногайской Орды, Гази фактически поставил себя вне её улусной системы. По понятиям той эпохи, он стал типичным скитальцем – «казаком». Так он рекомендовал себя сам в обращениях к Ивану IV, так же расценивались его соратники[4].

Вот этим Казыевым улусом и владели родственники уфимских дворян Ураковых ещё в конце XVII в. В народной памяти почитание Урака было настолько велико, что именно с его именем связывали основание на Кавказе нового государства ногаев. Ногайский дастан характеризует его следующим образом: «Выйдя из Урупа, с черкесами танцевавший, перевалив через Урал, с башкирами кочевавший, не ты ли это – Орак-богатырь?»[5] Время и обстоятельства смерти Урака неизвестны. Дастан гласит, что он был убит по наущению мурзы Исмаила в борьбе за власть в Ногайской орде[6]. Впрочем, документы свиде-

---

1995. С. 136.

[1] *Ананьев Г.* Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 2 / Ред. Г.Н. Подозрителев. Ставрополь, 1909. С. 14.

[2] *Ахметзянов М.И.* Между Волгой и Уралом // Идель (Казань). 1991. № 10–11. С. 82–84.

[3] *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002. С. 178.

[4] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. Л. 214.

[5] *Сикалиев А.И.* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С. 85.

[6] *Ананьев Г.* Караногайские исторические предания // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. Тифлис, 1900. С. 24.

тельствуют, что ещё в 1535 г. Урак кочевал в Западной Башкирии в направлении реки Камы[1].

Поскольку первому сыну Урака – Гази было суждено стать основателем нового государства, которое впоследствии сыграло важную роль в истории Крымского ханства, то историки не обратили внимания на других сыновей Урака. К примеру, в своём исследовании, посвящённом русским княжеским родам ногайского происхождения, В.В. Трепавлов даже не отметил существование ветви уфимских Ураковых[2].

Основоположником уфимского рода стал служилый новокрещён Рудак Фёдоров. Рудак – это не имя, данное при крещении, а прозвище, которое, впрочем, закрепилось и в официальных документах. Оно образовано от прилагательного «рудой», то есть рыжий, красный, бурый и означало прежде всего рыжеволосого человека[3]. Настоящим, каноническим именем потомка мурзы Урака было Андрей[4]. Среди уфимских дворян подобные прозвища употреблялись даже в официальных документах. Так, в уфимских грамотах XVII в. отмечены Потеха Ураков, Енурус Каловский, Пороша Волков, Алабаш Киржацкий, Грибан Брехов и Пятой Писемской. Подобными языческими прозвищами-оберегами пользовались наряду с православными именами, которые легко устанавливаются по отчествам детей. Сложнее обстоит дело с выяснением отчества Андрея-Рудака. В 1590-е гг. Рудак указан как служилый новокрещён, но, как показывает уфимская практика XVII в., нередко новокрещёнами считались внуки и даже правнуки лица, принявшего святое крещение. Тем не менее, есть основание считать, что Рудак-Андрей был первым христианином в роду уфимских Ураковых.

Основанием для этого предположения является прямое указание из дворянских родословных книг, извлечения из которых сохранились в фонде Д.С. Волкова. Запись о происхождении рода Уракова гласит: «Рудак сын Ураков мурза был взят в полон из Ногаи мал и крещен и назван Андреем, крестным, дети Рудака Уракова немело терпели прежде от таких нападателей волокиты и убытки и бесчестье и от того предерзостей по грамоте царских 1640 года 1646 и 1664 годов производился розыск и велено его оберегать и в никакой порочный чин не выбирать по разбору велено именовать по прежнему княжьими именами а на чело-

---

[1] Посольские книги по связям России с Ногайской ордой. С. 186.

[2] См.: *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв.

[3] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. О.Н. Трубачева. Второе русскоязычное издание. Т. III. М., 1987. С. 513.

[4] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 357. Л. 3.

битчиков доправить за их бесчестие»[1]. Кроме того, Рудак Фёдоров отмечен как толмач, то есть переводчик. Рудак умел писать на тюрки. Подобными навыками обладали только те, кто проходил обучение у мусульманских духовных лиц. По этой причине следует полагать, что отчество «Фёдоров» – это имя не настоящего отца Андрея, а священника, производившего обряд крещения. Кстати, в Уфе в начале XVII в. действительно отмечен некий «троецкий поп Федор Савостьянов»[2].

Кто же был отцом Андрея Уракова? Судя по времени жизни, а служилый новокрещен Рудак Фёдоров умер своей смертью в 1629 г., он не мог быть сыном мурзе Ураку, погибшему в конце 1530-х гг. Уфимский толмач вполне годился Ураку во внуки. Некоторые косвенные данные из архивных источников позволяют сделать предположение об имени отца Рудака. В 1641 г. при верстании в дворянство сыновья Рудака назвались Белекбулатовыми[3]. Откуда взялась фамилия Белекбулатов? В XVI–XVII вв. фамилии (родовые имена) только появляются в России. Первые фамилии возникали от имени отца (отчество) или деда (дедичества). Следовательно, одного из сыновей мурзы Урака звали Белек-Булат. Имя это, кстати, встречалось среди потомков ногайского бия Мусы[4]. Однако фамилия Белекбулатовых не закрепилась, а дети Рудака-Андрея предпочли в качестве родового имени использовать не имя деда, а имя прадеда – прославленного батыра Урака.

Итак, в 1594 г., то есть через восемь лет после официального основания русской крепости Уфы, Андрей (Рудак) Ураков получил поместную дачу по Сибирской дороге в 10 верстах от города: «По 8 четей. Новокрещен Ондрюшка, прозвище Рудак Федоров. И во 105 году по дачи сына боярского Офонасья Карцева да с ним подьячево пушкаря Осипа Губина дано государева жалованья Рудаку на Великом поле по Сибирской дороге на праве меж дороги Асанчюка да Ивана Каловских пашни на 8 чети в поле, а в дву потому ж, да сенных покосов против города за рекою за Белою Волошкою и около ево пашни на тритцать копен. Да Рудаку ж дано на семена 2 чети овса, 2 чети ячменю, 2 чети ржи»[5]. Таким образом, потомок ногайского мурзы в русскую службу был записан в список служилых новокрещён. В этом статусе представители уфимского рода Ураковых находились почти полвека, до 1629 г.

---

[1] НА УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 3. Л. 47.
[2] Текст «Отводной книги по Уфе (1591/92–1629)» [сост. Н.Ф. Демидова] // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 339.
[3] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 357. Л. 4.
[4] *Трепавлов В.В.* История Ногайской орды. С. 237.
[5] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1058. Л. 4.

По неизвестным причинам служилые новокрещёны Русского государства XVI–XVII вв. не привлекли внимания отечественных историков. Большинство исследователей служилого населения России этого периода ограничились общей формулировкой, согласно которой служилые новокрещёны имели нерусское происхождение и несли конную службу наравне с дворянами. В литературе также указывается, что их социальный статус был временным, переходным к дворянскому. И.Д. Беляев отмечает, что они были на одинаковых почти правах с боярскими детьми и даже с городовыми дворянами, имели свои поместья, на время походов получали жалование по статьям наравне с городовыми дворянами и боярскими детьми[1].

До 1638 г. их численность в Уфе не превышала 20 человек. При этом, более половины (12 человек) были исключены из станичной и полковой службы, поскольку были назначены в приказную избу толмачами у башкир, марийцев, калмыков и татар, то есть скорее относились к ведомству приказного аппарата, нежели к служилому населению. С середины XVII в. в Уфе происходит резкий рост служилых новокрещён. Если в 1640–1650-е гг. в Уфе несли службу 48 служилых человека, представлявших 23 новокрещёнских рода[2], то в конце XVII в. служили 300 выходцев из 110 фамилий[3]. По численности они уступали только пешим стрельцам.

В Уфе стрельцов и казаков не верстали в дворянский список, поэтому запись в служилые новокрещёны была для них единственным путем повышения сословного статуса. Большинство приборных служилых людей были верстаны в этот список только благодаря личным успехам в военной службе. Утверждение И.Д. Беляева о переходном или временном статусе служилых новокрещён следует принять с определёнными оговорками. Стрельцу или крестьянину поверстаться в служилые иноземцы и новокрещёны было проще, чем служилому новокрещёну проникнуть в дворянский список. К 1700 г. только представителям 12 из 110 родов удалось поверстаться из служилых новокрещён в дворянский список. Все они, за исключением Ураковых, были пожалованы дворянством за конкретные службы.

Оклады служилых иноземцев и новокрещён значительно уступали дворянским. Во второй половине XVII в. существовало всего три статьи, в которых верстали этих служилых людей: 1)

---

[1] *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской окраине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 34.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6468. Л. 299.

[3] Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 997. Л. 22–24.

200 четвертей – 7 рублей; 2) 150 четвертей – 6 рублей; 3) 100 четвертей – 5 рублей[1]. Из 266 уфимских новокрещён, чьи оклады известны, только 86 человек были верстаны поместными окладами. Остальные 180 новокрещён имели только хлебные и денежные оклады. Уфимская администрация не признавала за неслужилыми детьми новокрещён прав на отцовские поместья. Более того, если дворянских недорослей никогда не принуждали записываться в прибор, то с детьми служилых новокрещён поступали так довольно часто. Их детей произвольно записывали в конные и пешие стрельцы, казаки и переводили в молодые подьячие без денежного оклада. Более того, служилых новокрещён, в отличие от дворян, массово привлекали для строительства и ремонта городских укреплений, поставки дров для казённых учреждений, работы на казённых мельницах и т. д.

Непрестижность и социальная уязвимость статуса служилого новокрещёна подвигла уфимских Ураковых выискивать любую возможность для перехода в дворянский список. Это им удалось в 1629 г. В 1641 г. уфимские служилые новокрещёны и толмачи Фёдор Дербышелев, Назар Уржумцев, Василий Киржацкий и Иван Тогонаев подали челобитную на Андрея Уракова и его сыновей, обвинив их в «ложном верстании» в дети боярские[2]. Как указали в своей жалобе служилые новокрещёны Уфы: «Андрей Ураков с братею своей для многих посылок для наших дел с уфимцы с детьми боярскими не был, а был в толмачах, и впредь никто в детях боярских не бывал». Челобитчики указали несколько причин, позволивших Ураковым, по их представлению, незаконно поверстаться в дворяне. Во-первых, в поместной книге уфимского воеводы Семёна Волынского, составленной до 1629 г., Андрей (Рудак) вместе с детьми были записаны не Ураковыми, а Белекбулатовыми.

Однако при верстании в дворянский список Андрей с детьми назвались Ураковыми, что по мнению жалобщиков, дало возможность ввести администрацию Приказа Казанского дворца в заблуждение. Во-вторых, Ураковы были верстаны в дворянский список без окладчиков от служилых новокрещён. Эту функцию взяли на себя дворянские окладчики Савва Аристов и Фёдор Каловский.

Обычно окладчики выбирались уездными дворянами из своего состава для участия в процессе верстания в дворянский список. В компетенцию окладчиков входила подача сведений о происхождении, службах недорослей до верстания. В ходе раз-

---

[1] Там же. Д. 647. Л. 1–3; Д. 772. Л. 2–4.
[2] Там же. Д. 357. Л. 3–6.

боров окладчики были обязаны предоставлять сведения о поместном и денежном жаловании уфимских дворян.

В случае с Ураковыми Аристов и Каловский пошли на явное нарушение правил, требующих выявлять дворянское происхождение претендентов на дворянский статус. Однако, как указано в челобитной 1641 г., оба этих окладчика о прежнем новокрещёнском статусе Ураковых ничего не сказали: «он Федор, будучи в окладчики у верстания, про уфинцев про Василия да Богдана Антоновых детей для чего не сказал, что отец его их Васильев да Богданов Антон Белекбулатов, а не Ураков».

Впрочем, Савва Аристов мог и не знать о происхождении Андрея Уракова, поскольку он не состоял в уфимском служилом списке, а был казанским служилым человеком. В конце 1620 – начале 1630-х гг. С. Аристов находился в Уфимском уезде, где производил перепись ясачного населения для составления новых окладных книг[1]. Почему казанский дворянин стал окладчиком уфимских дворян? Как известно, большинство дворян были переселены в Уфу из Казани. Вероятно, дьяки разрядного стола Приказа Казанского дворца решили, что казанец лучше знает о прошлых заслугах и «отечестве» своих бывших сослуживцев.

Род Каловских нельзя отнести к верхушке служилого города. Об этом свидетельствуют как местнические споры, в которых большинство уфимских дворян называли Каловских «худородными», так и длительное отсутствие Каловских в выборном и дворовом списках. Тем не менее, не обладая признанной родовитостью, Каловские были весьма успешными администраторами. Фёдор Иванович Каловский в 1635 г. был головой уфимских стрельцов, то есть занимал вторую после уфимского воеводы по значению должность в городе. В данном случае, молчание Фёдора Каловского при верстании Ураковых объясняется очень просто – он был зятем Андрея Уракова[2].

Несмотря на судебное разбирательство в разрядном столе Приказа Казанского дворца, открывшего явные нарушение установленных правил, уфимских Ураковых не вернули в прежнее состояние служилых новокрещён. Следует отметить, что служилые новокрещёны осмелились подать челобитную спустя 11 лет после верстания Ураковых. Возможно, пока были живы окладчики Фёдор Каловский и Савва Аристов, они просто не решались протестовать против беззаконного решения властей.

Однако амбиции Ураковых простирались дальше положения городовых дворян. В 1686 г. внуки Рудака Уракова – Антон,

---

[1] Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 671. Л. 453.

[2] Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 661. Л. 4.

Семён и Богдан с братьями и племенниками подали челобитную, которая была удовлетворена в Приказе Казанского дворца в 1689 г. Они доказали, что «породой де они иноземцы Урака мурзы Алчагирова, и родственники их Ураковы и доныне в Крыму владеют Казыевым Улусом, да в родственниках их же стольник и князь Яков Алей Мурзин Ураков да князь Федор Богданов Ураков, и по породе пожаловали бы их княжьими именами и великий государь пожаловал и против ближних родственников князя Якова да князь Федора Уракова велеть писать княжьими именами, чтобы им против родственников своих обиды не было, и в 7197 году пожаловали их Ураковых с братьями велели им писаться княжьими именами»[1].

Тогда же у внуков Рудака-Андрея обнаружился двоюродный брат Иван в Ярославле. Его сын – Яков Ураков к концу XVII в. достиг придворного чина стольника. В среде провинциального дворянства было принято поддерживать хорошие отношения с перспективными родственниками. Но главное заключалось в том, что дети Урака в Крыму вошли в узкий круг правящей элиты ханства. Несмотря на враждебные отношения между Москвой и Крымом, такое родство могло положительно сказаться на карьере уфимских дворян.

Правнуки и даже более отдалённые потомки Рудака Фёдорова не обрусели полностью. Несмотря на то, что Ураковы традиционно женились на русских дворянках, многие поколения княжеского рода сохраняли не только знание языка, но и культуры тюркских народов. Уфимский дворянин В.А. Гладышев, сыгравший важную роль в принятии в российское подданство каракалпаков, в 1740-е гг. рекомендовал в качестве дипломата для ведения переговоров с ханом Младшего жуза Абулхаиром поручика Ивана Васильевича Уракова, который «родом уфимец и по-татарски говорить действительно умеет, и их все обычаи и права довольно знает и положенного дела без упущения справить может»[2].

Андрей Фёдорович Ураков сумел не только поверстать своих детей в дворянский список. Именно он создал основу будущего поместного хозяйства Ураковых. После получения первой скудной дачи (8 четей пашни), ему удалось значительно расширить свои владения за счёт «заложных», то есть распаханных земель к северу от Уфы в районе реки Шугуровки. В 1612 г. эта речка называлась Урнияз, а деревня, основанная служилыми

---

[1] Там же. Д. 782. Л. 7.

[2] *Аполлова Н.Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948. С. 165.

башкирами во главе Шугуром Коккузовым, уже стала называться в его честь. Около этой деревни Андрею Уракову было отведено 20 четей пашни (30 десятин)[1]. К 1629 г. у Андрея Уракова значилась ещё одна дача на Белой реке около Соснового озера в 20 четей пашни[2].

Одна из первых подрядных крестьянских записей, сохранившихся в фонде Уфимской приказной избы, непосредственно касается хозяйства Андрея Уракова: «Надежа Иванов да сестра его Ганька в прошлом, государь, 7129 (1621) году подрядилися, государь, у меня того Надежы – отец Иван Васильев Устюжанин с женой своей жить за мной во крестьянстве и за детьми за Антоном и за Иваном с братией безвыходно, по крестьянской записи пашни ему пахать на себя четвертая доля выти, а отец его взял у меня ссуду корову рыжу, цена два рубли, и в льготные годы тому Ивану поставить было двор на себя на дворе хором в избу и мыльну и двор огородить да новый овин и мельницу, и после льготных лет Ивану у детей моих пахать по 8 четвертей овса и ржи и в твою великого государя подати да на себя ставить по копен да по пяти возов дров да по 10 дней делать всякого дела да жать и измолотить тому Ивану на вся годы и гумна и отец его Иван с детьми своими тое суды коровы и на дворе хоромы и мыльню и дворовую городьбу и овин на племянницы не ставил и ржи по осьмине и по чети овса на меня и детей моих по сю пору не пахивал и дров не возил и по 10 дней изделье не делал милостивый государь пожалуй меня холопа своего вели мне на того Надежу и сестру в той моей службе»[3].

К 1629 г. Андрей Ураков, будучи пожилым человеком, был отставлен от станичной и походной службы и служил в толмачах и татарских приставах, а его поместный оклад составлял 450 четей пашни. После его смерти в его вакантный оклад был поверстан сын Андрей (Потеха) Андреев сын Ураков. Другие сыновья Андрея Уракова – Антон, Никита, Семён и Иван – часто писались по отчеству «Рудаковы».

Антон Андреев (Рудаков) был вёрстан в служилые новокрещёны еще в начале 1590-х гг. Он добился первого земельного отвода ещё при жизни отца – в 1613 г. Ему была дана дача «за Уфой рекой выше Кадомцевой деревни, под усад от Двойного озера на горе, да в угодье лес и сенные покосы в половину его оклада в 200 копен. А оклад его поместный 200 четей»[4]. В 1621 г. после смерти брата Никиты Антону была отведена дача: «за

---

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1088. Л. 3–5.
[2] Там же. Д. 1244. Л. 2–7.
[3] Там же. Д. 265. Л. 2.
[4] Там же. Д. 650. Л. 4.

Уфой рекой выше Кадомцевой деревни под усад от Двойного озера на горе, да в угодье лес и сенные покосы в половину его оклада в 200 копен. А оклад его поместный 200 четей»[1]. В 1639 г. Антон бил челом «об озерке Двойном и Мелком к его поместью 60 четей пашни, на городовой стороне повыше села Богородского за четвертную пашню за 50 четей, а пред сего то озерко откупали лет с 10 по 1 рублю с полтиной на год»[2].

По уфимским переписным книгам 1647 г. за Антоном Ураковым значилась пустошь на реке Шакше, а также бывшее брата его Микиты поместье, «да за ним же деревня Антонова. Сыскано сверх приправочных книг на Двойном озере крестьян и бобылей нет, да за ним же деревня Антонова на Лавашном озере, пуста»[3]. После его смерти наследники получили три безлюдные дачи со 138 четвертями пашни.

Антон Андреевич отличился как на военном, так и дипломатическом поприще. В 1630 г. сын боярский Антон Ураков послан к Далай Тайше бить челом великому государю и к шерти приводить, а до улусов не доехал[4]. В 1631 г. он вновь был отправлен в улусы «призывать к государевой шерти и как наехали на него калмацкие воинские люди и пограбили и взяли у него живот и разную служилую рухлядь на 30 рублей, а были в орде всего один год, а как приехали к государю к Москве с Уфы с калмацкими послами дано ему жалование 7 рублей, да сукна доброго, и за убытки что его пограбили на 10 рублей»[5].

В 1635 г. Антон Ураков принял участие в известном походе уфимцев против сибирских кучумовичей Аблая и Тевкеля, в ходе которого были разгромлены основные силы калмыков в Зауралье[6]. Умер он в 1648 г.

Андрей (Потеха) Андреевич Ураков был вёрстан в новокрещёнский список в 1612 г. в Уфе. В 1629 г. он выгодно обменял свою долю отцовского шугуровского имения (10 четей), на дачу за Белой рекой у Соснового озера (20 четей) у уфимского татарского переводчика Акмана Байчурина[7]. В отличие от брата Антона, Потеха был более успешен в военных и дипломатических делах. Он, как и брат, принял участие в сражении с калмыками Аблая, но за своё участие был пожалован существенной денежной наградой: «В 1637 г. велено ему за службу 1635 г. и за уби-

---

[1] Там же. Д. 1136. Л. 5.
[2] Там же. Д. 1058. Л. 6.
[3] Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6468. Л. 278.
[4] Там же. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1630. Л. 39.
[5] Там же. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1631. Л. 17.
[6] Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 263. Л. 11.
[7] Там же. Д. 1058. Л. 2.

тых мужиков придачи учинить денежного 1 рубль к его окладу к 9 рублям»[1]. В том же 1645 г. Потеха Ураков был послан «к калмыку Чокулу Турале тархану с женой его Чокуловой с Ноганой в обмен на русский полон на 10 человек и как уфимец Потеха Ураков Чокуле жену его отдал, а сам он Потеха остался для поиску дочери своей взятой в полон сентября 26»[2].

В 1644 г. Потеха Ураков смог добиться отвода значительного поместья в 70 четей на Белой реке «подле пашни крестьян дворцового села Богородского межи у Двойного озера и Камышенки реки». Это вызвало протест дворцовых крестьян, жаловавших на захват Ураковым освоенных ими земель: «а они крестьяне ту землю пахали и оброк 3 года платили, городьбу городили и рожь сеяли»[3]. По переписной книге 1647 г. за Потехой Ураковым значились: «Деревня на реке Укашле за Абызовым городищем сменная с служилым татарином, межи деревни Шугуровой в ней крестьян 3 двора 7 мужеского пола и 1 бобыль. Да за ним же деревня у Соснового озера пуста, крестьян нет»[4].

Семён Андреев (Рудаков) сын Ураков был вёрстан в дворянский список в 1629 г. Судя по отводным документам, ему была отделена земля «выше города за Уфой рекой на ключе дикого поля на 40 четей в поле»[5]. По переписным книгам 1647 г. за за Семёном Ураковым значился «двор в Уфе с дворником, да сыскано сверх приправочных книг деревня на Сосновом озере, за ним 3 двора с шестью душами мужеского пола, да за ним же деревня у Соснового озера деревня Семенова пуста, разорено от калмыков»[6]. В 1648 г. его служилый оклад составлял поместного 400 четей денежного и 14 рублей жалования[7].

В 1648 г. на него жаловались башкиры Кубовской волости, обвинив его «в отымании у них насильством пашенной ясачной земли, на которой он Семен хочет поселится починком, велено тому Семену от той вотчины отказать»[8]. В 1650 г. он приобрёл поместную дачу у служилого новокрещёна Фёдора Дербышелева «вниз по Белой реке за Абызовым городищем, а на тое земле отводчиков не было, а всего на 37 четей в поле»[9].

Иван Андреев (Рудаков) сын Ураков был вёрстан в служи-

---

[1] Там же. Д. 333. Л. 2.
[2] Там же. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1645. Л. 22.
[3] Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 383. Л. 5.
[4] Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6468. Л. 239.
[5] Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 341. Л. 7.
[6] Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6468. Л. 229.
[7] Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 341. Л. 455.
[8] Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 763. Л. 12.
[9] Там же. Д. 1161. Л. 7.

лые новокрещёны в 1609 г. В 1612 г. ему была отведена пашня «на 50 четей в поле по Шугуровке реке вверх, подле отцовой пашни заложные земли на межи Фирса Аничкова»[1]. В 1633 г. Иван Ураков был послан к Дайчин тайше «с товарищем толмачем Василием Киржацким звать их на Уфу и говорить им про государев указ и отпустить с ним калмацких послов которые были с ним на Москве»[2].

К третьему поколению уфимских Ураковых относились Богдан Антонович, Алексей (Алей) Антонович, Василий Антонович, Василий Иванович, Иван Иванович, Пётр Семёнович, Василий Семёнович, Иван Семёнович, Василий Андреевич, Андрей Андреевич и Фёдор Андреевич. Согласно уфимской переписной книги 1647 г. Ураковым принадлежало два двора в Уфе (Алей Антонович и Семён Андреевич) и девять деревень в Уфимском уезде.

Это деревня Шугурова на речке Укашле за Абызовым городищем (Потеха Андреевич), дер. Антонова у Ольхового озера (Антон Андреевич), дер. Алеева на реке Шакше (Алей Антонович), дер. на реке Шакше, «что прежде была Никиты Уржумцева» (Антон Андреевич), дер. Иванова на Уфе реке на Володимеровом перевозе (Василий Иванович), дер. у Соснового озера (Потеха Андреевич), другая деревня у Соснового озера (Семён Андреевич), деревня вверх по реке Юрмаш (Василий Иванович), дер. Антоновская на Двойном озере (вдова Марья Антоновская жена Уракова). Крестьянское население всех деревень Ураковых составляло 7 дворов и 15 душ мужского пола[3].

К проведению первой Ландратской переписи в Уфимской провинции в 1718 г. количество деревень, принадлежавших Ураковым, сократилось до шести. Это деревня на реке Белой на городовой стороне, принадлежавшая правнуку Рудака Фёдорова – Степану Ивановичу Уракову, деревня на реке Укашле на городовой стороне (Григорий Васильевич), деревня за Белой рекой на Сосновом озере (Василий Васильевич), деревня за Абызовыми горами на городовой стороне (Андрей Андреевич), деревня на реке Шугуровке (Фёдор Иванович) и деревня за рекой Уфой (Василий Васильевич). Общее число дворовых людей и крепостных крестьян, записанных за Ураковыми, выросло до 57 душ мужского пола. Самым крупным душевладельцем был Василий Васильевич Ураков[4].

Несмотря на очевидную незначительность материального положения Ураковых, по отношению к другим уфимским поме-

---

[1] Текст «Отводной книги по Уфе (1591/92–1629)». С. 293.
[2] РГАДА. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1633. Л. 12.
[3] Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6468. Л. 222, 224, 225, 226, 227.
[4] Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 440. Л. 58, 59, 61, 66, 71.

щикам они могли считаться вполне состоятельными дворянами. Ураковы входили в число восьми уфимских дворянских родов, где на каждого помещика приходилось не менее 7 душ мужского пола. У большинства же уфимских дворян (77%) это соотношение было значительно ниже (от 1 до 5 душ).

Будучи крупнейшим в своем роду душевладельцем Василий Васильевич испытывал недостаток в рабочих руках, компенсируя его за счёт привлечения наёмных работников. В 1702 г. ему дали запись мари Осинской дороги с женой и дочерью в том, «что взяли 8 рублей денег за те деньги жить в его поместной деревни год и пахать на его лошадях две меры ржи и две меры овса и хлеб жать и молотить и вокруг полей городьба городить»[1]. В 1703 г. уже другая марийская семья Осинской дороги «взяли у него Василия 20 рублей, а за те деньги жить у него во дворе 3 года пахать пашни по 3 четверти ржи да ярового хлеба овса и полбы по 3 четверти, прясла чинить ставить по 200 копен сена до по 2 воза лубов да прясла да по 5 гривенок шерсти на год»[2].

Василий Васильевич активно использовал ростовщические операции для преумножения своего состояния. В 1708 г. «казанской расправной канцелярии подьячий Михайла Иванов сын Касимов занял у Василия Васильева Уракова денег 50 рублей, а в тех деньгах заложил поместную свою деревню людьми со крестьяне которая написана в отказных книгах да городецкую свою мельницу с припасы»[3].

Вероятно, считая себя богатым человеком, Василий Васильевич Ураков полагал, что окружающие должны относиться к нему с должным уважением. В 1715 г. ему было нанесено серьёзное оскорбление, повлекшее за собой череду судебных разбирательств и вмешательство Правительствующего Сената. Во время праздника, устроенного уфимским обер-комендантом Дмитрием Бахметьевым в честь императорских именин (государева ангела), уфимские дворяне Василий Ураков и Максим Аничков «бранились называли друг друга изменниками»[4].

После этих обвинений в дело вмешался уфимский провинциальный фискал Леонтий Яковлев, который провёл первичное расследование. В ходе допросов участников конфликта выяснилось, что Аничков и Ураков обвиняли друг друга в государственной измене, которая, по их словам, имела место в ноябре 1707 г., когда восставшими башкирами был разгромлен уфимский солдатский полк под командованием Петра Хохлова.

---

[1] Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12133. Л. 113.
[2] Там же. Д. 12135. Л. 37.
[3] Там же. Д. 12144. Л. 77.
[4] Там же. Ф. 248. Оп. 3. Д. 104. Л. 139–161.

В ходе этого события часть уфимских служилых людей не просто сдалась в плен башкирам, но приняла активное участие в уничтожении остатков уфимского полка. Действительно, оба фигуранта дела оказались в плену у башкир. Однако, если Василий Ураков был передан башкирам в качестве заложника (аманата), то Максим Аничков во время осады сам «с боя бросил лук свой ушел к ним ворам башкирцам в измену».

Василий Ураков утверждал, что, после перехода части уфимцев на сторону башкир, «набежали на них башкирцы многолюдством да с ними толмач Дмитрий Сюзьмин, Максим Аничков, Осип Лопатин, Василий Гладышев, сотник Петр Шапошников и иноземец Алексей Жуков, которые били на них боем и он де Петр Хохлов с оставшимся служилыми людьми от безмочья ушел в колок и сел в осаду и те воры башкирцы приступили и били на них за щитов из луков и пищалей непрестанно а в управлении тех щитов были вышеписанные русские люди». Обвинения Василия Уракова подтвердили и другие уфимцы, уцелевшие после разгрома полка. Тем не менее, несмотря на военное время, дело было закрыто. В Сенате решили прекратить процесс «потому, что дело старое и Петр Хохлов умре и очные ставки давать некому».

В событиях крупнейшего башкирского восстания 1704–1711 г. значительной была роль и Ивана Ивановича Уракова. Он был поверстан в дворянский список в 1690 г. с окладом поместного 250 четей и денежного 10 рублей[1]. Осенью 1707 г. Иван Ураков возглавил правительственный отряд, который по приказу уфимского воеводы Аристова разорил деревню тархана Бурзянской волости Алдара Исекеева. В ходе следствия, проведённого после окончания восстания, выяснилось, что именно это событие явилось началом крупномасштабного восстания башкир: «розбили и в полон брали ясырей, пожитки и лошадей, явились спор и драка, и война зачалась»[2].

В XVIII – первой половине XIX вв. Ураковы предпочитали поступать на военную службу. Если в формулярных списках оренбургских чиновников мы и находим представителей этого семейства, то исключительно в качестве отставных военных. На протяжении XVIII – первой половины XIX в. нами обнаружено 16 Ураковых, служивших офицерами в Оренбургском корпусе и только три представителя рода, занимавших различные посты в гражданской администрации.

---

[1] Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 343. Л. 1001.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. / Сост. А.О. Брусникина. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 46.

Из наиболее известных представителей семьи, посвятивших себя военной службе, стоит отметить капитана Ивана Григорьевича Уракова. Он родился в 1721 г. В военную службу вступил в Уфимский гарнизонный драгунский полк в 1735 г., за ним тогда числилось по Уфимской провинции 5 душ крестьян. К 29 годам Иван Ураков дослужился до вахмистра, а к 33 годам он уже поручик, адъютант Оренбургского гарнизона Пензенского пехотного полка. В 1773 г. в чине капитана выходит в отставку[1].

В октябре 1773 г. Уфимская провинциальная канцелярия поручила Уракову набрать в волостях вдоль реки Белой конную команду из вооружённых башкир и татар, чтобы следовать на помощь Оренбургу, осаждённому войском Е.И. Пугачева. С большим трудом удалось ему набрать до 150 конников и довести их до деревни Биккуловой, куда должен был подойти корпус генерала В.А. Кара, направлявшийся к Оренбургу по Ново-Московской дороге. Утром 8 ноября 1773 г. во время начавшегося боя корпуса Кара с отрядами пугачёвских атаманов Зарубина-Чики и Овчинникова у деревни Юзеевой, в его рядах произошло замешательство. Сам Ураков, не дожидаясь исхода боя, завершившегося поражением Кара, с двумя оставшимися с ним башкирами ускакал в Уфу. С конца ноября и по 24 марта 1774 г. он находился в рядах защитников города. Упоминается в архивных заготовках Пушкина к «Истории Пугачёва» и в тексте самой «Истории»[2].

Афанасий Егорович Ураков родился в 1739 г. В 20 лет вступил в службу в Уфимский драгунский полк драгуном в 1759 г. и тогда же произведён капралом. В 1761 г. он уже в чине вахмистра, а в 1765 г. произведён в прапорщики. В 1765 г. переведён в Оренбургскую лёгкую полевую команду поручиком. В 1771 г. он прикомандирован в качестве адъютанта к начальнику Моздокской линии генерал-поручику Иоганну Медему в чине капитана. В 1774 г. за отличие награждён чином секунд-майора. В 1776 г. переведён в Азовский пехотный полк в чине премьер-майора. В 1784 г. стал кавалером ордена Святого Владимира 4-й степени. В 1786 г. переведён подполковником в Кавказский гренадерский полк. В 1788 г. за 25-летнюю беспорочную службу пожалован орденом Георгия 4-й степени. В 1792 г. назначен полковником в Кабардинский мушкетёрский полк. В

---

[1] РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 447. Л. 10.

[2] Оренбургская Пушкинская Энциклопедия: Путешествие-1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочки». Исследователи и интерпретаторы / Авт.-сост. Р.В. Овчинников, Л.Н. Большаков. Оренбург, 1997. С. 487.

1796 г. произведён генерал-майором и шефом его имени полка и комендантом Кизляра.

В 1797 г. и по высочайшему повелению при отставке пожалован пенсионом половинным генерал-майорским жалованием. В 1801 г. по выборам оренбургского дворянства избран был на восьмое трёхлетие в судьи совестного суда. В 1803 г. избран членом в комиссию по раскладке по Оренбургской губернии земской повинности. В 1803 г. по выборам дворянства выбран вторично на 12-е трёхлетие судьёй в совестной суд. В 1815 г. по выборам дворянства избран в оренбургское дворянское депутатское собрание для составления и продолжения дворянских родословных книг депутатом.

Участвовал в походах: «1769 г. по реке Кубани и при поиске кубанцев, в 1770 г. при поиске чеченцев, в 1771 г. против кубанских народов от командира генерал-майора Крейденера с 100 донскими казаками к нападению на аулы кубанские, где не взирая превосходного числа неприятеля, атаковал оных и через чувствительный урон привел оных в замешательство и бегство, причем довольное число взято в плен до 700 кибиток, а на последок, при двоекратном нападении теми же кубанцами во время переправления команды через реку Кубань и недопущения их к завладению переправой с немалым уроном отразил, а сверх того в том же году за рекой Кубань и Лаба про поиске кубанских народов. В 1774 г. при взятии крымского Ширина князя мурзы и при нападении кабардинских народов на деташамента майора Крейденера и при соединении корпуса в самых жилищах кабардинцев находился. В 1775 г. откомандирован был с командой для нападения на жилища, обитающих в горах народов, где вступил с ними в сражении и ободряя в команде своей гребенских казаков, презря полученную сперва в левую ногу рану, войдя в жилище придал оное огню и в котором случае получил и вторую рану пулей в глаз. В 1777 г. отправлен был для приведения в российское подданство чеченцев, и будучи в их жилищах через некоторое время привел их в совершенное законной власти повиновение и взял аманатов. В 1785 г. по сообщению появившегося у чеченцев Шейха Мансура и по возвращении с оным разных орд народов так же всю турецкую войну находился в Большой Кабарде для смотрения за поступками оного и других горских народов и внушения подданнической верности. В 1793 г. при открытии в Большой и Малой Кабарде судов и расправ и начальствующего над оного верхнего пограничного суда, в которой по высочайшему повелению определен был членом, и находился по 1797 г. а так же и приставом у кабардинского наро-

да».[1]

Его сын Иван Афанасьевич Ураков также дослужился до генеральского звания. Родился в 1765 г. В 1783 г. записан в гвардию капралом. В 1783 г. – фурьер, в 1786 г. – подпрапорщик, в 1787 г. – каптенармус. 4 октября 1787 г. по именному указу переведён в Углицкий мушкетёрский полк с производством в поручики. Участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Отличился в сражениях 19 декабря 1788 г. при Гангуре и 7 сентября 1789 г. при Салче, участвовал в штурме крепости Измаил, после перехода российской армии за Дунай сражался 26 марта 1791 г. при Исакче, 4 июня 1791 г. при Бабадаге и 23 июня 1791 г. при Мачине.

С мая 1792 г. И.А. Ураков служил в Польше, в 1794 г. принимал участие в подавлении восстания генерала Костюшко, с 2 июля по 25 августа 1794 г. находился при блокаде Варшавы, отличился в сражениях 22 сентября 1794 г. при Козеницах и 29 сентября 1794 г. при Мацеевицах. За храбрость, проявленную при штурме Варшавского предместья Праги, награждён 29 сентября 1794 г. чином капитана.

С 26 декабря 1795 г. под командованием генерал-аншефа графа Валериана Александровича Зубова участвовал в Персидском походе, за отличие в сражении 1 октября 1796 г. при деревне Аллане против превосходящих сил Сурхай-хана Казикумыхского произведён 26 ноября 1796 г. в майоры. 13 марта 1800 г. – подполковник, командир Углицкого мушкетёрского полка, 6 апреля 1802 г. уволен от должности полкового командира «с оставлением в полку».

23 апреля 1806 г. произведён в полковники и 3 мая 1806 г. вновь возглавил Углицкий полк в составе 14-й пехотной дивизии генерала Романа Карловича Анрепа в Великих Луках. Осенью 1806 г. выступил к реке Буг для наблюдения за французами, 1 января 1807 г. сражался при Морунгене, отличился под командой генерала Карла Фёдоровича Багговута в арьергардных делах при отступлении армии к Кёнигсбергу, сражался при Эйлау, Гуттштадте, Гейльсберге и Фридланде.

18 октября 1808 г. И.А. Ураков переведён в Тифлисский мушкетёрский полк и до 10 ноября 1811 г. состоял шефом полка. Награждён орденами Святого Владимира 4-й степени (1807 г.) за сражение 26 и 27 января 1807 г. при Прейсиш-Эйлау, где мужественно отражал штыками неприятеля, Святой Анны 2-й степени (20 мая 1808 г. «за время сражения 24 мая 1807 г. при Гуттштадте, командуя вверенным ему батальоном, в совершен-

[1] НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 402. Л. 321.

ном порядке и с мужеством бросился на неприятеля и личной храбростью много способствовал к поражению оного») и золотой шпагой «За храбрость» (1808 г.). В сражении 29 мая 1807 г. под Гейльсбергом, командуя полком, «оказал отличную храбрость, поощряя своих подчинённых к поражению неприятеля»[1].

В XVIII в. материальное положение Ураковых сначала не улучшалось. Согласно второй ревизии, которая проходила в Уфимской провинции в 1748 г., за Ураковыми числилось всего три деревни. Это дер. Ширинская вдовы Анны Афанасьевой жены Степана Уракова, дер. Уракова Василия Андреевича и другая деревня Уракова Уфимского гарнизонного пехотного полка поручика Василия Степановича Уракова[2]. При этом вдове принадлежало 30 ревизских душ, Василию Андреевичу – семь, а Василию Степановичу – 12 душ.

Следующая третья ревизия, проходившая в Уфимской провинции в 1762 г., показала большее число душевладельцев из рода Ураковых[3]. Это деревня Уракова, Потехина тож, что на речке Укашле за отставным драгуном Оренбургского драгунского полка Василием Андреевичем, дер. Уракова за каптенармусом Оренбургского гарнизона драгунского полка Григорием Васильевичем, дер. Уракова по Ногайской дороге капитана Василия Степановича Уракова, дер. Уракова на Сибирской дороге за вахмистром оренбургского гарнизона Оренбургского драгунского полка Петром Григорьевичем, дер. Уракова на Сибирской дороге за поручиком Оренбургского гарнизона Пензенского пехотного полка Иваном Григорьевичем и дер. Уракова за подпрапорщиком Уфимского драгунского полка Егором Васильевичем. Общее душевладение рода составляло 43 ревизских души. Но только у подпрапорщика Егора Васильевича числилось 27 душ.

Вместе с тем, к концу XVIII в. наблюдается некоторое укрепление поместного хозяйства дворян Ураковых, что зафиксировало Генеральное межевание, прошедшее в Уфимском уезде на рубеже XVIII–XIX вв. Всего за 10 представителями рода числилось 10 поместных дач общей площадью 7195 десятин[4]. Из указанного числа земельных дач лишь четыре прилежали к населённых пунктам. Это сельцо Ураково общего владения подполковника Алексея Васильевича, майора Ефима Ивановича, подполковника Афанасия Петровича, поручика Ивана Петровича, прапорщика Алексея Петровича. Затем деревня Кириллова владения генерал-лейтенанта князя Василия Егоровича Уракова, а

---

[1] *Вершинин А.А.* Углицкий полк 1708–1918. Ярославль, 2008. С. 78.
[2] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3592. Л. 47, 49, 52.
[3] Там же. Д. 3794. Л. 34, 45, 56, 71.
[4] Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1884. Л. 121, 129, 132, 144, 145, 151.

также сельцо Ураково общего владения подполковника и кавалера Афанасия Егоровича, секунд-майора Василия Егоровича и подпоручика Михайла Егоровича. И, наконец, сельцо Касимово общего владения подполковника и кавалера Афанасия Егоровича, подполковника Василия Егоровича и подпоручика Михайла Егоровича Ураковых[1]. Общее душевладение десяти помещиков составляло всего 173 души, что по российским меркам называлось мелкопоместным хозяйством.

Впрочем, некоторое оживление хозяйственной активности представителей рода Ураковых в конце XVIII в. сменилось полным застоем в середине XIX столетия. Список помещичьих имений Оренбургской губернии от 1853 г. зафиксировал в Уфимском уезде лишь два имения, принадлежавших Ураковым. Это сельцо Ураково за прапорщицей Прасковьей Никифоровной и сельцо Кириллово, записанное за штабс-капитаном Александром Васильевичем[2]. У Прасковьи Никифоровны значилось 17 ревизских душ и 319 десятин земли. Александр Васильевич вполне мог считаться состоятельным помещиком по меркам уфимских дворян. За ним значилось 93 души мужского пола и 2050 дес.

История уфимского княжеского рода Ураковых представляет собой уникальное явление. Его основоположники принадлежали к ветви правящего дома Ногайской орды, а подвиги непосредственных родоначальников Алчагира и Урака вошли в башкирский, казахский и ногайский эпос. При этом инкорпорация их потомков в российское служилое сословие не привела к переводу Ураковых в центральные российские уезды, как это часто бывало с представителями правящих татарских династий. Знали ли в XVII в. православные дворяне Ураковы, отправляясь собирать ясак с башкир, что их прямой предок кочевал в этих же местах, собирая дань с иштяков задолго до падения Казани?

---

[1] Сведения о земельных владениях Ураковых см.: *Абсалямов Ю.М.* Помещики-землевладельцы Уфимского уезда Оренбургской губернии на рубеже XVIII–XIX веков // Река времени. 2011. Уфа, 2011.

[2] НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2840. Л. 34, 41.

Р.Н. Рахимов

Военная служба князей Ураковых в конце XVIII – начале XIX вв.

В конце XVIII – начале XIX вв. в российской императорской армии служило несколько представителей старинного уфимского рода Ураковых. В данной публикации предлагаются биографии некоторых Ураковых выявленные из различных делопроизводственных документов той эпохи.

Военная биография генерал-майора князя Афанасия Егоровича Уракова 1-го (род. в 1739 г.) достаточно подробно описана в публикуемой выше статье Азнабаева. Дополним её информацией, что, по мнению А.А. Подмазо, шефом Кизлярского гарнизонного полка он был не в 1796–1797 гг., а с 13 декабря 1797 по 2 марта 1799 г.[1] Кроме того, как оказалось, А.Е. Ураков выполнял дипломатические поручения. Известна «Инструкция Кавказского генерал-губернатора П.С. Потёмкина кн. Уракову, отправленному к Ума-хану аварскому для привлечения его в подданство России» от 12 августа 1786 г.[2] Поручение было полностью выполнено. В 1790 г. подполковник князь А.Е. Ураков проводил разведку расположения кабардинцев[3]. В списке комендантов Кизляра Ураков значится только под одним годом – 1798. Имеется документ, подтверждающий, что комендантом Кизляра в ноябре 1798 г. был генерал-майор А.Е. Ураков[4].

Биография его сына, дослужившегося до генерала князя Ивана Афанасьевича, освещена в работе А.А. Вершинина и в статье Азнабева, поэтому подробно её касаться не будем[5]. Фрагмент послужного списка говорит об относительной бедности Ураковых – за его отцом в г. Сенгилее Симбирского наместничества числилось всего 5 д. м. п. крестьян[6]. В службу И.А. Ураков вступил в 1783 г. в гвардию. 4 октября 1787 г. переведён из каптенармусов гвардии с производством в поручики в Углицкий пехотный полк. 26 ноября 1796 г. произведён в майоры, затем в подполковники, с 23 апреля 1806 г. – полковник. С 13 марта 1800 г. князь – командир Углицкого мушкетёрского полка. 6 ап-

---

[1] *Подмазо А.А.* Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1815). Справочное пособие. М., 1997. С. 90.

[2] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов / Ответ. ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988. С. 197–198.

[3] Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. С. 217.

[4] Там же. С. 245.

[5] См.: *Вершинин А.А.* Углицкий полк. 1708–1918. Ярославль, 2008.

[6] Там же. С. 235.

реля 1802 г. уволен от должности «с оставлением в полку». С 3 мая 1806 по 18 октября 1808 г. снова командир Углицкого мушкетёрского полка. С 18 октября 1808 по 10 ноября 1811 г. шеф Тифлисского мушкетёрского полка, сменив на этой должности князя Алексея Васильевича Уракова.

Ещё один князь, Василий Егорович Ураков, брат Афанасия Егоровича, командовал Семипалатинским гарнизонным полком. Семипалатинский пограничный гарнизонный батальон был сформирован в 1771 г. в составе пяти строевых и одной инвалидной рот. В 1797 г., при Павле I, батальон был переименован в гарнизонный полк в составе одной гренадерской и четырёх мушкетёрских рот. С 5 июля 1798 г. полк именовался по имени своего шефа – Гарнизонный князя Уракова 2-го полк. 22 августа 1799 г. князь В.Е. Ураков был произведён в генерал-майоры. Шефом полка он оставался до 4 марта 1800 г., когда его сменил майор Вязьмин, а полк вновь был преобразован в батальон[1]. В этот же день князь В.Е. Ураков был произведён в генерал-лейтенанты.

Князь Алексей Васильевич Ураков, полковник, возможно, сын В.Е. Уракова. В конце XVIII в. он проходил службу в Уфимском пехотном полку сверхкомплектно[2]. С 1 марта 1801 по 12 января 1803 г. – командир Уфимского мушкетёрского полка[3]. С 4 октября 1804 по 19 июня 1806 г. командир Рыльского мушкетёрского полка. С 19 июня по 26 ноября 1806 г. шеф Ревельского мушкетёрского полка.

Во время русско-прусско-французской войны 1806–1807 гг. он был назначен во главе передового отряда, состоявшего из Ставропольского калмыцкого полка и двух пятисотенных команд башкир, под начальством майора 29-го Егерского полка Данкеева и кантонного начальника поручика Бурангула Куватова, направленного в Восточную Пруссию. Адъютантом Уракова был капитан 26-го егерского полка Летухин. 4 июня 1807 г. отряд соединился с корпусом донских казаков М.И. Платова, войдя в его резерв[4]. В этот же день отряд принял участие в сражении под Велау.

«В полдень неприятель под прикрытием артиллерии во многих местах переправился через реку (р. Прегель) по понтонам. Кавалерия правого фланга под командою дивизионного ге-

---

[1] НИОР РГБ. Ф. 68. Д. 126.4. Краткая история 17-го Туркестанского стрелкового батальона – хронологическая канва. 1771–1900.

[2] *Энгельгардт Л.Н.* Записки. М., 1997. С. 155.

[3] *Рахимов Р.Н.* История Уфимского пехотного полка. 1796–1833. Уфа, 2004. С. 30–31.

[4] НИОР РГБ. Ф. 68. Д. 83. Л. 83.

нерала Груши пошла двумя колоннами в верх Прегеля берегом, в намерении атаковать левой фланг казаков. Генерал Платов уступая рвению кантонных начальников башкирских команд, приказал князю Уракову напасть с ними на французов. Башкирцы чувствительны были к сему назначению и выполнили приказание с отличным мужеством. Несколько охотников владея ружьем, завели с неприятелем перестрелку, выманивали его, дали к деревне Колм, и разохотили французские ескадроны к преследованию новых невиданных ими людей. Одна башкирская команда стояла за возвышением, за которым трудно ее было видеть, другая подпустив неприятеля в довольное разстояние пустила в кавалерию несколько сот стрел, скрытая же команда сделала потом быстрый поворот на право и ударила дротиками во фланг неприятелю, который не мог устоять, будучи изумлен и замешан новостию оружии, с которым против него действовали. Башкирцы гнали кавалерию до самой пехоты, принудив их сильным огнем оставить конницу которой они не давали пощады»[1].

Затем башкиры занимались маскировочными работами – разводили ночью костры, имитируя лагерь русских войск. В рапорте Главнокомандующему о военных действиях с 24 мая по 4 июня Платов отметил командира Ставропольского полка и двух башкирских команд полковника князя Уракова[2].

С 27 июня 1807 по 18 октября 1808 г. А.В. Ураков – шеф Тифлисского мушкетёрского полка.

Известен ещё один князь Ураков – командир егерей. Князь Ураков, майор, с 23 апреля 1806 г. подполковник, с 12 декабря 1807 г. полковник. С 21 июля 1805 по 3 апреля 1808 г. командир 9-го егерского полка. С 3 апреля 1804 по 21 января 1809 г. – шеф этого же полка. Он был исключен из службы умершим в январе 1809 г.

В 1814 г. Звериноголовским гарнизонным батальоном командовал подполковник князь Афанасий Петрович Ураков. Ему было 53 года (родился в 1761 г.), читать и писать умел, других наук не знал. Он был награждён орденом Св. Георгия 4 степени – за подвиги в русско-турецкую войну. В деревне Ураковой Уфимской округи князь имел 2 д. м. п. Князь был вдов, но имел четырёх детей: Лев Афанасьевич служил в Уфимском гарнизонном батальоне, Иван и Алексей были обер-офицерами армейских полков, Петр – подполковник в отставке[3].

---

[1] Там же.
[2] Там же. Л. 95.
[3] РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5398. Л. 2 об. – 5.

В службу Афанасий Петрович вступил унтер-офицером 3 января 1772 г. в Оренбургский гарнизонный батальон (находился в его составе во время осады Оренбурга Пугачёвым). В это время ему было 11 лет. Вероятно, он только числился в батальоне, представить 11-летнего унтера достаточно трудно. В 1774 г. переведён в Вятский пехотный полк, из него в 1775 г. в Томский пехотный полк. Эти полки находились в 1774–1775 гг. в Оренбургской губернии и имели большие потери в личном составе во время восстания Пугачёва. Вероятно, в Томском полку 14-летний Ураков начал службу настоящую. Через три года он был произведён в офицеры – 21 апреля 1778 г. прапорщик Ураков переведён в Тамбовский пехотный полк.

Далее очередные чины князь получал через 3–4 года. 21 ноября 1781 г. произведён в поручики, 1 января 1786 г. в капитаны, за отличие в сражении под Очаковым – в майоры, 6 декабря 1788 г. Через год, 23 ноября 1789 г. произведён в подполковники с переводом в Рыльский мушкетёрский полк[1]. Так записано в месячном рапорте. Однако Рыльский мушкетёрский полк был сформирован в 1796 г. из 4-го и 5-го оренбургских полевых батальонов. Вероятно, он был переведён в один из этих батальонов, ставших впоследствии Рыльским мушкетёрским полком. В другом таком батальоне, ставшим в свою очередь Уфимским мушкетёрским полком, служил князь Алексей Васильевич Ураков, о котором сообщалось выше. Как видим, Ураков стремился вернуться для прохождения службы в родные места.

Уволен в отставку Афанасий Петрович был 27 октября 1799 г. При Александре I вновь принят на службу по высочайшему приказу и определён в Вильманстрандский мушкетёрский полк 12 мая 1808 г. Почему в него? Этот полк был сформирован в Твери генерал-майором Л.И. Герардом 16 августа 1806 г. из 4-х рот (гренадерской и трёх мушкетёрских) Уфимского мушкетёрского полка с дополнением рекрутами. Таким образом, его формировал полк из Оренбургской инспекции (Екатеринбургский, Уфимский и Рыльский пехотные полки).

Вероятно, в новый полк по-прежнему требовались офицеры из полков его формировавших. Поэтому, вернувшись на службу, подполковник Ураков мог перебить вакантное место (командир батальона или полка) для готового его занять уже служившего штаб-офицера. Командование, чтобы не нарушать порядка службы, и отправило подполковника в новый полк. Вильманстрандцам пришлось принять активное участие в русско-шведской войне 1808–1809 гг., по окончании которой они стали

[1] Там же.

гарнизонами в Свеаборге и Гельсингфорсе. Воевать престарелому подполковнику было тяжело, и он был «переведен по неспособности к службе» в Ротченсальмский гарнизонный полк в 1809 г., из него переведён в Звериноголовский гарнизонный батальон 19 февраля 1810 г., т. е. «вернулся» в родные края.

Князь с 1788 г. был в боевых действиях в Турции, при осаде и взятии Очакова штурмом, в 1789 г. при взятии замка Аджибельского в действительном сражении. В 1808 г. в полк князь приехал во время войны в Финляндии, 20 сентября 1808 г., и участвовал в походе по 21 мая 1809 г.[1]

Подводя итог небольшому обзору службы представителей рода Ураковых на рубеже XVIII–XIX вв. можно сделать ряд выводов. Мы согласны с оценками Б.А. Азнабаева, что представители данного княжеского рода предпочитали военную службу гражданской.

Ураковы несли службу в основном в пехоте – армейской и гарнизонной. Для кавалерийской в эпоху Екатерины II – Павла I – Александра I они были относительно бедны (имели незначительное количество крепостных) и не могли обеспечить себя дорогой амуницией, лошадьми, униформой.

При несении службы держались старого дворянского правила: «На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся». Попав на войну, вели себя храбро, что отмечено награждением орденами, чинами, золотым оружием. Ураковы – участники русско-турецкой войны, похода в Польшу, русско-прусско-французской войны 1806–1807 гг. Многие из них достигли генеральского чина.

Ураковы на службе занимали штаб-офицерские и генеральские чины, были во главе полков, батальонов. Но при возможности перевода стремились вернуться в родные края для несения службы, не претендуя на перевод в гвардию, либо прохождение службы в армейских полках, квартировавших в западных губерниях.

Командование учитывало опыт службы Ураковых в Оренбургской губернии, их знание службы иррегулярных войск (башкир, калмыков) при назначении на различные должности.

---

[1] Там же. Д. 5395. Л. 3 об. – 4.

Н.В. Краснопёрова

Священно и церковнослужители Уфимской епархии в 1782 г. (по материалам Пермского архива)

Важнейшей частью российской истории является изучение судеб православных храмов, которые веками были центрами духовной, общественной жизни на местах, объединяли культурные слои общества. Восстановление истории провинциального духовенства осложняется плохой сохранностью документации, часто уничтожавшейся «за ненадобностью» в советское время.

Особое значение имеют сохранившиеся за пределами административных границ современных регионов архивные материалы, совершенно неизвестные местному научному и краеведческому сообществу. Так, Уфа и приписанные к ней православные храмы во второй половине XVIII в. были переданы из подчинения Казани под власть епископов Вятских и Великопермских. Лишь в 1799 г. император Павел I приказал учредить новую Оренбургско-Уфимскую епархию с центром в Уфе.

Это временное (с 1764 г.) управление духовными делами Уфимского края из Вятки привело к перемещению немалой части документации, которая оказалась в хранилищах других городов. Недавно были найдены и частично опубликованы материалы метрических книг по городским уфимским и сельским церквям 1770-х гг., сохранившиеся в архиве Вятки (Кирова)[1].

А несколько лет назад в архиве Перми обнаружена ревизская сказка о церковно и священнослужителях Вятской епархии за 1782 г.[2] Основную часть составляют сведения о причтах церквей современного Пермского края, но в конце архивного дела оказались данные о храмах сопредельных территорий, в том числе современного Башкортостана.

Ранняя история православных церквей плохо известна. Краевед Р.Г. Игнатьев, собирая сведения по материалам благочинных о приходских уездных храмах за 1869 г., замечал, что «о времени построения церквей, судя по клировым ведомостям, нельзя найти безспорные факты, потому что редко где встречаем известие о прежде бывших церквах; если церковь сгорела или разрушена и на место её выстроена новая, то в клировые ведомости уже вносят о новой церкви, не упоминая о прежней»[3].

---

[1] *Макарова В.Н.* Уфимские материалы из Вятки // Река времени. 2015 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2015. С. 26–32.

[2] Указ о проведении четвёртой ревизии вышел 16 ноября 1781 г.

[3] *Игнатьев Р.Г.* Монастыри Уфимской епархии // Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / под ред. Н.А. Гур-

Пермские материалы перекликаются с собранной для епископа Лаврентия (Барановича) в 1775 г. информацией о состоянии православных храмов края после Пугачёвщины, которые были изданы В.И. Шабалиным[1]. Духовной власти требовались точные данные о состоянии рядового духовенства после социальной катастрофы.

Далее публикуются сведения о приходском духовенстве церквей города Уфы и селений, находящихся ныне в границах Башкирии. Сохранена точная форма записи (в заголовке опущено только обязательное упоминание Вятской губернии, реже, Вятского епархиального ведомства и Уфимского духовного правления), стиль изложения также полностью соответствует информации метрической книги. Сначала указывались должность, затем имя и фамилия, возраст человека (на 1782 г.). Иногда текст плохо виден, возможны исправления авторского варианта прочтения (убирались архаизмы).

Г. Уфы соборная Богородицкая церковь. 2 июня 1782 г.[2]

Протоиерей Василий Михаилов, 33. У него жена Офимья Дмитриева, 33.

Священник Симеон Дмитриев, 51. Жена его Татьяна Ларионова, 47. Дочь Евдокия, 25.

Священник Петр Иванов, 25. Жена его Татьяна Яковлева, 22. Сын Павел, 5 и дочь Анна, 7.

Дьякон Василий Михаилов, 23. Жена его Анисья Кириллова, 22. Дочь у них Мария, 1.

Дьячок Александр Яковлев, 19, посвящен в стихарь. Жена его Евдокия Михайлова, 26. Дочь у них Екатерина, 2. Сестра Александрова девица Евдокия Яковлева, 21.

Дьячок Христофор Иванов, 20, посвящен в стихарь.

Бывший при вышеписанном соборе сторож:

Иван Петров, 70. Жена его Марфа Федорова, 70. По указу Духовного Правления от должности сторожевской отставлен.

У них сын Матвей, 30. Сторож Уфимского Духовного правления. Грамоте не учен. Жена Оксинья Григорьева, 27. Сыновья Григорий, 7 и Михайла, 4. Дочь Лукерья 4 мес.

Того собора умершего сторожа дети Васильевы: Иван 20,

вича. Ч. II. Уфа, 1873. С. 30.

[1] *Шабалин В.И.* Доклад Духовной Консистории Преосвященному Лаврентию Барановичу о разграбленных и сожженных церквах и пострадавших при них священноцерковнослужителях в Пугачевский бунт, 1775 г. марта 5 // Труды Вятской учёной архивной комиссии 1908 года. Вып. I. Вятка, 1908. Отдел III. С. 52–69.

[2] ГАПК. Ф. 111. Оп. 3. Д. 377. Л. 231 и об.

грамоте не учен; Федор 15 обучается; Василий 10 неучен; Агафья 19 и Марфа, 16.

Г. Уфы Троицкая церковь. 30 мая 1782 г.[1]

Священник Илия Иванов, 40. Жена Настасья Петрова, 39 того града купеческая дочь. Дети: Иван 9, Василий 3, Петр 1, Мария 13, Параскева, 11. Мать его вдова, попадья Анна Иванова, 73.

Священник Андрей Симеонов, 25. Жена Татьяна Яковлева, 27 взята протопоповская дочь. Дети: Петр 6, Евдокия 7 и Параскева 4.

Дьячок Василий Иванов, 17, посвящен в стихарь, из поповских детей.

Вдова попадья Татьяна Иванова, 56.

Г. Уфы Христорождественская церковь. Май 1782 г.[2]

Священник Михаил Стефанов, вдов, 53. Дочь его девица Евдокия, 25.

Церковно-причетников же за выбытием к другим церквам при показанной Христорождественской церкви по неопределению оных не имеется.

Г. Уфы. Спасская церковь. Июнь 1782 г.[3]

Священник Иоаким Симеонов, 46. Жена Татьяна Иванова, 41 взята г. Уфы казачья дочь. Дети:

Пономарь Даниил, 26. Жена Мавра Иванова, 18 мещанская дочь.

Михаил, 16 обучается в семинарии; Иоаким, 10 обучает псалтырь; Анисья 13, Евдокия 7; Наталья 6; Надежда 2.

Вдова священника жена Овдотья Михаилова, 54. Дочь ее Марья Лукина, 21.

Г. Уфы Крестовоздвиженская церковь. Май 1782 г.[4]

Священник Гавриил Иванов, 53. Жена его Акулина Тимофеева, 54. У них дети:

Павел 26, по Указу Духовной Консистории правления определен сторожем в Уфимское Духовное Правление. Жена его Матрена Авдеева, 27. Сын их Андрей полуторагоду.

Пономарь Алексей, 22. Жена Васса Петрова, 24.

Василий, 16, словесному обучен, а писать еще обучается.

---

[1] Там же. Л. 232.
[2] Там же. Л. 233.
[3] Там же. Л. 234.
[4] Там же. Л. 235 и об.

Наталья, 13.

Дьячок Иван Кирилов, 45, троебрачен. Жена Марфа Стефанова, 42. Дочь их Евфимия, 20.

Умершего священника дочь девица Анна Стефанова, 37.

Умершего дьячка сын Ефим Иванов, 46. По Указу Казанского Духовной Консистории приписан к Уфимской богадельне. У него жена Пелагея Иванова, 35. Дети их: Николай 16, хотя и обучал псалтырь, но из ученого позабыл; Евсей 9, Иван 5, Парасковья, 13.

Г. Уфы Успенская церковь. Май 1782 г.[1]

Священник Стефан Козмин, 50. У него жена Марфа Гаврилова, дьячковская дочь, 43. Дети их:

Пономарь Василий, 23; Федор 10; Алексей 6; Татьяна 13.

Дьякон Кирил Иванов, вдовый, 74.

Дьячок Иван Петров, 19. У него жена Анна Амосова, 17, Стерлитаматской пристани солдатская дочь.

Г. Уфы Богородице-Рождественская церковь. Май 1782 г.[2]

Священник Стефан Савельев, 66. У него жена Ульяна Андреева, 64, дьяконска дочь.

Умершего священника жена вдова Катерина Степанова, 33, того ж городка казачья дочь. У нее дети: пономарь Гордей Дамиянов, 11; Наталья 4 и Николай 3.

Г. Уфы Покровская церковь. Июнь 1782 г.[3]

Священник Иван Федоров, 23. Жена его Агафья Никитина, 22.

Дьячок Николай Матвеев, 50. Жена его Матрена Борисова, 40. У них дети: Ияков 10 обучается писать; Агафья 6; Акилина 3.

Пономарь Емельян Филипов, 30. Жена его Варвара Афанасьева, 32. Мать его вдова, дьяческая жена Васса Иванова, 60. Дочь ее Ксения Филипова, 25.

Умершего священника Петра Герасимова сын Иван (?),16 за косоязычеством грамоте не учен.

Вознесенского медеплавильного завода Вознесенской церкви убиенного дьячка Григорья Петрова жена его вдова Офимья Петрова, 29. У нее сын Никита Григорьев, 10, обучается писать.

---

[1] Там же. Л. 236.
[2] Там же. Л. 237.
[3] Там же. Л. 238.

Г. Уфы Ильинская церковь. Июнь 1782 г.[1]

Священник Андрей Стефанов, 53. У него жена Татьяна Матвеева, 53. У них сын дьячок Григорий, 19.

Умершего дьячка жена Авдотья Максимова, 63.

С. Кадомцева Богородицкая церковь. Июнь 1782 г.[2]

Священник Иван Павлов сын Мезрин, 33. У него жена Акилина Федорова, 32.

Умершего дьячка Федора Григорьева жена его, вдова Ирина Дмитриева, 75.

У нее сын дьячок Алексей Федоров, 42. У него жена Анна Алексеева, 42, взята г. Уфы солдатская дочь. У них дети: Михаил 14, Платон полугоду, Акилина 19, Настасья 16, Параскева 12, Анна 4.

Пономарь Иван Афанасьев, 27. У него жена Устинья Михаилова, 27, взята Богородицкой дворцовой волости Юрмашского починка крестьянская дочь. Сын их Борис, 4.

С. Касимова Николаевской церкви. Июнь 1782 г.[3]

Священник Гаврила Васильев, 24. Жена его Анисья Григорьева, 27. Дочь их Агафья, 3. Мать его вдова, поповская жена Парасковья Андреева, 50. Дочь ее Акилина Васильева, 17.

Пономарь Дмитрей Федоров, 21, определен по Указу Духовной Консистории. Жена его Федосья Афанасьева, 21. Мать его вдова, дьячковская жена Прасковья Федорова, 43. У ней дети: Петр 18, славянороссийской грамоте обучен, Ненила 12.

С. Ермашу (Юрмаш) Димитриевской церкви. 24 мая 1782 г.[4]

Священник Сергий Федоров, 58. У него жена Соломония Гаврилова, 59, поповская дочь. У них дети:

Пономарь Максим, 26. У него жена Зиновья Иванова, 30, того села крестьянская дочь. Дочь их Агафья, 2.

Священника Сергея Федорова дочь Федосья, 14.

Умершего дьячка Петра Сергеева дочь Мариамна,7.

Дьячок Андрей Федоров, 33. У него жена Ирина Александрова, 26, Стерлитамацкой пристани солдатская дочь. Дети их: Иван 6, Наталья 4, Татьяна 2.

---

[1] Там же. Л. 239.

[2] Там же. Л. 240. Село Кадомцево (Богородское), сейчас в составе Уфы.

[3] Там же. Л. 241.

[4] Там же. Л. 242.

С. Чесноковки Вознесенская церковь. Июнь 1782 г.[1]

Священник Афонасей Стефанов, 24. Жена его Елена Яковлева, 25. Сын их Александр, 1.

Дьячок Федор Иванов, 54. Жена его Анисья Данилова, 30. Дети их: Гаврила 5, Михайла 2, Егор 3 мес.

Бывший священник Алексей Михайлов, 57, вдов. По Указу Духовной консистории отослан в Верх-Язвенскую Богородицкую пристань. Дочь его Афимья, 22.

Вдова, дьячковская жена Акилина Дмитриева, 65. Бывшего пономаря Александра Андреева дети: Иван 7, Никита 2, Афанасия 4.

С. Красного Яру (Краснояр) Покровской церкви. Июнь 1782 г.[2]

Священник Иван Гаврилов, 51. Жена его Параскева Родионова 51, старинная того села, крестьянская дочь. Дети: Дионис 14, Ефим 6, Настасья 12, Евдокия 10.

Дьячок Иван Наумов, 38. У него жена Анна Семенова 37, того ж села поповская дочь. Дети: Степан 11, Агафья 10, Ефимия 3.

Пономарь Ефрем Наумов, 24. У него жена Анна Иванова 24, того ж села поповская дочь. Дети: Елена 4, Екатерина 1. Мать его вдова, дьяческая жена Марфа Иванова, 64.

Лишенной пономарь Ияков Наумов, 60. Жена его Маланья Иванова, 60.

С. Березовки Николаевской церкви. Июнь 1782 г.[3]

Священник Илья Михайлов, 23. Жена его Анна Алексеева, 23. Дочь Пелагия полугод.

Дьячок Николай Федоров, 24. Жена его Татьяна Тимофеева, 28. Дети их: Михайла 7, Екатерина 3, Анисья полугод.

Пономарь Козма Петров, 18.

Церковный сторож Филип Федоров, 31. Жена его Анна Иванова, 28. Дети их: Ефим 10, Михайла 1, Пелагея 8, Татьяна 7.

С. Лавочного Введенской церкви. Июнь 1782 г.[4]

Священник Гавриил Васильев, 24. Жена его Агафья Никитина 23, г. Уфы солдатская дочь. Мать его вдова, священническая жена Мария Михаилова, 49. У нее дочь Анна Васильева, 18.

---

[1] Там же. Л. 243.
[2] Там же. Л. 244.
[3] Там же. Л. 245.
[4] Там же. Л. 246.

Пономарь Александр Иванов, 20. У него жена Евдокия Петрова, 20, д. Екшивановой солдатская дочь. Дочь их Параскева, 8 мес.

Пригорода Табынска церковь Вознесения Господня.
24 июня 1782 г.[1]

Священник Михаил Кирилов, 33. Жена Анисья Тимофеева, 33, взята Уфимского уезда д. Щиголевой у бывшего из гвардии капрала Тимофея Михайлова сына Щиголева. У них дочь Марья, 1.

Священник Иоанн Ильин, 40. Жена Пелагия Васильева, 37, взята здешней Вознесенской церкви у бывшего священника Василья Андреева. Дети: Сергей 4, Василий 3 мес.

Дьякон Михайла Петров, 27. Жена Матрена Петрова, 27, взята г. Карсуна у бывшего пахотного солдата Петра Евдокимова сына Семавина. Дети: Василий 5 мес., Татьяна 3. У диакона братья праздноживущие: Иван 14, обучается писать; Алексей 12, обучается нотному пению. Мать их вдова, священническая жена Анна Федорова, 55.

Дьячок Иван Алексеев, 24. У него жена Мавра Иванова, 22, взята Уфимского уезда д. Муравиной у экономического крестьянина Ивана Григорьева сына Суркова. Сын их Алексей 4 мес.

Пономарь Александр Васильев, 15. Сестра его девица Настасья, 28. Мать их вдова, священническая жена Прасковья Прокофьева, 55.

Стерлитамацкой округи с. Куганаку Покровской церкви.
23 июня 1782 г.[2]

Священник Иван Васильев, 33. У него жена Прасковья Михайлова, 30, взята пригорода Табынска солдатская дочь. Дети (рожденные после): Григорий 3, Василий 1, Надежда 10, Акилина 5. У священника отец живет Казанской епархии бывшей в Тфердышевском заводе при Воскресенской церкви престарелый дьячок Василей Афанасьев, 63. У него жена Марфа Ильина, 61, взята Синбирскаго уезду из с. Никольского дьячковская дочь.

Священник Лука Петров, 30. У него жена Настасья Яковлева, 30, взята из с. Никольского Тимашева, поповская дочь. Дети (после) Александр 9, обучает часослов, Михаил 5, Екатерина 2.

Дьякон Феодор Васильев, 23. Жена Татьяна Александрова, 23, взята пригорода Табынска, казачья дочь. Сын их Иван полугоду.

---

[1] Там же. Л. 247 и об.
[2] Там же. Л. 248 и об.

При указе дьячок Илья Максимов, 18. Жена его Анна Афанасьева, 17, взята пригорода Табынска, казачья дочь.

Пономарь Василей Феодоров, 43. Жена Анна Стефанова, 38. Взята Чебаксарского уезда с. Никольского поповская дочь. Дети, рожденные после предыдущей ревизии: при указе дьячок Данила 14, Николай 12 обучает псалтырь, Елена 4, Марина 1.

При указе пономарь Лев Михайлов, 21. У него брат сторож Василей 18.

Уточнить год начала строительства церкви помогает храмозданная грамота «Преосвященного Варфоломея на построение в Уфимском уезде в деревне Куганак вновь деревянной холодной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы. 1767 г. 9 марта», найденная В.И. Шабалиным: «Благословили мы и дали сию храмозданную грамоту епархии нашей Уфимского уезда новокрещеным их чуваш деревни Куганаку». Любопытно, что в грамоте указано откуда пришли на жительство просители: «В Уфимском уезде на Наганской дороге жительством поселились по силе указов Оренбургской губернской канцелярии из разных уездов на покупных башкирских землях», дано первое описание прихода: «тех новокрещеных оказалось на лицо девяносто восемь дворов, в них обоего пола пятьсот шестьдесят девять душ»[1].

С. Монастырских Дуваней Спасской церкви.
Июнь 1782 г.[2]

Священник Василий Савин, вдов, 48. Дети его: Мелания 19, Евдокия 18, Анна 13.

Дьячок Климонт Петров сын Окишев. У него жена Анна Васильева, того ж села крестьянская дочь. Дети: Иван 8, Дорофей 5.

Пономарь Игнатей Петров, 21. У него жена Неонила Авраамова, 21 пригорода Бирска солдатская дочь. Дети: Николай месяцу, Мелания 1.

С. Калинника Петропавловская ц. Июнь 1782 г.[3]

Священник Малахий Яковлев сын Окишев, 38. Жена Дарья Семенова, 30, взята Вятского наместничества, с. Порельского крестьянская дочь. Дети: Иоаким 11, Михаил 8, Агрипина 10, Евдокия 5, Татьяна 1, Ирина 1 мес.

Дьячек Маркел Никитин сын Окишев, 42. Жена Федосья

---

[1] *Шабалин В.И.* Храмозданные грамоты на построение церквей в Вятской епархии // Труды Вятской учёной архивной комиссии. Вып. 2–3. Вятка, 1914. С. 183–184.
[2] ГАПК. Ф. 111. Оп. 3. Д. 377. Л. 250.
[3] Там же. Л. 251 и об.

Владимирова, 40, взята Вятского наместничества г. Нолеи, крестьянская дочь. Дети: Павел 8, Козма 6, Ирина 19, Варвара 15.

Пономарь Федор Матвеев, 23. Жена Ирина Николаева, 24, г. Бирска солдатская дочь. Сын Даниил полугод. Мать ево вдова, пономарская жена Александра Осипова, 50. Дочь ее Мелания Матвеева, 20.

С. Государевых Дуваней Ильинская ц. Июнь 1782 г.[1]

Священник Феоктист Никитин сын Окишев, 42. Жена Екатерина Пропиева, 41, взята Вятского наместничества г. Нолей крестьянская дочь. Дети: Иустин 13, Ияков 11, Иоанн 8, Марфа 4, Татьяна полутора года.

Дьячок Петр Никитин сын Окишев, 55. У него жена Параскева Леонтьева, 42, взята Казанской губернии Уржумского уезда д. Пестовски, крестьянская дочь. Дети: Ефим 15, Тимофей 11, Ирина 21.

Второй дьячок Федор Петров, 39. Жена Татьяна Иванова, 38, того села поповская дочь. Дети: Егор 14, Петр 6, Евдокия 17, Мавра 12, Агрипина 11, Матрена 8, Фекла полутора года.

Пономарь Федор Иванов, 27. Жена Матрена Иванова, 30, того ж села крестьянская дочь. Дети: Ульяна 6, Федосья 3.

С. Печенкина Христорождественская церковь. Июнь 1782 г.[2]

Священник Григорий Михаилов, 70. У него сын Гаврил, 25. У него (у сына) жена Екатерина Тихонова, 25, взята пригороды Бирска солдатская дочь. Сын Иона полутора года.

Священник Самуил Никитин, 48. Дети у него:

Пономарь Поликарп, 22. У него жена Соломония Григорьева, 23, взята того села поповская дочь. Дочь Анна 5.

Пономарь Тит, 21. Жена Акулина Дементьева, взята д. Ежевой солдатская дочь. Сын Степан 7 недель.

Никифор 19, холост; Петр 14; Спиридон 11, Козма 9.

Дьячок Дмитрий Кирилов, 64. Жена Меланья Васильева, 40, взята с. Калинника солдатская жена. Сын его Лев 27. Дочь их Федора 6 мес.

Второй дьячок Николай Козмин, 25. У него жена Праскева Семенова, 25, взята пригорода Бирска, крестьянская дочь. Дети: Павел 3, Тихон 2, Петр 3 мес.

---

[1] Там же. Л. 252 и об.

[2] Там же. Л. 253 и об.

С. Дворцового Гребеней Покровской ц. Июнь 1782 г.[1]

Священник Козма Андреев, 51, вдов.

Бывший дьячок Савва Иванов, 81. У него жена Акилина Петрова, 80, взята из с. Монастырския Дуваней, крестьянская дочь. Дети:

Петр, 48, приписан за болезнью к богадельне. У него жена Матрена Михайлова, 47, взята из д. Тимошинской, крестьянская дочь. Их дети: Трифон 15, Епифан 14, Ларион 11, Емельян 4, Ефимия 6.

Действительный дьячок Алексей Савин, 37. Жена Настасья Иванова, 37, взята пригорода Бирска, солдатская дочь. Дети: Андрей 18, при той же церкви указан пономарем; Яков 16, Павел 12, Василий 10, Макар 3, Агафья 14, Марфа 2, Дарья 2 месяца.

Умершего священника Алексея Иванова жена Матрена Иванова, 60.

Елдяцкой крепости Спасской церкви. Июнь 1782 г.[2]

Священник Афонасей Федоров, 60. Жена Дарья Кондратьева, 58. Дети: Василий 23. У него жена Евдокия Андреева, 22.

Евдокея 20, Анна 16.

Дьячек Андрей Евтихиев, 58. Жена Улита Иванова, 28. Дети: Григорий 11, Марфа 21, Устинья 16.

Каноникольского медеплавильного завода
Николаевская церковь. Май 1782 г.[3]

Священник Михаил Лукин [обрыв]. Жена Васса Матвеева, взята в замужество г. Уфы казачья дочь. Сын их Василий, [обрыв].

Дьячок Филип Иванов, 23. Мать его вдова, поповская жена Анисья Иванова, 52. Дочь ее Пелагия Иванова, [обрыв].

Авзянопетровских дворянина Демидова заводе
Николаевская церковь. 8 июня 1782 г.[4]

Дьячок Ларион Савельев, 47. Жена его Настасья Иванова, 45, взята Казанского уезда, Солдатской Слободы Коптевки, отставного солдата Ивана Григорьева.

Пономарь Гаврила Агафонов, 15, холост.

Умершего священника Дмитрия Васильева жена Дарья Иванова, 30.

---

[1] Там же. Л. 254 и об.
[2] Там же. Л. 255.
[3] Там же. Л. 256.
[4] Там же. Л. 249.

Найденные в фондах архива Перми документы дают возможность восстановить состав причтов почти всех православных храмов Башкирии в конце XVIII в., уточнить ранний период истории отдельных церквей и приходов, время основания которых часто не подтверждается документально.

Материалы IV ревизии (1782 г.) показывают изменения, произошедшие с окончания Пугачёвщины. В марте 1775 г. епископ Вятский и Великопермский Лаврентий потребовал от Сарапульского, Пермского и Уфимского духовных правлений представить сведения о всех храмах, пострадавших от бунтовщиков, а также о позиции рядового духовенства во время мятежа.

Эти сведения были опубликованы В.И. Шабалиным в 1908 г., сравнение с ними помогает лучше представить ситуацию в среде православного духовенства Южного Урала, поэтому в приложении приведена выборка по церквям с территории совр. Башкортостана[1].

Приложение. Сведения о православных храмах и духовенстве Башкирии (фрагменты)

«Ведомость составленная в Дух. Консистории в 1775 году о том, в каких местах церкви святыя разграблены и сожжены во время Пугачевскаго бунта. [...]

1) По ведомству Сарапульскаго Духовнаго Правления, Казанскаго уезда, при Ангастятском винокуренном заводе – Предтечевская, с 27 дворами, разграблена и сожжена его злодейской самозванца толпы башкирцами. Вместо оной церкви вновь построить того ж завода прикащик Федор Клепиков с приходскими людми желают.

2) В селе Касеве – Петропавловская, с 239 дворами, разграблена и сожжена той же толпы башкирцами. Вместо оной приходские люди построить вновь желание имеют. [...]

«8) По ведомству Уфимскаго Духовнаго Правления, на Авзянопетровском заводе – Троицкая, с 341 двором, разграблена и сожжена калмыками и татарами пугачевскими сообщниками.

9) В селе Куганаке – Покровская Богородская, с 168 дворами, сожжена и разграблена злодейскою пугачевскою партиею.

10) При Каноникольском заводе – Николаевская, с 138 дворами, разграблена и сожжена – злодейскою пугачевскою партиею.

11) При Казенном медноплавиленном заводе – Вознесенская, с 38 дворами, разграблена и сожжена – злодейскою пугачевскою партиею». [...]

---

[1] *Шабалин В.И.* Указ. соч. С. 52–69.

«Ведомость о том, в каких местах церкви святыя разграблены толко, а не сожжены.

1) По ведомству Сарапульскаго Дух. Правления, Казанскаго уезда, в селе Березовке – Троицкая и Николаевская каменныя. Входили и грабеж чинили башкирцы и казаки, пугачевские сообщники. Сверх учиненнаго грабежа крышки на тех церквах сожжены и все селение выжжено. Об освящении сей церкви в Сарапульское Духовное Правление декабря 13 дня 774 года послан указ». [...]

«8) По ведомству Уфимского Дух. Правления, Уфимского уезда, в селе Калинниках – Петропавловская. Грабеж чинила злодейская пугачевская партия. Над престолом образ Отечества изодрали, а у другаго Спасителева образа сделали копьем сапину. Февраля 5 дня 775 года в Уфимское Дух. Правление указ послан, коим велено престол, буде поколебим, оной вновь устроить, и все раззоренное и пограбленное исправить, а потом о освящении той церкви просить, а до освящения оной священнослужения в ней и таинства исправлять запрещено, а велено исправлять при другой по близости церкви». [...]

«10) Села Гребеней – Покровская. Злодеи в ту церковь входили ль или не входили, в ведомости не показано, а чтоб той церкви теми злодеями пожегу учинено не было, то тем злодеям дано из церковной казны пятдесят рублев.

Ведомость о том, кто во святыя церкви входили, толко никакого грабежу из тех церквей чинимо не было». [...]

«3) По ведомству Уфимского Духовного Правления, Оренбургской губ. Уфимского уезда, в селе Чесноковке в Вознесенскую входил самозванец, называвший себя графом, с партиею, которой святыя образа хулил, и один образ святителя Димитрия, по ево приказу, вынесен был из церкви[1], и вблизи той церкви сделана была рель, на которой вешал священноицерковнослужителей, также башкирцов, татар и русских.

Ведомость о том, кто имянно священноцерковнослужители злодеем самозванцом Пугачевым и его сообщниками умерщвлены и какими смертми». [...]

«25) По ведомству Уфимского Дух. Правления, села Монастырских-Дуваней Спасской церкви пономарь Агафон Окишев, как в поданной в Консисторию декабря 23 дня 774 года ведомости показано, в лесу найден убитой.

26) Села Государственных-Дуваней Ильинской церкви пономарь Кирилл Петров сын Окишев, как в ведомости поданной

---

[1] Наверняка, «вынесли» икону Димитрия Ростовского (1651–1709), одного из самых ярых гонителей старообрядчества.

февраля 10 дня 775 г. показано, убит под крепостию Нагайбатскою.

27) Авзяно-Петровского дворянина Демидова Трехсвятельской церкви священник Агафон Тимофеев повешен под городом Оренбургом калмыками и татарами.

28) Села Куганака Покровской церкви священник Максим Федоров.

29) Дьячек Лазарь.

30) Пономарь Михайло Аксиев.

31) Сын ево Иван.

Об оных в ведомости поданной из Дух. Правления февраля 10 дня 775 г. показано, что они побиты. В ведомости ж показано убитых священника Максима жена Марфа, сын их Стефан, дочь Настасья; у пономаря Михайла жена Васса. От священника Максима остался сын Илья 11 л., у пономаря Михайла дети Леонтей 14, Василей 11 л.» [...]

«35) Канониколского медиплавиленного завода Николаевской церкви священник Иван Дмитриев, как в той же ведомости показано, повешен. От него священника остались жена ево Анисья, дети их Филип 18, Христофор 14, Василей 10 лет.

Ведомость о том, кто самозванца злодея Пугачева и его сообщников со кресты встречали, а другие под именем службы чинили Государю Третиему Императору Петру Феодоровичу присягу и имя его в молитвословиях вспоминали.

1) По ведомству Сарапульскаго Дух. Правления, Казанского уезда, села Березовки Троицкой церкви священник Федор Фролов.

2) Священник Игнатей Иванов.

3) Священник Иаков Пачинский.

4) Диакон Василей Константинов.

5) Диакон Степан Данилов.

6) Дьячек Иван Шитов.

7) Дьячек Алексей Федоров.

8) Пономарь Федор Федоров.

Оные в той церкви из-за принуждения злодейской татарской толпы самозванцу в верной службе крест целовали. И об оных из Консистории в учрежденную в Казани Секретную Коммиссию представлено декабря 23 дня 774 г., а диаконам Василью и Степану служить до резолюции запрещено.

Из них же священник Яков Пачинский злодеями повешен, а Федор и Игнатей в Казанской Духовной Консистории лишены священства, и Федор послан из Вятской Духовной Консистории для жительства в Вятской Успенской Трифонов монастырь того ж году ноября 20 дня, а Игнатей отдан в военную службу.

Ныне при той церкви имеется священник вновь произведенной города Хлынова Спасского собора из диаконов Ефим Макариев сын Мухачев». [...]

«По ведомству Уфимского Дух. Правления, Уфимского уезда, в поданной в Консисторию декабря 27 дня 774 года из того Правления ведомости показано, что девяти церквей священноицерковнослужители самозванца злодея Пугачева имя в служениях воспоминали, а кто они по имянам и прозваниям, о том в предписанной ведомости написано не было; а при тех церквах во вторично поданной февраля 10 дня 775 г. в Консисторию из того Правления ведомости показано на лицо состоящих ныне священноицерковнослужителей:

25) Села Краснояру Покровской церкви священник Иван Гаврилов.

26) Дьячек Иван Наумов.

27) Села Кадомцова Богородской церкви священник Иван Мезрин.

28) Дьячек Алексей Федоров.

29) Пономарь Иван Афанасьев.

30) Села Касимова Николаевской церкви священник Василей Иванов.

31) Дьячек Федор Иванов.

32) Села Государевых-Дуваней Ильинской церкви священник Иван Федоров.

33) Дьячек Федор Петров.

34) Дьячек Феоктист Никитин.

35) Дьячек Петр Никитин.

36) Пономарь Федор Иванов.

37) Пригорода Елдятска Спасской церкви священник Афанасий Федоров.

38) Дьячек Андрей Евтихеев.

39) Села Печенкина Христорождественской церкви священник Григорей Михайлов.

40) Дьячек Дмитрей Кирилов.

41) Дьячек Самойло Никитин.

42) Сын ево в пономарской должности Поликарп.

43) Другой сын в той же должности Тит.

44) Села Монастырских-Дуваней Спасской церкви священник Василей Савин.

45) Дьячек Климент Петров.

46) Села Калина[1] Петропавловской церкви священник Малахий Зонов.

---

[1] То есть, Калинники.

47) Дьячек Маркел Никитин.

48) Пономарь Матфей Петров.

49) Села Чесноковки Вознесенской церкви священник Андрей Иванов.

О запрещении ему священнослужениев и всяких мирских треб и об высылке ево в Секретную Коммиссию к следствию за то, что он имя самозванца поминал и в верности ему многих к присяге приводил, и о воспоминании того ж самозванца имяни, вместо форм, в разныя села за рукою своею писма посылал, указ послан из Консистории в Уфимское Духовное Правление, также и в Секретную Коммиссию доношение представлено генваря 20 дня 775 году.

50) Авзянопетровскаго Демидова завода Трехсвятительской церкви священник Стефан Савельев.

51) Дьячек Ларион Савельев.

52) Дьячек Иван Васильев.

53) Пригорода Табынска Вознесенской церкви священник Михаил Кирилов.

Об оном пригорода Табынска священнике Михаиле Кирилове июня 16 дня 774 г. из Духовнаго Правления доношением представлено, что он за время самозванца графа на Воскресенском заводе все требы исправлял и службу совершал по раскольнически, почему из Консистории и в Секретную в Казани Коммиссию августа 30 дня того ж году представлено.

В том же в Консисторию представлении написано, что некоторые-де попы в город Уфу явились весма дики и сказывали по злодейскому приказанию, службу совершали и свадбы венчали по солнцу[1], и прочия таинствы по воле злодейской отправляли, а кто по имяном и прозваниям и каких церквей священники таковыя службы и требы исправляли, о том во оном доношении не написано, и для того о объяснении имян и прозваниев их послан из Консистории в тож Правление августа 30 дня указ, токмо на оной в Консисторию таковаго известия не прислано». [...][2]

«Ведомость о священноицерковнослужителях укрывавшихся от встречи злодея Пугачева и толпы ево.

1) по ведомству Сарапулского Дух. Правления, Казанского уезда, Ангастятского завода винокуренного Предтечевской церкви священник Иван Алексиев. Во время на том заводе башкирцов бытия скрывался по лесам; а прежде об нем священнике того показания представлено из Дух. Правления июня 13 дня

---

[1] То есть, по старообрядчески.

[2] Пропущена «ведомость о бывших в шайках у злодея самозванца Пугачева и его сообщников священноицерковнослужителях». Таковых из уфимских храмов не оказалось.

774 году в Консисторию, что он, по разграблении дому его башкирцами, был мучен и увожен был в главныя их башкирския сонмища, о чем того ж июня 16 числа из Консистории представлено во учрежденную в Казани Секретную Коммиссию, также и в посланной в Вятскую Провинцыалную Канцелярию ведомости писано под № 8». [...][1]

[1] Пропущена последняя «ведомость о священноицерковнослужителях содержащихся в Секретной Коммиссии и по Канцеляриям». Таковых из уфимских храмов не было.

Н.Р. Славнитский

Иван Никитич Скобелев – боевой путь и административная деятельность

Имя Ивана Никитича Скобелева (1778–1849), боевого генерала, участника нескольких военных кампаний, литератора и коменданта Петропавловской крепости[1] хорошо известно. Военачальник и общественный деятель Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882) был внуком Ивана Никитича.

Воинские подвиги и литературный успех И.Н. Скобелева получили всероссийскую известность, выпускались даже лубочные картинки о нём, расходившиеся по всей стране. Сложилась достаточно обширная литература[2], особый интерес проявляют исследователи Рязанского края, где в дер. Заборово Иван Никитич Скобелев приобрёл имение[3].

Судьбы Скобелевых связаны и с Южным Уралом. Так, внучка Ивана Никитича и сестра Михаила Дмитриевича Надежда Дмитриевна Скобелева вышла замуж за князя К.Э. Белосельского-Белозёрского[4], владельца огромного горнозаводского округа в Уфимском и Златоустовском уездах Уфимской губернии. А через дочь Ивана Никитича Скобелевы породнились с родом Опочининых, которым принадлежали поместья под Уфой.

На Южном Урале, в частях Оренбургской пограничной линии начинал службу И.Н. Скобелев. А так как сам Иван Никитич в литературных трудах не оставил точных описаний своего происхождения[5], это породило разнообразные слухи и до сих пор на некоторых сайтах в интернете указывается, что И.Н. Скобелев

---

[1] Подробнее см.: *Карпенко И.А., Славнитский Н.Р.* Коменданты Петропавловской крепости: Буклет. СПб., 2010.

[2] Немало опубликовано историко-популярных сочинений, см., напр.: *Костин Б.А.* Скобелев. М., 1990.

[3] *Сальный Сергей.* «И слава человеческая аки дым преходящий» // Рязанские усадьбы и их владельцы: документально-художественное издание / сост. И. Красногорская. Рязань, 2006; *Чижков А.Б., Графова Е.А.* Рязанские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб. М., 2013.

[4] *Чижков А.Б., Графова Е.А.* Указ. соч. С. 12; ресурсы интернета.

[5] «В формулярном списке Скобелев показан вступившим в службу из вольноопределяющихся, без означения прежнего его звания». «В другой раз, в одном прекрасном наставлении своему сыну, Иван Никитич писал: "Советую не забывать, что ты не более, как сын Русского солдата, и что в родословной твоей первый, свинцом означенный кружок – вмещает порохом закопчённую фигуру отца твоего, который потому только не носил лаптей, что босиком бегать было ему легче"» (Генерал-от-инфантерии Иван Никитич Скобелев. Отд. отт. из «Жизнеописания русских военных деятелей» Вс. Мамышева. СПб., б. г. С. 12).

родом из Оренбургской губернии.

Местные краеведы уже в XIX в. зафиксировали воспоминания о пребывании И.Н. Скобелева на Южном Урале. В 1865 г. выходит статья Р.Г. Игнатьева о городе Верхнеуральске. Автор отмечал, что здесь в 1769 г. было открыто для солдатских детей военно-сиротское отделение, из которого был «выпущен на службу по сохранившемуся здесь преданию, Сержантом Иван Никитич Скобелев, известный в последствии Генерал, Комендант С.-Петербургской крепости, герой 1812 года и Автор многих сочинений»[1]. О пребывании в военно-сиротском отделении Верхнеуральска сам Иван Никитич ничего не сообщал.

Но легенды о И.Н. Скобелеве бытовали не только на бывшей Оренбургской пограничной линии. В 1907 г. в уфимских «ведомостях» патриарх местного краеведения Н.А. Гурвич (1828–1914) опубликовал личные воспоминания из 1850-х гг. В Уфе тогда ещё помнили о службе здесь Ивана Никитича Скобелева, а в деревне Пеньково Бирского уезда вообще утверждали, что И.Н. Скобелев здешний и даже показывали домик, где он родился[2].

По данным V ревизии (1795 г.) в дер. Пеньково проживали жители в основном с фамилией Позолотины. Ни в этом, ни в окрестных селениях (дворцовые крестьяне) Скобелевых не было. Но из Пеньково регулярно брали молодёжь в рекруты, в 1795 г. – Василия (1777 г. р.) и Григория (1778 г. р.) Ивановичей Зановых[3], в 1802 г. в рекруты забрали Василия Сидоровича Позолотина (1777 г. р.)[4]. Все – одногодки И.Н. Скобелева. Возможно, уроженцам Пеньково довелось служить вместе с Иваном Никитичем и они принесли в свою деревню воспоминания о нём, трансформировавшиеся затем в легенду. Слава о боевых подвигах И.Н. Скобелева была воистину всероссийская!

Сам же Иван Никитич Скобелев родился и вырос в Ставропольском уезде и был сыном однодворца, дослужившегося до чина сержанта и скончавшегося, когда наш герой был ещё маленьким[5]. Родиной полководца является село Новиковка Ставропольского уезда Симбирской губернии (затем Самарской губернии, ныне Старомайнский район Ульяновской области). В

---

[1] *Игнатьев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / Отв. ред. В.А. Лабузов; сост. М.И. Роднов. Т. I: 1859–1866 годы. Оренбург, 2011. С. 149.

[2] Уфимская некрология (публ. М.И. Роднова) // Река времени. 2015 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2015. С. 151–153.

[3] НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 26. Л. 115.

[4] Там же. Д. 90. Л. 360.

[5] *Кубасов И.А.* Иван Никитич Скобелев: (Опыт характеристики). СПб., 1900. С. 2.

интернете даже выложена фотокопия метрической выписи из книги Покровской церкви села Новиковка за 1778 г., что у «прапорщика Никиты Скобелева родился сын Иван, крещён 1-го числа октября. Восприемником был означенного Скобелева сын Владимир»[1].

Когда в апреле 1795 г. служивший в крепости на Оренбургской линии И.Н. Скобелев получил чин сержанта, он решил «неожиданным этим счастием обрадовать мать» и пошёл пешком в сторону Волги, в рассказе упоминается село Кошки[2] (ныне на севере Самарской области).

Семья, скорее всего, жила не богато. Видимо, поэтому мать и благословила сына на военную службу, где бы он мог сделать хорошую карьеру. Она дожила до того времени, когда И.Н. Скобелев достиг высоких чинов.

Военная биография прославленного генерала началась на Южном Урале. Согласно формуляру, И.Н. Скобелев вступил в службу капралом 22 марта 1793 г. в Оренбургский 1-й полевой баталион[3]. Служил в одной из крепостей на Оренбургской пограничной линии, а 29 ноября 1795 г. по прошению был переведён в Оренбургский драгунский полк вахмистром. Скобелев перешёл в кавалерию, в регулярную армию, видимо, с надеждами отличиться и продвинуться по службе. Драгуны находились постоянно на пограничной линии, перемещались каждое лето и Скобелев, наверняка, служил в различных местах Оренбуржья.

Когда же в 1796 г. начал формироваться новый Уфимский мушкетёрский (пехотный) полк, реально он возник 21 января 1797 г., Скобелев переходит туда. У драгун в кавалерии вообще служба тяжёлая, постоянно на границе. Возможно, Ивану Никитичу захотелось оказаться в спокойной тыловой части, полк находился в Уфе. Здесь Скобелев служил долгие 12 лет, лишь 1 декабря 1804 г. в возрасте 26 лет он получает первый офицерский чин прапорщика, с 1 марта 1806 г. – поручик[4]. Наверняка,

---

[1] См.: http://www.tgl.ru/files/transfer_documents/skobelev_02022012.pdf.

[2] Генерал-от-инфантерии Иван Никитич Скобелев. С. 18.

[3] Гипотетически можно предположить, что ему оказали протекцию. С 1789 г. в первом мушкетёрском [полевом] оренбургском батальоне служил Фёдор Скобелев (27 лет, из вольноопределяющихся), на 1793 г. – адъютант первого оренбургского мушкетёрского полка. Из формуляра: «В службе солдатом в Днепровском полку в 1782 году, фурьером в 1778 году, каптернамусом в 1778 году, переведен в Ширванский пехотный полк в 1782 году, сержантом в 1786 году, в том же пехотном полку адъютантом с заслугой прапорщицкого чина два года в 1791 году» (РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 1527. Л. 98). Сведения любезно предоставил Б.А. Азнабаев.

[4] Генерал-от-инфантерии Иван Никитич Скобелев. С. 12–13, 16, 19; *Кубасов И.А.* Указ. соч. С. 4.

именно длительный период проживания Скобелева в Уфе и оставил воспоминания, записанные затем Н.А. Гурвичем.

Таким образом, первый и очень большой период своей службы (около 13 лет) Иван Никитич Скобелев провёл в Оренбургской губернии. Рубеж XVIII–XIX вв. был переломным периодом в истории вооружённых сил на юго-восточных рубежах Отечества. Создаётся кантонная система во всех казачьих войсках края, проводятся реформы в частях регулярной армии[1].

Иван Никитич Скобелев оставил яркие воспоминания о ситуации на пограничной линии в эту эпоху: «Имея в одной руке указку и ухватясь другою рукою за штык, определился я в войско, стоявшее на страже по Оренбургской линии, где кинжал и винтовка, по мнению пограничных дикарей, вмещали в себе честь и славу; где ум и способности денно и нощно истощались в изысканиях средств пролить кровь ближнего; где душа смертного не озарялась лучами христианского просвещения, святая вера не имела участия в жизни человека, не производила на нравственность спасительного влияния и люди отличались от зверей только наружным видом! Там буйная чудь, движимая мщением, корыстолюбием и другими столь же низменными страстями, суетилась в ежедневных вымыслах на пагубу друг друга и упражнялась почти в ежедневных убийствах. Кочующие киргизы, вторгаясь в пределы России, отгоняли у пограничных казаков и башкирцев скот, схватывали целыми селениями беззащитных хлебопашцев, и убивая старых и малых, способных к работе обращали в пастухи или продавали в Бухарию; причем и казаки с башкирцами вели себя на ту же стать. Они, под предлогом преследования хищников, отнюдь не заботясь об отыскании виновных, ниже об освобождении несчастных страдальцев, нападали на мирных невинных киргизцев, лишали их жизни и имущества, и этими поступками посевали новую, пагубную вражду, новые гибельные раздоры, и взаимному мщению не было конца»[2].

Наведение порядка в Оренбургском крае И.Н. Скобелев связывал с эпохой императора Павла[3]. В своих мемуарах он добавлял: «В последствии благотворные лучи прямо-полезного, а вместе и кривомодного воспитания, несмотря на обширность России, проникли во все отдаленные пределы. Ныне и на Оренбургской линии хлопочут о заморских языках, судят, и частень-

---

[1] См., напр.: *Рахимов Р.Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М., 2014; др.

[2] *Скобелев И.Н.* Рассказы и письма русского инвалида. СПб., 1838. С. 52–53.

[3] Там же. С. 55–56.

ко проникают сокровенные тайны мудрой заморской политики. Но в мое время в понятиях коренных обитателей этой страны, порок и добродетель в высшей степени отражались только в том убеждении, что лизнуть в пятницу сметаны ужасное, непростительное преступление, а зарезать соседственного киргизца, мирно и с радушием угощающего бишбармаком и кумысом, менее греха, нежели спугнуть севшую на нос муху. Короче сказать, там рука сильного сплошь душила и слабого собрата»[1].

Эти наблюдения (грубость нравов, скверное состояние войск) подтверждал Р.Г. Игнатьев. Он также отмечал наведение порядка в царствование императора Павла I, опираясь при этом на мемуары И.Н. Скобелева[2].

В такой обстановке проходили первые годы службы. Как позже вспоминал Иван Никитич, «при вступлении моем на поприще высокославного военного ремесла, как водится, вверен я был молодому, но опытному и строгому в правилах службы солдату, Кремневу, который, в дополнение ко многим украшавшим его достоинствам, знал грамоте, что в старину между нижними чинами большою было редкостью, но что, вместе с отличным поведением, непосредственно сообщало Кремневу возможность с успехом приобретать доверенность старших, любовь и уважением равных»[3]. Кремнев, ставший одним из главных героев его рассказов, возможно, является вымышленным персонажем, но шефство над юным вольноопределяющимся опытного (и грамотного) солдата сыграло важную роль.

В начале нового столетия молодой, но уже опытный офицер встретил эпоху наполеоновских войн. По словам самого И.Н. Скобелева, все войска, стоявшие на Сибирской и Оренбургской линиях, двинулись к прусской границе[4]. Специально в связи подготовкой к надвигавшейся войне начал формироваться 26-й егерский полк[5]. Скобелев переходит туда, хотя, казалось бы, он

---

[1] Там же. С. 54–55.

[2] Беспорядки на пограничной линии закончились «в царствование Павла I, как о том пишет в своих записках почтенный ветеран писатель Иван Никитич Скобелев, сам начавшей службу в Оренбургской губернии. Оренбургские войска т. е. гарнизонные, в гвардии и армии называли тогда *варварами полутатарами*. Генерал Ерихсон, у которого Ив. Ник. Скобелев был адъютантом, только дивился как мог из полутатарина быть такой прекрасный, исполнительный офицер как Скобелев» (*Игнатьев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. VII: 1880–1881 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2013. С. 290–291).

[3] *Скобелев И.Н.* Подарок товарищам или переписка русских солдат в 1812 году. СПб., 1833. С. I.

[4] *Скобелев И.Н.* Рассказы и письма русского инвалида. С. 57.

[5] 26-й Егерский полк. Сформирован 13 июня 1806 г. из трёх рот Уфимско-

уже выслужил офицерский чин и личное дворянство, карьера удалась. Но Иван Никитич обладал решительным характером, не довольствовался малым, бросает вызов судьбе и покидает гостеприимную Уфу.

Так завершился период его службы на Южном Урале. Во время следования в западные области Скобелев познакомился с женщиной, которая через 12 лет станет его супругой. Это была Надежда Дмитриевна Дурова, дочь владимирского помещика (дворяне из рода Дуровых имели земли и под Уфой). В 1820 г. у них родился сын Дмитрий, дослужившийся до звания генерал-лейтенанта, а в 1843 г. – внук, Михаил Дмитриевич, прославившийся в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Первый этап офицерской службы оказался недолгим. Иван Никитич Скобелев был зачислен в 26-й егерский полк, который формировался в 1806 г., и в следующем году уже принимал участие в боевых действиях против французской армии, а славой покрыл себя во время русско-шведской войны. Однако тяжёлые раны, полученные в боях, вынудили И.Н. Скобелева оставить военную службу. Несколько лет он служил полицмейстером в Московской части Санкт-Петербурга, а в 1812 г. подал прошение о зачислении в действующую армию. Явившись в штаб М.И. Кутузова в чине капитана, Отечественную войну он закончил уже полковником, а в следующем году стал генерал-майором.

Сразу же после похорон М.И. Кутузова в Казанском соборе (именно Иван Никитич сопровождал гроб с телом полководца в

го мушкетёрского полка, шести гарнизонных рот и рекрутов. С 3 апреля 1814 г. – 26-й Гренадерский егерский, с 30 августа 1815 г. – 5-й Карабинерный. 28 января 1833 г. был расформирован, по батальону присоединено к Сибирскому гренадерскому, гренадерскому фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского (Малороссийскому) и Астраханскому гренадерскому полкам. Принимал участие в Отечественной войне 1812 г.: Клястицы, Головчица, Полоцк, Белое, Чашники, Витебск, Смолянцы, Березина, а также в Заграничном походе 1813–1814 г.: Даннигков, Люцен, Бауцен, Дрезден, Бар-Сюр-Об, Париж. За 1812 г. награждён серебряными трубами. О преемственности службы показывает изображение знаменной скобы знамени 3-го батальона 9-го Гренадерского Сибирского полка: «1711 Уфимский Казанского гарнизона, Кунингама и Комендантский и Балцырева Гарнизонныя полки – и 1784 2-й и 3-й Оренбургския полевыя баталионы. 1864 – 9-го Гренадерского Сибирского Его Императорского Высочества Великого князя Николая Николаевича старшего 3-го батальона». Затем этот полк с 19 марта 1857 г. стал именоваться Сибирский гренадерский ЕИВВК Николая Николаевича старшего, с 25 марта 1864 г. – 9-й Гренадерский Сибирский ЕИВВК Николая Николаевича старшего, с 26 апреля 1891 г. – 9-й гренадерский Сибирский, с 25 марта 1908 г. – 9-й гренадерский Сибирский генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича старшего (справка любезно подготовлена Р.Н. Рахимовым).

столицу), И.Н. Скобелев отправился обратно в действующую армию и получил назначение командовать Казанским пехотным полком, за отличие под Реймсом, где он решительными действиями отбил внезапную атаку французов, получил орден Св. Георгия 4-й ст., а после взятия Парижа – орден Св. Владимира 3-й ст. В 1817 г. Скобелев произведён в генерал-майоры и назначен командиром 3-й бригады 2-й гренадерской дивизии, в 1821 г. был назначен генерал-полицмейстером 1-й армии. В 1828 г. Скобелев стал начальником 3-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант (1829 г.).

В польскую кампанию 1830–1831 гг. И.Н. Скобелев выступил в свой последний поход. В сражении при Минске ему ядром раздробило левую руку, которую пришлось ампутировать. После выздоровления И.Н. Скобелев занялся литературной деятельностью и вскоре заслужил славу «оригинального писателя» (сам себя он называл «писателем 14-й степени»).

Если военная биография Ивана Никитича Скобелева достаточно хорошо известна, то последняя часть его карьеры требует более подробного освещения. Отметим, что в Уфе, судя по воспоминаниям Н.А. Гурвича, следили за карьерой бывшего земляка и знали о его новой петербургской должности.

Третье (и последнее) возвращение на службу состоялось в июне 1839 г. 8 мая был подписан высочайший приказ: «уволенный от службы генерал-лейтенант Скобелев определен в службу по армии с назначением комендантом Санкт-Петербургской крепости и директором Чесменской Военной Богадельни»[1]. Сохранилась легенда, что за несколько дней до этого назначения Иван Никитич во время прогулки случайно встретился с Николаем I (который тоже любил гулять по центру города), император в шутку сказал ему: «будешь дальше писать в таком же стиле, посажу в крепость». И тут освободилась вакансия коменданта (скоропостижно скончался ещё один герой войны 1812 г. М.К. Крыжановский). В тот же день Николай Павлович вспомнил о Скобелеве и назначил его комендантом.

Санкт-Петербургская крепость была не только местом заключения государственных преступников. Она по-прежнему оставалась военным объектом с гарнизоном, а также местом захоронения членов императорской фамилии. Кроме того, в Петропавловском соборе регулярно совершались богослужения.

По воспоминаниям Д. Флоринского, И.Н. Скобелев пожертвовал серебряные ризы на запрестольный крест и деньги на две иконы Св. Петра и Павла над правым и левым клиросами. За

[1] Северная пчела (СПб.). 1839. № 105. 13 мая. С. 417.

церковную службу в своей домовой церкви (видимо, имеется в виду церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в Комендантском доме, устроенная в 1837 г.) И.Н. Скобелев ассигновал причту по 300 руб. в год, хотя служба в ней совершалась лишь раз в году – в храмовый праздник. При богослужениях комендант любил бывать в Петропавловском соборе, стоял в алтаре у южного окна, против которого и завещал похоронить себя.

«К особам духовного чина Иван Никитич был в высшей степени почтителен, и когда удостаивал его посещением митрополит, старый и израненный генерал встречал высокопреосвященного становясь на колено и с величайшим благоговением принимал архипастырское благословение. Однако в своих беседах с владыками И.Н. Скобелев не стеснялся и свою речь щедро пересыпал солью, только не аттическою, а чисто русскою непечатною. Владыки же снисходительно слушали такую речь»[1].

Иван Никитич завещал похоронить себя возле Петропавловского собора. Там находилось кладбище для комендантов крепости, которые умирали на этом посту, и одним из первых вопросов, с которым столкнулся И.Н. Скобелев, было захоронение его предшественника М.К. Крыжановского. 29 июня 1839 г. министр императорского двора сообщил И.Н. Скобелеву, что «вдова генерал-лейтенанта Крыжановского представила государю императору рисунок памятника, который она желает поставить на могиле покойного супруга своего»; император одобрил рисунок и повелел «по сему рисунку поставить памятник на могиле покойного во вверенной вам крепости»[2].

Затем Иван Никитич занимался возведением решётки вокруг кладбища. Это было сделано по предложению протоиерея Петропавловского собора и утверждено императором[3].

Вообще комендант крепости должен был находиться в ней неотлучно (он жил там же, для комендантов существовало специальное здание). Лишь изредка он покидал Петропавловскую крепость, как в августе 1839 г., когда Иван Никитич отправился в Бородино на церемонию открытия памятника сооружённого на месте батареи Раевского[4].

Основной задачей коменданта, естественно, было поддержание порядка в крепости, поэтому большую часть времени Ивана Никитича занимала рутинная переписка о караулах, ремонтных работах и т. д. В то же время крепость находилась в

---

[1] *Флоринский Д.* Скобелевы в преданиях духовенства Петропавловского собора в Санкт-Петербурге // Русская старина. 1883. Т. 36. № 10. С. 204.
[2] РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 322. Л. 3.
[3] Там же. Д. 341. Л. 1.
[4] Там же. Д. 321. Л. 1.

столице, что накладывало соответствующие обязанности на И.Н. Скобелева и его подчиненных. Сюда регулярно приезжали члены императорской фамилии, происходили разного рода церемонии, как викториальные, так и придворные, сопровождаемые пушечной пальбой со стен крепости. К таковым относились, в частности, венчания и свадьбы, накануне которых комендант получал подробный церемониал, где указывалось, когда надлежит производить стрельбу[1].

Ежегодным торжеством являлась годовщина освобождения России от неприятельского нашествия в 1812 г., которое отмечалось парадом в залах Зимнего дворца (в нём вплоть до 1840-х гг. принимали участие ветераны наполеоновских войн, а затем – отличившиеся в более поздних войнах). И.Н. Скобелев уже в первый год после своего вступления в должность коменданта 24 декабря 1839 г. получил указание от военного губернатора столицы: «На основании высочайшего его императорского величества повеления, состоявшегося в 30 день августа 1814 г., для принесения Всемогущему Богу теплых и усердных молитв, за избавление Российской державы от неприятельского в 1812 г. нашествия, сего декабря 25 числа в день Рождества Христова имеет быть в Зимнем дворце молебствие, во время которого, когда будут петь "Тебе Бога хвалим", по сделанному ракетному сигналу благоволите Ваше Превосходительство приказать произвесть с вверенной вам крепости 101 пушечный выстрел»[2].

Кроме того, в Санкт-Петербурге ежегодно совершалась церемония вскрытия Невы от льда. Традиция эта уходила корнями во времена Петра I, который в такие дни выезжал кататься по Неве и приглашал с собой всех желающих. Постепенно сложилась церемония, причём комендант крепости играл в ней одну из основных ролей. Нева вообще имела важное значение в жизни города, поэтому открытие судоходства было выдающимся событием. Внешне это выглядело следующим образом: «В ночь на 23 апреля лед на реке Неве тронулся и мосты были разведены, а вчера, в четыре часа по полудни, переправился чрез реку при пушечных выстрелах с бастионов Петропавловской крепости и с катеров, плывших по реке, комендант оной, генерал от инфантерии Иван Никитич Скобелев, и сообщение с заречными частями города восстановлено на ялботах и яликах»[3].

И.Н. Скобелев накануне таких дней получал распоряжение от военного губернатора: «Высочайше утвержденным церемо-

---

[1] Там же. Д. 467. Л. 15, 34.
[2] Там же. Д. 300. Л. 6; Д. 436. Л. 31.
[3] Русский инвалид (СПб.). 1847. № 89. 24 апреля. С. 355.

ниалом, ежегодно исполняемым при вскрытии реки Невы от льда, постановлено приступить к церемонии, когда будет сделан с адмиралтейской стороны условный сигнал. Сигнал этот, по прежним примерам, будет дан с павильона Адмиралтейства, против Зимнего его императорского величества дворца»[1]. Он, в свою очередь, отдавал соответствующие распоряжения по гарнизону, и получал сообщение от командира 1-го ластового экипажа о том, что люди для церемониального выезда на катере (14 человек) назначены и будут находиться на нём в распоряжении коменданта всё время навигации[2].

Из-за пушечной пальбы в помещениях крепости регулярно вылетали стёкла, поэтому после каждой церемонии составляли акты и комендант подписывал распоряжения о замене стёкол[3].

Отметим ещё один любопытный момент. В сентябре 1846 г. Иван Никитич инициировал продажу табака и сигар в мелочной лавке, имевшейся в крепости (она обслуживала гарнизон). Для этого пришлось обращаться за разрешением к императору, и 30 сентября комендант получил ответ, что «его императорское величество в 27 день истекшего сентября высочайше повелеть соизволил, разрешить продажу табаку и сигар в крепостной мелочной лавочке, на законном основании, примерно на один год, с тем, что если в течение этого времени не будет замечено по продаже табаку никаких злоупотреблений, то дозволение это продлить»[4].

Всего во главе гарнизона Санкт-Петербургской крепости Иван Никитич Скобелев находился 10 лет, став в октябре 1843 г. генералом от инфантерии. А 19 февраля 1849 г. плац-майор крепости Лесников доложил императору, что «комендант Санкт-Петербургской крепости генерал от инфантерии Скобелев сего числа в 11 ¼ часов утра, волею Божиею, умер»[5].

В газетах сообщалось: «19 февраля скончался, к общему сожалению Комендант Санкт-Петербургской крепости, генерал от инфантерии Иван Никитич Скобелев, на 71-м году своей жизни, после непродолжительной, но тяжелой болезни»[6].

На следующий день новый комендант И.А. Набоков получил сообщение от военного губернатора Санкт-Петербурга, что «государь император изволил разрешить похоронить тело покойно-

---

[1] РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 475. Л. 2.
[2] Там же. Л. 1.
[3] Там же. Д. 327. Л. 7–8.; Д. 350. Л. 1–2, 45 48; Д. 338. Л. 7.
[4] Там же. Д. 426. Л. 1.
[5] Там же. Д. 498. Л. 1.
[6] Северная пчела. 1849. № 39. 21 февраля. С. 153.

го генерала от инфантерии Скобелева на избранном им месте»[1]. И.А. Набоков обратился к командиру артиллерийского дивизиона с просьбой «нарядить для погребения тела умершего генерала от инфантерии Скобелева 6 орудий от крепостной артиллерии, коими произвесть пальбу при отдании последней почести покойному установленным порядком»[2] (распоряжениями о похоронах Ивана Никитича занялся ещё Лесников 19 февраля[3]). Из рапорта от 22 февраля узнаём, что «при погребении тела умершего генерала от инфантерии Скобелева, согласно высочайшей воли произведена пушечная пальба со здешней крепости из 6 орудий в три залпа, на которые употреблено зарядов холостых пушечных увеличенных в 4 фунта пороху 18»[4]. Заслуженного генерала похоронили со всеми воинскими почестями.

У самой стены Петропавловского собора, внутри которого погребены императоры Российской империи, начиная с Петра Великого, и их близкие, на Комендантском кладбище находится могила Ивана Никитича Скобелева. Генерал И.Н. Скобелев начинал свой воинский путь рядовым солдатом на Оренбургской пограничной линии, в частях Оренбургской губернии. Он не забыл своего солдатского труда, почему был любим в народе и армии. Предания и легенды о полководце долго ещё бытовали в разных частях Южного Урала, от Верхнеуральска до Уфы.

---

[1] РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 498. Л. 4.
[2] Там же. Л. 5.
[3] Там же. Л. 3.
[4] Там же. Л. 6.

Л.Ф. Тагирова

Первое впечатление о Башкирском крае: из частной переписки командующего Башкиро-мещерякским войском Н.П. Беклемишева

Николай Петрович Беклемишев (1811–1893 гг.) родился в семье действительного статского советника, шталмейстера П.Н. Беклемишева. Вступил в военную службу в 1831 г. юнкером в 3-й Карабинерный полк и уже тогда был назначен ординарцем к главнокомандующему действующей армии. В том же году, за отличие в сражении «против польских мятежников», был произведён в корнеты в Харьковский Уланский полк с «прикомандированием к Генеральному штабу».

С ноября 1838 по декабрь 1845 г. служил адъютантом при генерал-фельдмаршале князе Варшавском. С 1843 г. числился в лейб-гвардии Уланского Наследника цесаревича полка в чине полковника. В декабре 1845 г. отчислен от должности адъютанта и переведён в Кавказское линейное казачье войско. В августе 1846 г. был командиром 6-й бригады, а в 1847 г. – исправляющим должность начальника центра Кавказской линии. В 1848 г. он подал прошение о прикомандировании его к Образцовому кавалерийскому полку для «усовершенствования себя по фронтовой части», что и было сделано в 1849 г. Генерал-адъютант князь Воронцов, в представлении писал: «Зная сего [Беклемишева] храброго и достойного штаб офицера с отличнейшей стороны во время трехлетнего служения его на Кавказе, как во время экспедиций в горы он командовал разными частями войск с притворным мужеством и знанием дела, так и по другим важным поручениям по управлению мирными горцами»[1].

В 1849 г. Беклемишев был назначен на должность командующего Башкиро-мещерякским войском, со вступлением на которую был послан генерал-губернатором Обручевым на инспекторский смотр управляемых территорий. Всего Беклемишевым было подано два отчёта. Второй из них, написанный в ноябре 1850 г., вызвал возмущение генерал-губернатора В.А. Обручева и в итоге послужил причиной дальнейшего отъезда Беклемишева из Оренбургского края. Свой скандальный отчёт командующий войском писал на основе данных, собранных при самостоятельной поездке (без участия чиновников из Оренбурга, кантонов и юрт) по башкирским и мишарским кантонам летом 1850 г. В частности, им были проинспектированы 4-й, 5-й, 6-й,

[1] РГВИА. Ф. 395. Оп. 287. Д. 25. Л. 8–10.

7-й, 8-й, 9-й, 10-й и 13-й башкирские, а также 1-й, 2-й, 3-й и 4-й мишарские кантоны, конный и пчелиный заводы войска.

Как видно из отчёта, командующий относился с симпатией к башкирскому народу и сочувствием к его бедственному положению. Он отмечал трудности, с которыми сталкивались башкиры в период несения службы, писал о денежных сборах, связанных с ней. Беклемишев считал, что наряд на службу башкир за последние годы стал непомерно высок, к тому же чаще всего казаков отправляли в рабочие команды на строительство дорог и крепостей, что унижало достоинство «азиатов». Также отмечались трудности в переходе башкир от скотоводства к земледелию через насильственные меры, особенно в 7-м и 10-м кантонах. «Люди беднели, но их все равно заставляли сеять и покупать рожь. И я не решился прибегнуть к наказаниям», – отмечал командующий. Причины бедности башкир он видел в желании быстрого обращения к хлебопашеству, нарядах на службу и неурожаях несколько лет подряд[1].

Взгляды командующего войском полностью противоречили позиции генерал-губернатора Обручева, считавшего, что башкиры «не более других иррегулярных войск обременены службой»[2]. Хотя, по мнению современников и историков, именно деятельность Обручева привела к разорению башкир, что в итоге послужило поводом к удалению генерал-губернатора из края[3]. Но ранее разногласия командующего Башкиро-мещерякским войскаом и генерал-губернатором привели к отъезду Беклемишева из Оренбургской губернии. В апреле 1850 г. он уехал в отпуск, после чего перешёл на должность командира в Харьковский уланский полк, где в 1853 г. получил чин генерал-майора.

В 1858 г. Беклемишев был назначен наказным атаманом Астраханского казачьего войска, пробыв на этой должности до 1862 г., и уволенного по обвинению (со слов Беклемишева) «в утайке из войскового табуна 6 кобыл стоящих 300 руб. и в ложном донесении о временном помещении завода в усадьбе мне принадлежащей в Кабарде купленной мною за 110 руб.»[4]

В 1862–1865 гг. Н.П. Беклемишев служил в Виленском военном округе, в 1865 г. – в запасных войсках, где опять оказался в центре скандала, произошедшего при инспекторском смотре резервного эскадрона «первого лейб-драгунского Московского им. Вашего императорского Величества полка». Беклемишев

---

[1] НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6755. Л. 3–20.
[2] Там же. Л. 30–35.
[3] См.: *Семёнова Н.Л.* Военные губернаторы и башкиры // История башкирского народа в 7 т. Уфа, 2011. Т. IV. С. 44–51.
[4] ГИМ ОПИ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1. Л. 69–70.

приказал наказать розгами перед фронтом пять солдат, в том числе троих за ложную жалобу на «будто неправильное разжалование их из унтер-офицеров в рядовые», а остальных за то, что на вопрос Беклемишева, как зовут государя наследника цесаревича, отозвались незнанием. Выпоротые солдаты имели нашивки за выслугу лет, их по закону нельзя было подвергать телесному наказанию. В 1866 г. Беклемишев был произведён в генерал-лейтенанты и уволен от службы с мундиром[1].

В секретных сведениях о штаб-офицерах, за время служения на Кавказе Беклемишева характеризовали как офицера с тихим характером, склонного к порядку, исполнительного, усердного и остроумного человека. Генерал-губернатор Оренбургской губернии Обручев, в свою очередь, считал Беклемишева скрытным, не соблюдающим приличия в переписках, а по наружности почтительного человека, усердного в службе и склонного к «коннозаводству»[2].

Свои взгляды на ситуацию в Башкирии Н.П. Беклемишев также излагал в частной переписке. Сохранились его личные бумаги, в том числе копия с письма Ф.П. Опочинину, написанного, приблизительно, в конце 1849 – начале 1850 гг., в первые месяцы пребывания Беклемишева в должности командующего Башкиро-мещерякским войском.

Это не просто частное послание, его можно воспринимать как целенаправленную характеристику края, подготовленную по заказу адресата. Н.П. Беклемишев обещал «описывать этот отдаленный уголок империи», он собирался даже прислать «рисунок башкирских мод», в конце рассказа Беклемишев сообщает сюжет следующего письма, как был на речке Ток, «как давал праздник башкирцам на кочевке, и как продолжал путешествие свое». Сохранившееся послание, видимо, лишь фрагмент обширной частной переписки.

Особое внимание Н.П. Беклемишев уделяет описанию жизни башкир, сравнивает их с казахами (киргизами) и калмыками. Вообще восточная экзотика (Караван-Сарай, Меновой двор в Оренбурге) явно привлекают внимание автора. Он подробно рассказывает об одежде, обычаях, хозяйстве.

Отметим, частое (одиннадцать раз) упоминание в тексте термина «Башкирия». Ещё А.З. Асфандияров отметил появление историко-географического понятия «Башкирия» среди образованного местного русского чиновничества с 1730-х гг.[3] Опреде-

---

[1] Там же. Л. 73, 84 и об., 90.

[2] РГВИА. Ф. 395. Оп. 287. Д. 25. Л. 10.

[3] *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа, 2006. С. 12–15.

ление края как «Башкирии» встречается в сочинениях местной интеллигенции, например, историка-краеведа В.С. Юматова и писателя В.В. Зефирова в 1847 г. Беклемишев же только что впервые приехал в Оренбургскую губернию. Частое использование термина «Башкирия» в его сугубо частном письме можно объяснить или как влияние местного русского военно-служилого общества, или в 1850-е гг. среди столичных (петербургских) образованных кругов уже укоренилось наименование Южного Урала, или его части, как «Башкирии».

Письмо Н.П. Беклемишева – это специальное описание по заказу адресата, Фёдора Петровича Опочинина, который находился в Санкт-Петербурге. Видимо, в Северной Пальмире они встречались. В тексте звучат «питерские мотивы»: «Прибытие каравана составляет такую же эпоху здесь как прибытие кораблей в Петербург по открытии навигации». Или, «Вид Менового двора так оригинален, так хорош, что мне кажется, стоит из Петербурга нарочно приехать для того собственно, чтоб полюбоваться этим зрелищем». Более того, командующий Башкиромещерякским войском знаком с бытовыми подробностями жизни народов Петербургской губернии: «Так они называют треугольною шапку похожую несколько на чухонскую».

Вспомним, что Н.П. Беклемишев в 1830-е гг. был прикомандирован к Генеральному штабу, а в 1840-е гг. состоял в лейб-гвардии наследника, откуда в 1845 г. отправился на Кавказ. А перед выездом в Оренбургский край служил в Образцовом кавалерийском полку. То есть, он достаточно долго жил в Санкт-Петербурге, приобрёл обширный круг знакомых. Беклемишев даже привёз рекомендательное письмо «от Веры Ивановны» для супруги генерал-губернатора Обручева, явно не от горцев.

Адресат же Беклемишева принадлежал к известной фамилии морских офицеров. Капитан 2-го ранга Фёдор Петрович Опочинин был женат на Александре Фёдоровне, урождённой Дмитриевой, унаследовавшей от отца поместье в Уфимском уезде возле деревни Дмитриевка (Бишкази), к западу от города.

Имение ещё в 1853 г. было заложено и не в Уфе, а в Санкт-Петербургском опекунском совете. На 1861 г. семья проживала в северной столице по адресу Литейная часть, дом № 4 по Гагаринской набережной[1].

На 1861 г. Ф.П. Опочинин находился уже в отставке. Жизнь в столице дорога, видимо, супруги не рассчитывали на капитанский пенсион и решили старость встретить в своём имении под Уфой. Семья Опочининых в пореформенные годы проживает

[1] См.: НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 721, 831.

здесь. В 1870 г. среди лучших конных заводов Уфимского уезда назывался завод капитан-лейтенанта Опочинина[1] (сын Фёдор Фёдорович Опочинин владел родовым поместьем до 1917 г.).

А в конце 1840-х гг. морской офицер Ф.П. Опочинин просил знакомого Н.П. Беклемишева рассказать о далёкой Башкирии, где у супруги было поместье с крепостными. Может уже тогда Опочинины планировали переехать сюда?

Письмо Фёдору Петровичу Опочинину

«Когда я отправлялся в Башкирию, я обещал Вам описывать этот отдаленный уголок империи. Теперь я только что окончил объезд войска, и потому, могу уже Вам кое-что о нем рассказать. Чтобы дать Вам понятие об обширности моего управления я доложу Вам что с первых чисел июля месяца до половины октября, я все ездил из кантона в кантон, был только в главных селениях, проехал таким образом тысяч 8 верст, и то еще не во всех своих управлениях успел побывать.

Надо быть подданному необъятной России, чтоб в моем чине соединить под своим начальством такое огромное разнородное целое: местность, жители, животные, климат, все так разнообразно, что Башкирия должна непременно всякому понравиться. Кто из нас не знает, что есть Башкирия на границе империи, но очень мало русских знают любопытные оценки ее. [О] башкирах не рисуют, не пишут, богатые наши соотечественники стремятся на запад, а как много здесь было бы пищи для артиста! Сколько материалов для иллюстрации и альбомов. Вспомните, что Башкирия занимает всю южную часть Пермской губернии и часть Вятской, граничит к Западу с губерниями Казанской, Симбирской, к востоку с Сибирью, к югу с землею уральских казаков и сливается с беспредельною степью Киргизской.

Мы люди русские, уже привыкли с малолетства слышать эти имена и потому сами не замечаем что это всё целые царства, уже я не говорю о том, чтобы сравнивать размеры наименованных мною сейчас губерний, с европейскими державами и в особенности с Германиею, об этом даже и говорить смешно. Но извольте взглянуть на карту, и увидите, что моя Башкирия одним углом упирается в Волгу близ Самары, а другим подошла под Тобольск, что составляет поперечнику около 3 тысяч верст.

С двух других сторон ее омывают Кама и Тобол. На всем этом пространстве обитает башкир и мещеряк, составляющие мое атаманство обоего пола слишком 520,000 душ. Из них

[1] Уфимские губернские ведомости. 1870. 7 февраля.

110,000 служащих казаков, всегда ждут только одного царского слова, чтобы сесть на коня и явиться неодолимою дружиною отчаянных наездников, которым никакие труды не страшны, потому что они родились и выросли среди жестоких зимних буранов и палящего зноя здешних селений. На них климат не имеет ни какого влияния, лошадь у этого молодца целую зиму может прожить без всякой заботы со стороны человека: она сама [для] себя находит из под глубокого снега корм. Башкирец ест сырую конину [...] volaille[1] ему не нужно к этому ни соли ни приварка.

Тоски и скуки он не знает, потому что Бог его одарил характером совершенно беззаботным. Труды войны и наездничество – вот одно общее душевное стремление их. Но эти страшные силы России, лежат в запасе как горы золота на монетном дворе, и передаются от царя к царю, как неисчерпаемый запас средств империи. Теперь государь с башкир требует только службу следующую: он признал нужным занять Аральское море и степь по дороге в Хиву и Бухару слишком на 1000 верст поперечнику. Слава богу, царю нашему не пришлось думать о том чем занять, и чем держать это проворство. Вопросы состоят только в том занимать или нет. Решено занять и Башкирия дала деньги, материалы, людей и лошадей на устройство четырех крепостей и флотилий, на содержание гарнизонов, на обеспечение сообщений*.

Вся Башкирия разделена на 17 кантонов. Те из них, которые сопредельны с Киргизской степью и где наиболее находится лошадей; несут службу натурою. То есть, дают государю конно-вооруженных всадников, подводы, возят в степные укрепления леса, всякие материалы и провианты. Другие же кантоны более отдаленные, обложены денежным сбором, и вместо войска или подводчиков натурою, дают с каждого служащего по 3 руб. серебром. Сообщения со степными укреплениями так трудны от знойной песчаной пустыни, которую надо проходить, что башкирцы ежегодно теряют в этих походах около 1000 лошадей. Но средства и способы края так огромны, что вот уже пять лет как это продолжается. Кроме того при занятии пунктов пало несколько тысяч лошадей. Но башкиры не унывают, у них теперь до миллиона лошадей. Я обратил особенное на их коннозаводство внимание. Незабвенный для здешнего края, В.А. Перовский основал в Башкирии конский завод, который теперь развитием

---

[1] Текст, написанный на французском языке, полностью не читается, volaille – домашняя птица.

* И обо всем том у нас состояние только домашний счет в Башкирии (здесь и далее *примечания автора*).

своим дает большие средства для поддержания этой полезной для правительства отросли хозяйства в моем войске.

Нрав башкир чрезвычайно покорный, усердный ко всему начальству, и совершенно беззаботный и беспечный. Южная часть Башкирии еще сохранила первобытный свой характер, северная приняла уже более жизнь оседлую и в обычаях уже во многом слилась с русскими. Вы это увидите из описания моей поездки по войску. Наружность башкир довольно приятная. В чертах лица их не видать безобразности монгольского типа, так резко отличающего киргиз и калмыков. Они довольно стройны, но плотны и широки в костях. При всем желании моем защищать моих подчиненных, я должен сознаться в том, что башкирки все весьма некрасивы. Суровый климат, суровая жизнь, их грубая пища (самая нежная красавица охотно лакомится сырою кониною) все это дает много силы, но мало прелести. На Кавказе я любовался кавказскими красавицами, этими прелестными существами, удивляющими всякого неземною прелестью своею, своей непостижимой стройностью, огненным сверканием глаз из под длинных ресниц, роскошью густых, черных волос. Эти красавицы цветущие на театре вековой войны заставили Плещеева сказать, что Кавказ можно определить тремя словами: война, вино, любовь. Черкешенки, грузинки, армянки, облеченные в поэзию войны и роскошь юго-востока, так обворожительны, что они самого холодного и разочарованного европейца могут заставить позабыть мир земной. В кругу их я прожил пять лет, конечно лучших в моих жизни, поэтому избалованный глаз мой и встревоженное воображение не находит в новых моих знакомых мною привлекательности.

Трудно описать Вам их наряд. При первой свободной минутке я лучше всякого описания пришлю Вам рисунок башкирских мод. Главное основание наряда составляет чепец из кораллов украшенный множеством старых монет, широкая татарская рубашка, которую башкирки носят обыкновенно из пестрого ситца с галунами. Нагрудник, унизанный кораллами и монетами всех размеров, большие серебряные серьги, множество бус всех цветов на шее, красные сафьяновые сапоги и суконный халат, обыкновенно красный с золотыми галунами. Одеяние мужчины составляет халат всех цветов и материй. Самый щегольской считается красного сукна с широкими золотыми галунами, высокая, в аршин, клинообразная красная шапка с галунами или с широкою лисьей опушкою, кушак из широкой шали бухарской и черные бархатные шаровары. Седла и конную сбрую они обыкновенно украшают серебром и сердоликами, во множестве находящихся в Башкирии; вооружение составляет пика, лук со

стрелами, турецкая кривая сабля иногда ружье и всегда огромная нагайка.

Когда они отправляются вовнутрь империи, они надевают мундир совершенно сходный с донским. Одеяние старинное и только изредка еще встречаемое у башкир, есть панцирь надеваемый сверх халата, и железный остроконечный шишак с большим павлиньим пером.

Теперь расскажу Вам вкратце прибытие мое в Оренбург и путешествие по Башкирии. Здесь, как вообще на востоке и юге, закат солнца озаряет небо чрезвычайно яркими цветами. Я подъезжал к Оренбургу вечером. Необъятная для глаза степь загоралась лучами заходящего солнца, и на огненном небосклоне рисовалось огромное [здание] в мавританском вкусе с великолепным минаретом. "Что это?" – я спросил у ямщика – "управление башкирского атамана и их Караван-Сарай". Можете себе вообразить, как это польстило моему самолюбию. Строение это стоящее за городом есть творение незабвенного Перовского. План составлял Брюлов. Мечеть сея с минаретом есть великолепное изящное здание, в нее стекаются с восторгом тысячи мусульман. Вряд ли есть в России мечеть великолепнее этой. Она делает всегда большое впечатление на приходящие караваны из внутренней Азии. Бесспорно, одна из самых нужных мер правительства, есть старание поражать воображение азиат роскошью и весельем. Они в этом видят признаки силы.

Башкирский Караван-сарай и могущества составляет большой четырехугольник с мечетью в середине. Когда Василий Алексеевич закладывал оный, он разослал 200 башкирских мальчиков в Москву, Петербург, Казань и в оружейные заводы для изучения разным ремеслам. Он предполагал, этих всех по возвращению мастеров поместить в Караван-сарае и всеми мерами стараясь доставлять им работу, без стеснения скорости, развил между ними большую промышленность. Он полагал тут поместить управление и весь штаб командующего войском. Все башкирцы приезжающие в Оренбург останавливались бы в Караван-сарае, и здесь находя всевозможные мастерские, делали бы тут заказы. Здесь бы кипел народ постоянно, потому что такое сборище представляло бы все условия для азиат любящих толпиться на базарах. Тут должно было сосредотачиваться все нужное для приезжего башкирца, мечеть, базар, Канцелярия в которой он имеет дело. Для большого усовершенствования этого заведения Перовский провел воду из Урала и устроил фонтан среди двора, это самая лакомая приманка в здешней знойной и песчаной стороне. Мальчики все воротились прекрасными мастерами. Но, к несчастью, тогда когда это светлое, благодетель-

ное, поэтическое предположение приходило к концу, В.А. оставил край. Но все еще Караван-сарай стоявший слишком 300/т. руб. есть монумент который передаст имя Перовского в отдаленное потомство, и всегда будет ему жить лучшим украшением пустынных окрестностей Оренбурга.

Въезжаю в город. Длинная широкая улица. Везде каменные дома, на площади великолепное здание. Оно было выстроено Перовским для Корпусного штаба. Теперь в нем помещается Неплюевское училище. Далее, большой дом в итальянском вкусе. – Опять Перовский! – это выстроенное им дворянское собрание. В конце улицы на горе над рекой Уралом дворец, – Опять Перовский! – это губернаторский дом, который Василий Алексеевич успел окончить и обмеблировать роскошью. Такое здание необходимо на восточной оконечности империи. В нем может прилично представитель русского правительства принять посланца от Бухарского или Хивинского хана, бывавшего в Индии, где англичане ослепляют туземцев пышностью и богатством своим.

В версте от города стоит Меновой двор, большое квадратное строение состоящее из ряда лавок. Сюда стекаются караваны из Средней Азии, и целое лето здесь продолжается мена на русские товары. Прибытие каравана составляет такую же эпоху здесь как прибытие кораблей в Петербург по открытии навигации. Вид Менового двора так оригинален, так хорош, что мне кажется, стоит из Петербурга нарочно приехать для того собственно, чтоб полюбоваться этим зрелищем. Вообразите себе площадь почти в квадратную версту. Вся она толпою наполняется верблюдами, баранами и лошадьми, горами азиатских товаров. Все соседние племена Азии тут толпятся, кричат, шумят, сохраняя свои резкие типы. Вы видите на маленькой длинной поджарой лошадке у коей грива поколена, киргиза с его плоскою безобразною рожею, с маленькими глазами, иногда в пестром халате, иногда почти совсем голого, в огромном волчьем малахае. Так они называют треугольною шапку похожую несколько на чухонскую. Изжаренного солнцем в степи, с ужасною ногайкою в руке, он приехал за несколько сот верст, и пригнал несколько баранов и лошадей, три его скверные жены. Они гораздо безобразнее его. В грубых холщевых рубахах, или суконных халатах, в кожаных шароварах с куском белого холста повязанного на голове высоко. Они становят кибитки и обшивают их кошмами. Вы видите бухарца, довольно стройного старика, с окладистою бородою в полосатом халате, в красной или синей чалме. Он привел верблюдов, навьюченных коврами, выбойками, бирюзой. Хивинцев, в красном шелковом халате, высокой овчиной шапке, напоминающей своим покроем старинные шапки наших

бояр: он сидит на тонком аргамаке, так здесь называют туркменских лошадей, они очень красивы, но узки и вообще не сильны. Впрочем, говорят, что хорошие аргамаки, которых сюда почти во все не приводят, могут переносить большие труды.

Прекрасную картину составляет прибытие каравана из степи. Элитная вереница из нескольких тысяч навьюченных верблюдов тянется на несколько верст. Неуклюжие движения этих животных дает издали каравану вид какой-то волнующийся стихии. Вся эта колонна приходит изнуренная и совершенно сожженная палящим солнцем степи, через которую она прошла слишком 2000 верст. Все это входит в Меновой двор и сейчас же начинается шум и торговля и вся площадь закипит как рой пчел. Этот Меновой двор, есть учреждение тоже великого человека, оставившего после такую же память как В.А. Перовский. Это учреждение графа Сухтелена. Около этого Менового двора, целые аулы степных киргизов становят свои кибитки, и оживляя таким образом на несколько верст окружающую степь остаются тут занимаясь меновой торговлею до поздней осени. Тогда караваны с русскими товарами и с многими русскими торговцами отправляются теми же длинными вереницами верблюдов через степь в Хиву и Бухару. Оренбург летом несносен своим зноем и пылью, но зато здесь никогда не бывает грязи, потому что все песок. Иногда летом бывают вьюги, которые несут густые тучи песку, это называется бураном, они продолжаются недолго порывами, но совершенно могут засыпать глаза у того, кто под бураны попадется. Жара стоит долго жестокая. Нынешнее лето от половины июля до конца июля постоянно стоял жар на солнце около 45 градусов, а в тени 38 по Реомюру. Говорят, что зимы бывают жестокие**.

Военный губернатор Обручев меня принял чрезвычайно благосклонно, обласкал, подбодрил, как только можно. Все что я могу счастливее желать, это то, чтоб в течении моей службы здесь, он не имел случая ко мне перемениться. Конечно одно из лучших украшений Оренбурга, есть в настоящее время, супруга его, Матильда Петровна. К уму и ловкости она соединяет красоту и необыкновенную стройность и приятность в обращении. Рекомендательное письмо, которое я имел от Веры Ивановны, скоро меня ввело в круг частных посетителей Матильды Петровны. Это было для меня большой шаг при моем появлении в здешнем обществе.

Недели три я посвятил на изучение дел, и хода управления в моем войске и потом начал мой объезд в начале июля с того,

** Не забудьте, что это было писано до зимы.

что проехал на реку Ток, верст за 150 от Оренбурга. Тут обыкновенно проводят все лето на кочевке те из башкир, которые преимущественно занимаются разведением табунов, их лошади сохранили оригинальный тип свой. У башкирцев есть табуны по 1000 и 1500 голов, так что по берегам реки Ток пасется около 100,000 лошадей. Надо Вам рассказать, что такое кочевка у башкир.

В последние года предместник мой успел заставить башкирцев заниматься домохозяйством. Некоторые начинают порядочно строить избы свои, придерживаясь данному плану и вытягивая строения вдаль по прямы улиц сем, наподобие русских сел. Но это для них вещь совершенно новая и дикая, они вовсе не обращают внимания на дома свои, называют их зимовками и строят лачугу маленькую из кривого леса, которая едва прикрывает его семейство от зимних буранов. В этой лачуге, кроме башкирца, конечно ни кто не в состоянии перезимовать. Киргизская войлочная кибитка гораздо теплее. Целую зиму семья башкирца дрожит от холода согреваясь около камина, [...] никаких запасов хозяин по беспечности своей не делает, всю зиму терпит голод и величайшую нужду. Около такой полураскрытой избы, в которой зимует семейство богатого башкирца, стоит табун в несколько тысяч лошадей, скребет копытом снег и из под сугробов выкапывает ковыль и тем себя поддерживает в жизни. Его заносят страшные вьюги, но эти лошади, таким образом, переносят жестокие здешние морозы. Так, целую зиму прозябает семейство и табуны башкирца. С открытием весны все оживает. Переход зимы к лету здесь бывает очень быстр. Как только снег сойдет, башкирец оставляет свою зимовку и разбивает несколько кошмовых кибиток на берегу реки. Обыкновенно каждая жена имеет свою кибитку, туда пригоняет он свои табуны и тут блаженствует в совершенном бездействии праздности до следующей зимы. Это называется кочевка. Вы слыхали, что любимый напиток у башкир есть кумыс, приготовляемый из кобыльего молока. Этот напиток составляет главную заботу женщин на кочевках.

Перед кибиткой на земле протягивается длинная веревка и прибивается колышками. К ней привязываются [на] мочальных недоуздках жеребята. Чрез несколько дней после их рождения, когда надо кобылу доить, башкирка берет длинный шест к концу которого приделан аркан петлей, идет в табун и накидывает эту петлю на шею кобылы с большой ловкостью придушить ее и таким образом эту матку которая с первого взгляда кажется неприступною приласкивает к жеребенку, который бросится сосать мать, и тогда башкирка оттягивает его в сторону и начина-

ет доить кобылу как у нас доят коров. Жаль смотреть на несчастных жеребят, которые целый день совершенно голодные, мучаются привязанные на солнце и ни чем не прикрытые от насекомых, их только на ночь пускают к маткам и то, когда их вечером уже подоят. Таким образом, башкирская лошадь с самого рождения своего терпит всевозможные нужды и конечно, та, которая могла вынести эту муку, лет пять не ослабев, делается неоцененною лошадью для походов. Вид кочевки очень весел и красив. Обыкновенно несколько деревень становятся вместе. Подъезжая к кочевке, вы видите вдоль реки несколько сот кибиток, раскинутых в одну линию. Около них несчастные жеребята, привязанные за морду, а кругом верст на десять целый мир лошадей. Все это вместе составляет картину весьма оригинальную и оживленную. Нельзя себе вообразить, сколько может башкирец выпить кумысу на кочевке. Этот напиток от брожения делается несколько хмельным. Башкирцы лечат им все возможные болезни. Выступление из зимовки на кочевку есть эпоха в единообразной жизни башкирского семейства. Они выходят на кочевки целыми семьями. Этот день у них случается одним из самых веселых и счастливых в году. В этот день отправляются заблаговременно. Бабы и старики на избранное место, подгоняются туда табуны, зарезают в каждой семье жирную кобылу и готовят пир. Все девушки, и даже которые молодые женщины, и самые удалые молодцы аула надевают лучшие свои праздничные наряды, седлают лучших скакунов своих и таким образом под конец этого дня, веселую и многочисленною толпою несутся вовсю вскачь, через степь на кочевку, где по прибытию их начинается пир. В облаке пыли, которое отчаянная и пестрая толпа эта поднимает, блестят серебряные украшения конских сбруй, широкие галуны и красные халаты наездников, бесчисленные монеты коими осыпаны женщины. Нельзя не оживиться и не увлечься такой живой картиною. Случается, что встретив неожиданно такую толпу, невольно с ней несешся сломя голову верст десять и вдруг поперек дороги попадается другая толпа, еще многочисленнее и живее, которая увлекает вас в другую сторону.

Позвольте мне здесь прервать мой рассказ и ежели Вам нескучны эти подробности, в другом письме описать Вам как я приехал на р. Ток, как давал праздник башкирцам на кочевке, и как продолжал путешествие свое»[1].

---

[1] ГИМ ОПИ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 7. Л. 67–77 об.

Р.П. Поддубная

Подвиг матери

Среди русских писателей-классиков Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859) занимает особое место. В своей автобиографической трилогии «Семейная хроника» (1856), «Детские годы Багрова-внука» (1858) и «Воспоминания» (1886) Аксаков одним из первых заговорил о роли матери и отца, семьи в формировании личности и нравственного мира ребёнка. Он воспел великую силу материнской любви, родительской ласки и сочувствия к переживаниям маленького человека, важность дружбы родителей и детей. ЮНЕСКО утвердило семью Аксаковых как образец семейных ценностей. В этом немалая заслуга принадлежит жене писателя Ольге Семёновне Аксаковой (1 марта 1793 – 2 мая 1878).

С.Т. Аксаков женился в 1816 г. на дочери суворовского генерала Семёна Григорьевича Заплатина Ольге. Венчание состоялось 2-го июня в Москве в церкви Симеона Столпника на Поварской улице, 5 (ныне Новый Арбат).

Её отец, небогатый помещик Курской губернии, участвовал во всех походах А.В. Суворова, был при осаде Очакова, имел Георгиевский крест. При Павле I командовал полком своего имени и вышел в отставку генерал-майором. Во время Отечественной войны 1812 г. возглавлял ополчение.

Мать Ольги Семёновны, турчанка Игель-Сюма, двенадцатилетней девочкой попала в плен при осаде Очакова. «Она была из рода Эмиров, – писал И.С Аксаков, – как известно, производящих себя от Магомета и пользующихся правом носить зелёную чалму[1]». О её детстве мало известно, но дети Сергея Тимофеевича знали, что, «когда русские пошли на штурм, отец её, схватив саблю, побежал к стенам, а тётка (матери у неё в живых уже не было), взяв её и других детей, присоединилась к толпе женщин, бежавших по мосту», перила которого обвалились, и тётка Игель-Сюмы упала в ров.

Игель-Сюма попала в семейство генерала Воинова. Её окрестили, научили читать и писать по-русски. «При Екатерине было даже издано учебное руководство для пленных турок: с одной стороны текст турецкий, с другой русский». Юная красавица покорила сердце молодого офицера Семёна Григорьевича Запла-

---

[1] *Аксаков И.С.* Очерки семейного быта Аксаковых // *Аксаков И.С.* У России одна единственная столица… / Сост., вступл. ст. и примеч. Г.В. Чагина. М., 2006. С. 148.

тина, который женился на ней. Игель-Сюма (Мария) выезжала с мужем и детьми в дворянское собрание, но так и не освоилась с европейской жизнью. Она сопровождала Заплатина в его походах – и там, в Польском походе, в 1792 г. родилась у неё дочь Ольга, будущая жена Сергея Тимофеевича Аксакова. Игель-Сюма умерла тридцати лет с небольшим. В семье Аксаковых долго сохранялись турецкая шаль бабушки детей Сергея Тимофеевича, её чалма и русская азбука с турецким текстом.

Овдовев, Семён Григорьевич поселился в деревне Обоянского уезда и взял свою старшую дочь из пансионата, которая стала его секретарём и другом. В обществе старого воина-отца Ольга «почерпнула тот дух доблести, которым так резко отличалась от других женщин. Она читала отцу своему исторические сочинения в русском переводе, в том числе историю Роллана, [...] описания военных походов, сообщения о сражениях, газеты. Семён Григорьевич до конца дней своих внимательно следил за политикой. Всё это было серьезной школой. Ольга выросла достойной дочерью отважного воина-генерала». Она была «исполнена самых героических и патриотических стремлений», которые внушала своим сыновьям с детства[1].

Иван Сергеевич Аксаков писал о своей матери: «Неумолимость долга, целеустремлённость, поразительная в женщине, имевшей столько детей, отвращение от всего грязного, сального, нечистого, суровое пренебрежение ко всякому комфорту, правдивость, доходившая до того, что она не могла позволить сказать, что её нет дома, презрение к удовольствиям и забавам, чистосердечие, строгость к себе и ко всякой человеческой слабости, негодование, резкость суда, при этом пылкость и живость души, любовь к поэзии, стремление ко всему возвышенному, отсутствие всякой пошлости, всякой претензии, вот отличительные свойства этой замечательной женщины.

Но все эти свойства составляли её стихию, а не были чем-то, что называется житейской мудростью, в свете она казалась наивной по своей неспособности к лицемерию и двоедушию. Она не могла скрыть ни своих симпатий, ни антипатий. Благоговейно покорялась она мужней воле, но когда дело шло для неё о нравственном начале, муж должен был склоняться перед нею: не то, чтобы она только не хотела, но она не могла действовать вопреки своему убеждению. [...] Мать Гракхов, Муций Сцевола[2] были её героями.

---

[1] Там же. С. 149.

[2] Гракхи, братья, Тиберий и Гай, римские народные трибуны. Сцевола Квинт Муций – юрист и государственный деятель республиканской эпохи.

При этом она принадлежала русскому быту. Русские обычаи, особенно церковные, русская кухня, русская природа – всё это было ей родное. Гостеприимная и общительная, она не только не отделяла гостей от мужа, но придавала ещё более привлекательности его собраниям[1]».

Вскоре после женитьбы молодые Аксаковы на несколько лет уехали в родовое имение в Оренбургской губернии в селе Знаменское, Ново-Аксаково тож. Оно находилось в 35 км от уездного города Бугуруслана в живописном месте.

Здесь, в Знаменском, 29 марта 1817 г. родился первенец Аксаковых – Константин, будущий поэт, публицист, наиболее яркий идеолог славянофилов. 7 февраля 1819 г. родилась старшая дочь Аксаковых Вера, известная мемуаристка, участница встреч и дискуссий славянофилов и западников. 4 января 1820 г. появился на свет Григорий – государственный деятель, Оренбургский, Уфимский и Самарский губернатор.

После рождения Константина Сергей Тимофеевич «страстно отдался чувству отца и почти буквально заменял для своего сына-первенца няньку. Ребёнок засыпал не иначе, как под его баюканье»[2]. Влияние отца, окружавшее Константина Сергеевича с детства, сопровождало его всю жизнь со дня своего рождения до самой кончины Сергея Тимофеевича.

«И при всём том, – писал о брате И.С. Аксаков, – в натуре Константина Сергеевича Аксакова не было ничего схожего с натурой Сергея Тимофеевича. Он, как говорится, весь был в мать. Весь нравственный строй его существа, возвышенность помыслов и стремлений, суровость в отношении к себе, строгость требований, элемент доблести и героизма – всё это заложено было в него матерью; всё это было в Константине Сергеевиче, как и в его матери, не в виде правила, руководящего в жизнь, но составляло в нём и в ней природную стихию [...] Константин Сергеевич совмещал с нравственными свойствами матери эстетический вкус и любовь к литературе своего отца. Стихи Державина и русская деревня вспеленали его, так сказать, с детства. Четырёх лет он выучился читать у матери, и первой его книгою для чтения была "История Трои", издания 1747 года»[3].

Константин пристрастился к чтению классической литературы. «Когда ему минуло восемь лет, – вспоминал Иван Сергеевич, – отец подарил ему в богатом переплёте том стихотворений Ивана Ивановича Дмитриева. По этой книге, которую Констан-

---

[1] *Аксаков И.С.* Указ. соч. С. 149.
[2] Там же. С. 146.
[3] Там же. С. 146–149.

тин Сергеевич скоро знал наизусть, Ольга Семеновна учила читать детей своих:

Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать!

Или:

Мои сыны, питомцы славы,
Красивы, горды, величавы.

Вот на каком героическом чтении воспитывала Ольга Семёновна своих детей»[1].

А.И. Герцен писал о К.С. Аксакове: «Всё его существо охватывает безграничная любовь к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума»[2].

Второй сын в семье был несколько иного склада. «Сын мой Григорий, родившийся 4 января 1820 года, в воскресенье, ровно в полдень, в селе Знаменском Аксакове тож, скоро стал напоминать мне голубыми глазами и шириной склада моего дедушку, а своего прадедушку, Степана Михайловича. Впоследствии это сходство увеличилось и было признано всеми родными. В 1821 году восьмимесячного Гришу повезли мы с собою в Москву, где прожили ровно год. Гриша был такой прелестный младенец, что никто не мог видеть его и не приласкать: полный, круглый, розовый, атласный, с большими светлыми, весёлыми голубыми глазами. Это была любовь и утеха всего дома и всех знакомых. [...] Наступило время отдать Гришу в Училище правоведения, только что открытое в Петербурге. [...] Он вошёл прямо в четвёртый класс, тогда старший. Только при расставании узнал я всю силу Гришиной любви ко мне и семейству. [...] Никогда не забуду я его глаз, устремлённых на меня с любовью и тоскою наступающей разлуки. [...] Прощаясь, он дал мне слово в первую минуту вспыльчивости вспоминать об отце и матери. Он сдержал своё слово»[3].

В своих письмах к Григорию Сергей Тимофеевич всегда старался поддержать сына, советовал ему глубоко осознавать полученные знания. Он всегда придавал большое значение расширению кругозора своих детей. «Кто хочет научиться, тот научится везде, – писал он Григорию, – худы или хороши будут его учителя. Мало того, чтоб выучить заданное на память приказание – надобно желать образования, искать его везде, не пропускать случая нигде, и тогда успехи будут верны»[4].

---

[1] Там же. С. 151.
[2] *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. Т. XII. М., 1956. С. 346.
[3] *Аксаков С.Т.* Избранное. М., 1987. С. 518–522.
[4] Цит. по: *Машинский С.И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. М., 1973. С. 194.

Пять лет прожили Аксаковы в Ново-Аксаково с родителями мужа. Помещение было тесным и неудобным. Особенно трудно в нравственном отношении было Ольге Семёновне. Её свекровь Мария Николаевна по-прежнему была главою дома, ревностно относилась к тёплым и ровным отношениям в семье сына.

Наконец, Тимофей Степанович согласился выделить Сергея и «назначил ему в вотчину село Надеждино в Белебеевском уезде Оренбургской губернии, находившееся в ста верстах от Ново-Аксаково». Но прежде чем переехать туда, Сергей Тимофеевич с женой и детьми отправился в Москву, где провели зиму 1821 г.

Летом 1822 г. Аксаковы с дочерьми Марией и Ольгой приехали в Надеждино, в своё собственное имение, где прожили до осени 1826 г. В Надеждино, 23 сентября 1823 г. у них родился сын Иван – будущий известный общественный деятель, талантливый публицист и пламенный защитник интересов славян. Через год, 14 сентября появилась на свет двойня – Михаил (1824–1841) и Фёдор.

В небольшом господском доме Аксаковых главными были дети, которые провели здесь незабываемые годы. Сергей Тимофеевич приобщал их к литературе. «Евгений Онегин» присылался ему из Москвы тетрадями, постоянно приходили посылки с другими книгами. «Всё это читалось вслух, громко, с каким-то увлечением» – вспоминал впоследствии И.С. Аксаков.

Смышленным, не по годам развитым был в семье Иван. В десятилетнем возрасте он увлекался чтением газет, внимательно следил за политическими событиями в Европе. За какую-нибудь провинность Ольга Семёновна наказывала его лишением читать газеты.

С особой нежностью Ольга Семёновна любила всегда весёлого, оживлённого, остроумного, музыкально одарённого Михаила. Мать гордилась музыкальными способностями младшего сына, несколько сочинений которого были уже известны специалистам, предрекавшим ему блестящую артистическую будущность. Воспитывавшийся в Пажеском корпусе Михаил внезапно скончался 5 марта 1841 г. на руках Ивана Сергеевича. Неожиданная смерть Михаила явилась тяжёлым ударом для всей семьи Аксаковых и более всех поразила мать.

Широкие просторы Оренбуржья не смогли удержать С.Т. Аксакова в отдалении от Москвы – велика была тяга к любимому занятию сценой, к литературе. Подрастали дети, требующие учения. В Москве можно было найти должность. Решено было ехать в первопрестольную. Простились с деревней – и навсегда.

Осенью, 8 сентября 1826 г. карета Аксаковых остановилась перед Москвою у Рогожской заставы. Подорожную прописали,

часовому скомандовали «подвысь» – и карета въехала в Москву.

Благодаря покровительству министра народного просвещения А.С. Шишкова, Аксаков 22 июня 1827 г. получил место литературного цензора, а 28 октября того же года назначен исправлять должность председателя Московского цензурного комитета. Круг его знакомых расширился. Новыми и преданными его друзьями стали М.П. Погодин, Ю.И. Венелин, профессора П.С. Шевырёв, М.Г. Павлов, потом Н.И. Надеждин. Днём, назначенным для сбора, были субботы – обедали, читали новые произведения, обсуждали проблемы внутренней жизни России и события, происходившие в Европе.

«Дом Аксаковых с утра до вечера был полон гостями. В столовой ежедневно накрывался длинный и широкий семейный стол, по крайней мере на двадцать кувертов. Хозяева были так просты в обращении со всеми посещавшими их [...] и радушны, что к ним нельзя было не привязываться»[1]. Кроме официальной службы, Сергей Тимофеевич увлекался театром, участвовал в издании «Московского вестника», писал рецензии и стихи. Аксаковы отличались гостеприимством и доброжелательностью, но не жили на широкую ногу, большая семья[2] вела скромный образ жизни. Ольга Семёновна экономила, ездила на распродажи. Чтобы помочь семье, Вера Сергеевна даже собиралась в гувернантки. С детства была серьезно больна Ольга, бывшая предметом самых нежных и постоянных забот всего семейства. Так как Ольга должна была оставаться под постоянным наблюдением врача, то была нанята для неё дача на Башиловке, в соседстве знаменитого врача Овера – друга семьи Аксаковых, ежедневно посещавшего больную. Сергей Тимофеевич, Ольга Семёновна и Вера попеременно жили с больной Ольгой.

Дети Аксаковых росли в дружной семье, в которой царило согласие и доверие всех к каждому и каждого ко всем. Чувство причастности к делам и заботам других, душевная чуткость и отзывчивость стали основой личного и общественного поведения всех детей Сергея Тимофеевича и Ольги Семёновны Аксаковых.

Обучению и воспитанию детей родители уделяли особое внимание, по их мнению, оно должно содействовать развитию «соображения», инициативы и, главное, стремлению приносить пользу обществу. Об этом Сергей Тимофеевич говорил и писал уже повзрослевшим своим сыновьям. Так в письме к Григорию в Петербург он подчеркивал, что считает «преступниками тех

---

[1] Белинский В.Г. в воспоминаниях современников. М., 1977. С. 241.

[2] У Аксаковых родилось четырнадцать детей: 6 сыновей (двое вскоре умерли) и 8 дочерей, из которых выросло 6.

родителей, чьи дети не приносят пользы и чести своему Отечеству и человечеству»[1]. Этому принципу он следовал всю жизнь.

Сергей Тимофеевич и Ольга Семёновна сумели понять в каждом из детей самостоятельную личность, дать ей определиться и развиться. Здесь ключ к пониманию величия недосягаемой чистоты Константина и национального борца Ивана, труженика губернатора, земца Григория, всегда чутко реагировавшей на события и метко их характеризовавшей Веры…

Общественный деятель XIX в. Б.Н. Чичерин писал о семье Аксаковых: «Это была старая, отличная, чисто русская семья, в высшей степени почтенная, с живыми умственными интересами, с глубоким благочестием и горячей любовью к Отечеству»[2].

В доме Аксаковых высоко ценились произведения А.С. Пушкина. Сергей Тимофеевич называл их народным достоянием. В 1827 г. в первый номер журнала «Московский вестник», будучи сотрудником его литературного отдела, Аксаков включил монолог Пимена из трагедии Пушкина «Борис Годунов». 23 марта 1830 г. для этого журнала Аксаков написал статью о достоинствах и значении поэзии Пушкина.

Впервые с Пушкиным Сергей Тимофеевич познакомился около 20 марта 1829 г. Сохранились сведения об их встречах у М.П. Погодина 27 марта и в конце апреля 1829 г. перед отъездом поэта на Кавказ. Новые их встречи состоялись 29 марта и 29 апреля 1830 г.[3]

29 апреля 1830 г. на новоселье у Погодина Пушкин, будучи в Москве, написал в коллективном поздравлении с Пасхой Шевырёва, бывшего в это время в Риме: «примите и мой сердечный привет, любезный Степан Петрович; мы жители прозаической Москвы, осмеливаемся писать к Вам в поэтический Рим, надеясь на дружбу вашу. Возвратитесь обогащённые воспоминаниями, новым знанием, вдохновениями, возвратитесь и оживите нашу дремлющую северную литературу. А.П.» Присутствовали в этот день у Погодина и Аксаковы. Ольга Семёновна написала в этом дружеском послании: «Христос воскресе! Наш любезнейший Степан Петрович, благодарю вас от души, что вы и в Италии не забываете Аксаковых. Дети вас очень помнят и Петроград наизусть читают»[4]. А Сергей Тимофеевич написал: «Христос воскресе, возлюбленный Степан Петрович! Желаем вам всего наилучшего, как близкому родному всего нашего семейства. Вы,

---

[1] Цит. по: *Машинский С.И.* Указ. соч. С. 191.

[2] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания // Русское общество 40–50 годов XIX в. Ч. II. М., 1991. С. 164.

[3] Русский архив. 1882. № 5. С. 81; № 6. С. 202–208.

[4] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 14. М., б. г. С. 84.

верно, узнали руку жены моей. Обнимаю вас. Не забывайте преданного вам душою С. Аксакова»[1].

Встречался Сергей Тимофеевич с поэтом у Погодина в 1831 г., который записал в Дневнике: «Завтракали у меня представители русской образованности Пушкин, Мицкевич, Хомяков, Щепкин, Аксаков. Разговор от еды до Евангелия». Об этом завтраке упоминает и Аксаков в письме к М.А. Максимовичу: «С неделю тому назад завтракал я с Пушкиным, Мицкевичем и другими у Михаила Петровича»[2].

Скорбь о безвременной кончине величайшего поэта России Ольга Семёновна выразила в письме к сыну Григорию от 3 февраля 1837 г. Она писала: «Нас поразила смерть Пушкина так, что мы не опомнимся, и вся Россия, верно, станет горько сожалеть о нем»[3]. А Погодин 2 марта записал в дневнике: «Ездил к Аксаковым. Говорили о Пушкине, которого истинно горько сожалеет Ольга Семёновна. [...] Какая драма его жизнь!»[4]

В 1832 г. Аксаковы познакомились с Николаем Васильевичем Гоголем, ставшим близким другом всей семьи.

Обладавший хорошим литературным вкусом Сергей Тимофеевич высоко ценил Гоголя как гениального писателя и внимательно следил за появлением его новых произведений. Своё поклонение таланту Гоголя Аксаковы перенесли на Гоголя-человека, старались окружить писателя вниманием и заботами, оказывали ему материальную помощь, которую тот получал от своих московских друзей в складчину, и которая была организована Сергеем Тимофеевичем.

В течение многих лет Аксаковы мечтали о приобретении возле Москвы небольшой усадьбы. Наконец, после долгих поисков выбор пал на Абрамцево, недалеко от Троице-Сергиевской лавры, в местности, сохранившей древнее название Радонеж. Дом в один этаж с мезонином стоял на холме, откуда открывался великолепный вид на живописные окрестности, леса, поля и тихую, богатую рыбой речку Ворю. Здесь, в Абрамцево, прошли последние годы жизни Сергея Тимофеевича. Здесь он создал свои лучшие произведения, прославившие его имя как тонкого знатока русского языка, певца русской природы: «Записки об уженье рыбы», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука».

Абрамцево стало одним из центров культурной жизни рус-

---

[1] Там же. С. 85.

[2] *Аксаков С.Т.* Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 434.

[3] Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 140.

[4] Последний год жизни Пушкина / Сост., вступ. ст. и примеч. В.В. Кунина. М., 1991. С. 627–628.

ского общества. Приезжал сюда и Н.В. Гоголь. С сердечностью и отцовской гордостью Сергей Тимофеевич почти в каждом письме к Гоголю писал о своих сыновьях, рассказывал о их служебной деятельности и творческих успехах. Родителям нравились подробные письма младшего сына, его наблюдательность, умение увидеть в каждом новом городе особенности.

С.Т. Аксаков умер 30 апреля (12 мая) 1859 г. в Москве. Похоронен на кладбище Симонова монастыря.

В память Сергея Тимофеевича Ольга Семёновна на свои средства построила в Вишенках Ставропольского уезда церковь. 16 января 1860 г. Г.С. Аксаков присутствовал на её освящении. В письме матери он приводил слова крестьян: «Благослови, Господи, матушку Ольгу Семёновну! Что она для нас сделала-то». Всем понравились вещи, изготовленные для этой церкви Ольгой Семёновной и её дочерьми. «Когда началось освящение каждой вещи, сработанной Вами или сестрами, – писал Григорий Сергеевич, – я так сильно переносился к Вам, что как будто видел Вас. [...] Народу было очень много, благодарили. [...] Вы можете считать себя счастливой, милая Маменька, что Господь привёл Вас в Вашей жизни вдруг сделать стольких счастливыми»[1].

Ольге Семёновне приходилось не только вести домашнее хозяйство, заботиться о детях, их здоровье, но внимательно следить за состоянием имений Аксаковых, расчётами с кредиторами, Опекунскими советами. В письме Ивану и Константину, находившимися за границей, она сообщала 2 сентября 1860 г.: «деньги 1500 внесла уже за Надеждино и ещё некоторые долги по 200 уплатила, вчера продала Далю лошадей старых Печенега и Половца за 145 золотом, а себе молодую пару оставила [...]. Вы не беспокойтесь насчёт денег [...] абрамцевские к 1 октября дают 360 золотом оброку»[2].

5 сентября она писала сыновьям: «За Надеждино внесена полная сумма, а за Вишенки сейчас посылаю официальную отсрочку, полученную от министра». Получить отсрочку платежа за Вишенки Ставропольского уезда Самарской губернии Ольге Семёновне помог друг С.Т. Аксакова со времён учёбы в Казанской гимназии и в Казанском университете, журналист, а в 1858–1862 гг. министр финансов Александр Максимович Княжевич[3].

Близким другом и помощницей матери была старшая дочь

---

[1] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой. Т. 3: Письма 1857–1886 гг. М., 2004. С. 51.

[2] *Аксакова В.С.* Дневники. Письма / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. СПб., 2013. С. 311.

[3] Там же. С. 312, 487.

Аксаковых Вера. Она посвятила заботе о родителях, братьях и сёстрах всю свою жизнь. Дело служения семье, семейным ценностям считала главным делом. Многие годы она вела переписку Сергея Тимофеевича, записывала под его диктовку произведения отца, изданные в 1850-е гг.

Последние годы жизни Ольги Семёновны сопровождались болезнями детей и трудным материальным положением семьи. Брат мужа, Николай Тимофеевич Аксаков, замечала дочь писателя, Вера Сергеевна 30 августа 1860 г., «и не спросит, есть ли у нас деньги – а ему короче других известно наше положение»[1].

Материальное положение семьи покойного брата или мало тревожило Николая Тимофеевича, или он ожидал, что вдова сама попросит о денежной помощи. Ольга Семёновна, собираясь за границу к сыновьям, 14 октября 1860 г. писала им о чутком отношении друзей и их бескорыстной помощи: «Как все, право, предупредительны. Катер[ина] Алекс[андровна] предложила тысячу. Самарин вчера привез 500 р[ублей], не так, как Николай Т[имофеевич], который ждет унизительных просьб»[2]. В поездке за границу мать сопровождали дочери Вера и Любовь. Из Москвы выехали 27 октября 1860 г. через Петербург.

Ольга Семёновна привезла в Россию тело умершего сына, Константина Сергеевича. А после похорон серьёзные недомогания почувствовала дочь Вера. Сказались утраты последних лет. Вера Сергеевна умерла 24 февраля 1864 г., была погребена рядом с отцом и братом Константином в Симоновом монастыре в Москве. Мать особенно тяжело переживала уход из жизни своей любимой старшей дочери.

И.С. Аксаков отмечал: «Кончина сестры сильно подорвала маменьку [...]. Сестра Вера была её товарищем и советником, которого советы она привыкла уважать: они не разлучались, и смерть Константина связала их теснее. Отчаянию и горести маменька не предаётся – но тоскует, но скучает невыразимо».

Сама Ольга Семёновна о горькой утрате писала в марте 1864 г. М.Ф. Раевскому в Вену: «Может, дошла весть до Вас о моём новом несчастии: не стало моей доброй, умной дочери Веры, не стало моего истинного друга и поддержки и наставницы и советницы сына моего Ивана»[3]. Утешало Ольгу Семёновну лишь окружение «попечениями дочерей и сына Ивана; и Гриша, сын мой приезжал из Уфы и неделю только мог прожить с нами.

---

[1] Там же. С. 308.

[2] Там же. С. 326; Е.А. Свербеева – мать Самарского губернатора А.Д. Свербеева, служил в 1878–1891 гг.; Ю.Ф. Самарин – первый почётный гражданин Самары.

[3] И.С. Аксаков. Письма к родным (1849–1856). М., 1994. С. 527.

А бедный мой Иван так бьётся со своим "Днём" без помощника [...]. Сердце моё болит, гладя на его непомерные труды»[1].

В жизни Ольги Семёновны бывали и светлые дни. В октябре 1865 г. она поделилась доброй новостью с Раевскими: «хочу Вам сообщить, что Ваше постоянное желание исполнилось: Иван мой женится на знакомой Вам, полагаю, Анне Фёдоровне Тютчевой, которая оставляет Двор и поселяется с Иваном в нашей подмосковной Абрамцеве [...]. А я с моим теперь маленьким семейством, тремя дочерьми, думаю нанять маленький домик поближе к зятю и дочери[2], а весной возьму маленькую дачку около Симонова монастыря, поближе к дорогим могилам». И ещё раз возвращаясь к радостной новости, пишет: «Господь награждает его такою необыкновенною девушкою»[3].

И вновь потеря, новое безутешное горе: 5 марта 1867 г. скончалась Любовь Сергеевна (1830–1867), так мужественно переносившая все невзгоды поездки за границу к больному Константину и оставившая записи о последних минутах его жизни на греческом острове Занте.

Ольгу Семёновну очень беспокоило состояние здоровья Надежды Сергеевны. Летом она отправилась с дочерью на кумыс в Самару. Убедили их в этом Г.С. Аксаков, приступивший в феврале 1867 г. к обязанностям Самарского губернатора, и Ю.Ф. Самарин, считавший самарское кумысное заведение доктора Н.В. Постникова лучшим в России. Проведённые в Самаре летние дни, искреннее внимание и желание как можно лучше устроить их отдых и лечение Наденьки со стороны Григория Сергеевича и Софьи Александровны Аксаковых благотворно сказались на самочувствии Ольги Семёновны и Надежды Сергеевны. Кумысное заведение Постникова очень понравилось. Вечерами они любили прогулки по берегу Волги, так как квартира губернатора находилась недалеко от реки.

Ольга Семёновна вспоминала: «Летом ездили в Самару к сыну, там пила Надя кумыс». Но затем сообщала друзьям: «Иван мой имеет свои горести и заботы; с сердечной болью смотрела я на него это время и благодарила Бога, с каким терпением и благодушием он переносил и страдание, и болезнь Анны Фёдоровны, и смерть здорового, большого мальчика, и прочие неприятности, и несправедливости, и придирки по газете»[4].

---

[1] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. СПб., 1892. С. 528.

[2] Дочь Аксаковых Мария Сергеевна (1831–1906) была замужем за Егором Антоновичем Томашевским.

[3] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 529.

[4] Там же. С. 530; Анна Фёдоровна 25 октября 1867 г. родила мёртвого ребёнка.

Но, несмотря на все усилия близких и поездку на кумыс, здоровье Надежды Сергеевны не улучшалось. Победить болезнь не удалось и 12 сентября 1869 г. дочь скончалась.

Последнее десятилетие жизни Ольги Семёновны стало временем страшных потерь и горя. Один за другим ушли муж, Сергей Тимофеевич Аксаков († 30 апреля 1859 г.), и дети: Константин († 7 декабря 1860 г.), Ольга († 31 июля 1861 г.), Вера († 24 февраля 1864 г.), Любовь († 5 марта 1867 г.), Надежда († 12 сентября 1869 г.).

Только поддержка и забота Григория и Ивана помогали ей пережить скорбь и печаль в связи с уходом из жизни супруга сына и четырёх дочерей. Жила она с самой младшей дочерью Софьей Сергеевной (1834–1885). Ежедневно виделась с Иваном Сергеевичем. К ней приезжала из Самары внучка Ольга. Писал и при первой же возможности навещал Григорий Сергеевич. Умерла Ольга Семёновна Аксакова 2 мая 1878 г.

В истории примером семейного воспитания осталась дружная семья Сергея Тимофеевича и Ольги Семёновны Аксаковых – настоящая русская семья, большая, крепкая, духовно здоровая, в которой царили согласие и доверие – высокие нравственные идеалы, которые Аксаковы пронесли через всю свою жизнь, через все невзгоды и испытания, лишения и радости.

На встрече в Самаре выпускников университетов и лицеев 12 января 1871 г. губернатор Григорий Сергеевич Аксаков поблагодарил собравшихся за добрую память литературных заслуг и общественной деятельности его отца и брата, Сергея Тимофеевича и Константина Аксаковых. Как завещание поколениям звучат сегодня его слова: «Служение правде и дарования тогда только имеют значение в жизни народов, когда находят в поколениях, следующих одно за другим, верную оценку и сочувствие. Это сочувствие есть залог твёрдости нравственных начал и прочности развития. Да не ослабеет же никогда в России сочувствие и любовь к правде, науке и искусству, и да живёт в ней всегда благородная память о достойных её деятелях»[1].

---

[1] См.: *Поддубная Р.П.* Самарская хроника Аксаковых. Самара. 2015. С. 49.

Н.Р. Славнитский

К.-М.С. Алкин и его связь с партией Народная Воля

В октябре 1884 г. в Санкт-Петербурге полицией был задержан Герман Александрович Лопатин – старый революционер, впервые арестованный ещё в 1866 г., активный участник антиправительственного подполья (в 1870 г. он помог бежать из ссылки в Вологодской губернии П.Л. Лаврову, позже перевёл на русский язык «Капитал» К. Маркса). Вплоть до 1884 г. Лопатин не входил ни в одну из политических организаций, объясняя это нежеланием связывать себя партийной дисциплиной[1]. Лишь когда «Народная Воля» была разгромлена, он вступил в неё и попытался собрать партию практически заново.

Задача была трудной – различные партийные кружки были разбросаны по стране, при этом в столице П.Ф. Якубович, по сути дела, формировал новую организацию. Чтобы собрать партию, Г.А. Лопатину пришлось ездить по разным городам, налаживать контакты. Не полагаясь на память, Герман Александрович заносил информацию в записные книжки, которые в день его ареста были обнаружены полицией. Здесь и сказалось отсутствие опыта конспирации у Г.А. Лопатина, он рассчитывал, что, в случае ареста, сможет уничтожить записи. Более того, аналогичные книжки были найдены у его помощницы Неонилы Михайловны Саловой, арестованной в то же время. Эти заметки позволили раскрыть всю организацию, а люди, упоминавшиеся в книжках, были арестованы.

Среди записей, в частности, обнаружили письмо из Казани от 18 сентября 1884 г. в коем сообщалось, что «татарин ещё не окончил своих дел за семейными препятствиями и, будучи удивлен посланием Петручио, который с первого раза предложил ему присоединиться к молодой партии и просил выслать побольше денег, поехал отыскивать его, Баха, был на севере, проездил рублей 500, не достигнув цели и теперь, вернувшись домой старается привести дело к концу", в заключение автор пишет, "насколько мне кажется, он свой человек"»[2].

Сразу выяснилось, что автором письма являлся один из руководителей партии А.Н. Бах. Вскоре полиция установила и «татарина», о котором шла речь. Это был «Алкин Кутлуг-Мугамед

---

[1] *Соломко В.С.* Герман Александрович Лопатин (1845–1918). 18 лет в Шлиссельбургской крепости // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 12. СПб., 2006. С. 73.

[2] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 421. Л. 126 об.

Сулейманов, 22 лет, магометанин, дворянин, учился в Уфимской гимназии, курса не окончил, холост, владеет 500 десятин земли в Уфимской губернии»[1]. Алкины – старинный татарский дворянский род Казанской, Оренбургской (Уфимской) губерний[2].

Естественно, Алкин сразу был арестован (18 ноября 1884 г.)[3] и отправлен в Санкт-Петербург, причём с 25 апреля по 8 мая 1885 г. находился в заключении в Тюрьме Трубецкого бастиона Санкт-Петербургской крепости[4].

Эта тюрьма, получившая прозвание «Русская Бастилия» была построена по инициативе коменданта крепости Н.Д. Корсакова, который задумывал её в качестве военной тюрьмы для офицеров. Последние регулярно отбывали наказание в казематах крепости, для этого приспосабливали помещения то в одной, то в другой куртине, и в конце концов решили сделать специальное здание. Двухэтажное здание тюрьмы в Трубецком бастионе было возведено в 1870–1872 гг. по проекту военных инженеров К.П. Андреева и М.А. Пасыпкина, при этом были разобраны валганговые (внутренние) стены бастиона. В нём насчитывалось 69 одиночных камер (первоначально – 71).

В соответствии с разработанной инструкцией заключённые в эту тюрьму должны были доставляться по распоряжению командующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, и, естественно, тюрьма была исключена из прокурорского надзора. По всей видимости, этим воспользовалось III отделение, добившееся, чтобы в ней размещали политических заключённых – уже в феврале 1872 г. она именовалась «зданием для политических арестантов»[5]. О каждом узнике, попадавшем сюда, комендант докладывал императору.

---

[1] Там же. Л. 125. об. Алкин Кутлумухамет Султанович (1864 или 1865 г. рождения). Отец – Султанмухамет Мухаматгареевич Алкин, мать – Хадича Арслангареевна, в девичестве Муратова. Окончил Уфимскую мужскую гимназию. Земский гласный Белебеевского уезда от собрания землевладельцев с 1894 по 1911 г. Баллотировался с 1894 г. по праву земельного владения матери – Хадичи Арслангареевны, которой с 1890 г. принадлежало 4490 дес. в Никольской волости. Собственный земельный надел по избирательным спискам в земство начал отражаться после 1900 г. Он получил его в качестве части наследства матери, которая в свою очередь унаследовала земли от второго мужа, Саитгарея Шангареевича Тевкелева (сведения любезно предоставила Г.Б. Азаматова).

[2] См.: *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* С.Т. Аксаков. Семья и окружение. Краеведческие очерки. Уфа, 1991. Гл. XXXI. Алкины; *Габдуллин И.Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. С. 97; др.

[3] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 421. Л. 140.

[4] Там же. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 569. Л. 19 об.

[5] Там же. Д. 371. Л. 5.

Раз Кутлуг-Магомед Сулейманович оказался в одной из камер этой тюрьмы, очевидно, сначала его воспринимали в качестве важной фигуры. Однако, со временем мнение жандармов изменилось. На допросах Алкин честно рассказал свою историю. Правда, в материалах дела есть пометка – «после целого ряда уклончивых показаний». Не исключено, что именно с этим связан его перевод в крепость – туда нередко присылали «несговорчивых» (условия содержания в Тюрьме Трубецкого бастиона были куда более жёсткими, чем в других тюрьмах империи).

По рассказу (точнее, показаниям) Алкина, он в августе 1882 г. приехал в Москву, где собирался поступить в Петровскую земледельческую академию, однако пропустил срок вступительных экзаменов и в учебное заведение не попал. Тем не менее, до марта следующего года он оставался в Москве, и лишь весной 1883 г, решил вернуться домой. В поезде он познакомился с одним человеком (оставшимся не известным, скорее всего это был А.Н. Бах), который рассказал ему о бедственном положении «низших классов», и убедил, что долг «всякого честного человека» – «помочь избавлению народа». Кутлуг-Магомед Сулейманович обещал агитатору оказать денежную помощь и дал свой адрес[1].

Во второй половине года он получил письмо от П.Ф. Якубовича (именно он был под псевдонимом «Петручио»), в котором Пётр Федорович сообщил ему о положении дел в организации и предложил вступить в «союз молодежи» партии Народной Воли (эту группу П.Ф. Якубович создавал как раз осенью 1883 г.[2]). Алкин в ответ сообщил, что «не считает себя достаточно подготовленным для вступления в партию и решиться на это не может», а также добавил, что денежных средств у него не имеется[3].

В апреле 1884 г. Алкин решил сдать экзамен на аттестат зрелости, для чего ездил в Новочеркасск и Пятигорск, но потерпел неудачу, затем вернулся в Казань через Москву[4]. Именно эта поездка, видимо, подразумевалась в упомянутом выше письме А.Н. Баха, но сам Алкин утверждал, что никаких целей оказать помощь народовольцам он не преследовал, что подтвердили его родственники[5]. При этом он указал, что никаких связей с «членами революционной партии» более не поддерживал.

Полиция, правда, выяснила, что во время проживания в Москве он «вращался среди студентов, известных полиции своей

---

[1] Там же. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 421. Л. 131 об. – 132.
[2] Там же. Д. 423. Л. 20.
[3] Там же. Д. 421. Л. 132 и об.
[4] Там же. Л. 133 и об.
[5] Там же. Л. 133 об.

неблагонадежностью»[1], но в этом ничего особенного не было – Петровская земледельческая академия еще с начала 1870-х гг. являлась одним из основных центров «вольнодумства».

Таким образом, Кутлуг-Магомед Сулейманович лишь случайно оказался связан с партией Народная Воля, на него возлагали некоторые надежды (в первую очередь, в денежном отношении), благодаря неосторожному обещанию. Министр юстиции пришёл к выводу, что он «изобличается в сношениях с членами революционного сообщества… но выразил лишь согласие на содействие своё революционным агитаторам, действительной же помощи им не оказал»[2]. Поэтому предложил вменить Алкину в наказание предварительное заключение (под стражей тот находился с 18 ноября 1884 по 24 июня 1885 г.) и подчинить гласному надзору полиции в месте жительства на пять лет[3]. 29 января 1886 г. это было утверждено императором.

Нельзя сказать, чтобы жизнь под надзором полиции была безоблачной. Это накладывало целый ряд ограничений – запрет уезжать из дома без ведома властей, запрет на «публичную деятельность» (в том числе – и на преподавательскую работу, хотя это для Алкина вряд ли было существенным).

В феврале 1889 г. он обратился в министерство внутренних дел с прошением о сокращении срока полицейского надзора. В министерстве навели справки и пришли к выводу, что «ввиду безукоризненного поведения просителя» надзор можно сократить на один год. Это было поддержано министром юстиции и утверждено императором 15 марта 1889 г.[4]

Действительно, недолгое пребывание в казематах Петропавловской крепости не сказалось на судьбе Кутлуг-Мухамеда Султановича (правильное написание отчества) Алкина. Он унаследовал долю своего отца (тот умер до 1871 г.) в родовом поместье при дер. Узытамак (Алкино, ныне деревня, железнодорожная станция и санаторий недалеко от Уфы).

К началу XX в. дворянин Кутлугмухамед Султанович Алкин приобрёл хутор Сарт-Смирновский в Казанской волости Уфимского уезда (635,53 дес.), где стоял барский дом, велось хозяйство. Также имел в собственности 600 дес. возле дер. Килимово Белебеевского уезда. Поместье сохранялось до 1917 г.[5]

Жил в Уфе, избирался гласным (депутатом) городской думы

---

[1] Там же. Л. 139 об. – 140.
[2] Там же. Л. 140 об. – 141.
[3] Там же. Л. 142 об.
[4] Там же. Л. 171–174.
[5] Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 86–89; НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 580.

в 1912–1917 гг., почётным мировым судьёй в Белебеевском уезде (1914–1917 гг.), гласным Белебеевского уездного земского собрания (1894–1911 гг.), являлся учредителем газеты «Аль-Галями аль-Ислами», членом попечительного совета медресе «Галия» в Уфе, участвовал в совещании о начальной мусульманской школе в 1911 г.[1] Также был членом различных благотворительных обществ. Либеральные взгляды, однако, сохранялись. По сведениям, краеведа Н.Н. Барсова, К.-М.С. Алкин одним из первых в Уфе ознакомился с «Капиталом» К. Маркса. А брат его, Илиас, вообще стал известным деятелем во время революции и Гражданской войны, затем наркомом труда в Башреспублике[2].

Отзыв министерства внутренних дел в 1889 г. о безукоризненном поведении подтверждал, что К.-М.С. Алкин действительно полностью порвал связи с партией народников, и, скорее всего, его обещание, данное агитатору в поезде вообще осталось бы не известным, если бы не оплошность Г.А. Лопатина. В дальнейшем, видимо, сохраняя либеральные взгляды, К.-М.С. Алкин ни в каком революционном движении не принимал участия.

---

[1] *Ямаева Л.А.* Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа, 2002. С. 124–125.

[2] *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* С. 297–298.

М.И. Роднов

Начало уфимского кино

Очевидно гигантское значение кино и телевидения в судьбах современной цивилизации. В информационном обществе растиражированный видеоряд становится «объективной» реальностью для миллионов людей и подчас изменяет ход времени.

История кино хорошо изучена[1], немало фундаментальных работ вышло о судьбах российского кино[2], есть труды по отдельным регионам[3]. Сложилась небольшая литература о дореволюционном кино и в нашем крае.

В 1959 г. в первой обобщающей истории Башкирии, в разделе про театр краткое упоминание (без сносок) вставил А.Г. Кудашев: «С театром конкурировали цирк и кинематографы. Впервые в Уфе кинофильмы демонстрировались в сентябре 1904 г., шли картины "Пожар в Чикаго", "Морской берег ночью", "Братец и сестрица" и "Золотая бабочка". К 1915 г. в Уфе было пять кинематографов»[4]. В дальнейшем профессиональное сообщество к этой теме интереса не проявляло, в новейших историях края о показе кино в дореволюционный период просто не упоминается. Лишь в краткой истории Уфы снова утверждалось, что «в 1904 г. в городе появился кинематограф»[5].

Интерес к истории местного кино в начале XX в. проявляли исключительно краеведы. Так, Н.Н. Барсовым в 1968 г. приведена без всяких доказательств другая дата появления в Уфе кино – 1901 г. Анализ его маленькой заметки показывает, что он был лишь знаком с уфимской прессой за 1907–1908 гг.[6]

---

[1] См.: *Садуль Ж.* Всеобщая история кино. М., 1958; *Соколов И.В.* История изобретения кинематографа / Под общ. ред. Б.Н. Коноплева. М., 1960; др.

[2] См., напр.: Летопись российского кино, 1863–1929 / отв. ред. А.С. Дерябин, сост. В.Е. Вишневский и др. М., 2004; *Зоркая Н.М.* История отечественного кино, XX век. М., 2014; История отечественного кино: хрестоматия / сост.: А.С. Трошин и др., отв. ред. А.С. Трошин. М., 2011; мн. др.

[3] *Светлаков Ю.Я.* Кинолетопись Кузбасса. Кемерово, 2004; *Цидина Т.Д.* Отечественный кинематограф. Начало пути (1908–1918 гг.). Челябинск, 2013; *Микитюк В.П., Яхно О.Н.* Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков: очерки городского быта. Екатеринбург, 2014; др.

[4] Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. Уфа, 1959. С. 462. Мимоходом упоминалось наличие кино в досоветский период в популярно-пропагандистской литературе. Например: «несколько кинотеатров появилось в Уфе незадолго до революции» (*Тахаев Х.Я., Пархоменко И.И.* Уфа столица Башкирской АССР. М., 1952. С. 48).

[5] История Уфы. Краткий очерк / отв. ред. Р.Г. Ганеев. Уфа, 1981. С. 203.

[6] *Барсов Н.* Первый кинотеатр // Два выходных (Уфа). 1968. № 21. Полный текст статьи: «Первый кинотеатр. Кино изобретено во Франции братьями

Затем Н.Н. Барсов повторил свои взгляды в небольшой газетной публикации[1], которую в сокращённом виде переиздали в 2014 г.: «В Уфе первый киносеанс заезжего демонстратора прошёл 29 сентября 1901 года. Были показаны фильмы "Пожар театра в Чикаго", "Морской берег ночью" и "Бой быков в Барселоне"»[2]. Здесь Барсов добавил сведения о лентах, которые, якобы, демонстрировались в том году.

Видимо, опираясь на авторитет Н.Н. Барсова, дату появления кино в 1901 г. приняли Ю.А. Узиков[3] и ряд уфимских краеведов[4]. В 2001 г. в журнале «Бельские просторы» за псевдони-

---

Люмьер в 1895 г. Тогда же в Париже открылся первый кинотеатр, однако массовое распространение киностационаров по главным странам Америки и Европы, а также частично в России относится к 1904–1906 г.г. С самого своего возникновения кино поразило зрителей и оказалось коммерчески необычайно выгодным. Поэтому ещё до строительства кинотеатров все сколько-нибудь крупные города мира захлестнуло нашествие предприимчивых гастролёров, владевших кинопроекторами: "демонстраторов". Работали они преимущественно в пустующих складах, магазинах и т. п. помещениях. Сеансы были кратковременны. Никто не рассматривал эти технические аттракционы как театры.

Появление гастролёров-кинодемонстраторов в Уфе относится к первым годам XX века. Первая демонстрация кинофильма произошла в Уфе в 1901 г. В 1907 г., например, в нашем городе одновременно работало до полдюжины таких аттракционов. Слова "кинематограф" тогда ещё не было, и назывались эти предприятия владельцами по-разному. Так, "демонстратор Лукьянов", гастролировавший в Уфе в сентябре 1907 г., объявлял в местной газете об открытии им "Первого французского электробиографа или живой фотографии". Какой-то иностранец Парфияно открывал в Уфе "Анимотограф" (приблизительное русское значение: одушевлённое изображение) и т.д. Реклама этих предпринимателей была криклива: Лукьянов, например, обещал показать фильмы с названиями "Сила гипноза или загипнотизированный пристав" и "Тёща XX века".

Продолжительность работы этих киноаттракционов часто измерялась неделями, но они пользовались успехом. Поэтому вскоре стали создавать постоянные кинотеатры. В Уфе первым появился "Фурор", известный сейчас уфимцам как кинотеатр им. Салавата. Судя по газетным объявлениям, он возник в 1908 г. Демонстрация фильмов проводилась в "Фуроре" частями с антрактом в 3–5 минут. Фильмы, конечно, были немые и сопровождались аккомпанементом пианиста, а иногда и скрипача. Потом в Уфе открылось ещё несколько кинотеатров. Н. Барсов». Эта маленькая заметка была первой попыткой вкратце показать историю местного кино.

[1] *Барсов Н.* Из истории уфимского кино // Вечерняя Уфа. 1979. 9 октября.

[2] *Барсов Николай.* Краеведческий калейдоскоп // Уфа: страницы истории. Книга вторая / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2014. С. 74.

[3] «В Уфе первый киносеанс прошёл 28 сентября 1901 г.» (*Узиков Ю.А.* Исторические памятники Уфы. Уфа, 1999. С. 246).

[4] *Буравцов Владимир.* «Фурорь» на Бекетовской // Уфа: страницы истории / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2006. С. 193 («В Уфе, как считал Ю. Узиков, первый киносеанс прошёл 29 сентября 1901 года»); *Он же.* «Фурор» на Бекетов-

мом Руфин Бояршинов был размещён обширный материал «Кино в Башкортостане – 100 лет», где привели фантастические сведения, что «28 сентября 1901 жители Башкирии впервые увидели кино. 12 сентября 1904 года открылся первый в городе Уфе кинотеатр – "Фурор" (позднее "Салават")»[1].

Датировку начала кинематографа с 1901 или 1904 гг.[2] оспорил Р. Янгиров. В статье к дню кино ещё в 1988 г. отмечая: «до сих пор считалось, что кино появилось в нашем крае в 1904 году», автор привёл сведения о рекламе киноаппаратов в 1897 г. в местной прессе, показе кино в Уфе в мае 1902 г.[3]

Затем в единственной специальной работе Янгировых по истории местного кино эти сведения были повторены[4]. В книге выделена глава «Кинематографическая Уфа в начале XX века», собраны сведения о фильмах про Урал и башкир. Основной объём посвящён советской эпохе. К сожалению, авторы не привели научно-справочный аппарат, упомянув ряд газет и журналов.

Наконец, в 2014 г. выходит моя статья, где приводятся точные сведения (с указанием источников) о появлении кинематографа в Уфе в марте 1902 г. и первом фильме, снятом в Уфе в июне 1905 г. французом Д. Нойэ[5].

Тем не менее, в популярных публикациях и музейных экспозициях, связанных с годом кино (2016), тиражировались бездоказательные утверждения из старых работ. Особую роль играет интернет. На всевозможных сайтах[6], в социальных сетях лю-

---

ской // Уфа: страницы истории. Книга первая. Изд. испр. и доп. / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2015. С. 245. Мелькали и диковинные даты, что будто бы «12 сент. 1904 года уфимцы впервые познакомились с синематографом братьев Люмьер» (*Манкевич О.* Всё началось с «пожара» // Вечерняя Уфа. 1987. 24 ноября).

[1] Бельские просторы (Уфа). 2001. № 9. С. 107.

[2] См., напр., хронологический перечень важнейших исторических дат Уфы, 1904 г. – «В городе появился кинематограф» (Уфа: страницы истории / Сост. М.В. Агеева. С. 358). А на странице 193-й этого же сборника утверждалось, что кино появилось в 1901 г. (см. выше).

[3] *Янгиров Р.* Два билета на дневной сеанс ... 1908 года // Советская Башкирия (Уфа). 1988. 27 августа.

[4] *Янгиров Радмир, Янгиров Рашит.* Кино в Башкортостане. Уфа, 2001. С. 7.

[5] См.: *Роднов Михаил.* Шаги прогресса. Уфа на рубеже XIX–XX веков // Бельские просторы. 2014. № 7. В 2015–2016 гг. мною были размещёны более подробные материалы по истории кино на сайте «Уфимский журнал».

[6] Фантасмагорические сведения размещены в разделе «История кинопроката» на сайте киностудии «Башкорстостан»: «Первый платный киносеанс в Уфе состоялся 29 сентября 1901 года. Были показаны "Бой быков в Барселоне", "Морской берег ночью" и "Пожар в Чикаго". Как правило, киносеансы проходили на Базарной площади и в зале Дворянского собрания. Первый кинотеатр в Уфе был открыт в 1908 году. Сначала он назывался "Фу-

бители истории размещают доступные им, но устаревшие и неверные сведения. Материалы не обновляются, а пользователи наталкиваются в первую очередь на них.

Бытование разных датировок появления кино в Уфе (сентябрь 1901 г., сентябрь 1904 г., май 1902 г.) требует подробного изучения начального периода кинематографа в нашем крае.

Его появление не было внезапным. С середины XIX в. прочно утвердилась фотография, ставшая обыденной и не дорогой частью культуры[1]. Затем изобрели диапроектор – волшебный фонарь, так именовали его в России. Принцип действия схож с кино – в луче света показываются картины, только неподвижные. В Уфе к концу XIX в. диапроектор уже был привычным[2] и в рекламе за 1895 г. встречаем: «Для подарков к празднику: за ненадобностью продаётся волшебный фонарь, совсем не держанный, с принадлежащими к нему коллекциями картин разных сюжетов и величин, также коллекциями хромотропов[3] и движущихся картин. Круг на стене полтора аршина в диаметре [около 107 см]. О цене узнать в доме А.А. Пекера, на Почтовой улице против церкви Св. Николая, в собственном доме»[4].

В учебных заведениях и семьях интеллигенции волшебные фонари стали обычным явлением, имелся большой набор видов, а также движущихся картин, быстрое прокручивание кадров создавало эффект движения. Бытовали стереоскопы (оптический бинокулярный прибор для просмотра «объёмных» фотографий), они за 4 руб. продавались в магазине Н.К. Блохина в 1902 г., в комплект входило 46 картин[5]. Оставался один шаг до кино.

Узнали уфимцы про изобретение братьев Люмьер буквально сразу и кино у нас могло бы появиться уже в конце XIX в.[6] В 1897 г. на страницах уфимского «листка», который издавал купец Н.К. Блохин, встречаем необыкновенную рекламу.

Предприниматель (Ф. Иохим и К°) разместил объявление:

---

pop", через некоторое время был переименован в "Салават"» (http: // башфильм.рф/page5.html; последнее посещение 8 января 2017 г.).

[1] *Буравцов В.Н.* Начало фотографии в Уфе // Река времени. 2011. Уфа, 2011; публикации А.Л. Чечухи и др.

[2] Так называемые туманные картины или волшебный фонарь широко использовались в образовательных учреждениях, например, во время торжеств по случаю столетия со дня кончины А.В. Суворова в 1900 г. в Уфе и Благовещенском заводе (Уфимские губернские ведомости. 1900. 14 мая).

[3] Хроматроп – прибор для показывания на белой стене переливов, изменений цветов.

[4] Уфимский листок объявлений и извещений. 1895. 23 января.

[5] Там же. 1902. 25 марта.

[6] В Екатеринбурге синематограф демонстрировали уже в 1898 г. (Рудокоп (Екатеринбург). 1898. 22 апреля).

«Большой склад и выбор аппаратов для демонстрации ЖИВОЙ ФОТОГРАФИИ, только что поступили в продажу и имеются на складе НАСТОЯЩИЕ СИНЕМАТОГРАФЫ Люмьера. Все имеющиеся на складе аппараты могут быть показаны в действии. – Склад настоящих фонографов Эдиссона и Американских графофонов. Большой выбор напетых и оркестровых валиков: Самые большие во всей России склады фотограф. принадл.» Всё это изобилие продавалось в Москве (Театральный проезд, дом Хлудовых) и Санкт-Петербурге (Невский, 3)[1].

Уфимские предприниматели могли приобрести новинку и открыть первое кино. Но никто не заинтересовался необычной рекламой. Только из журналов и газет жители узнавали о победном шествии синематографа по планете, из поездок в столицы привозили рассказы о мчавшемся на полотняном экране поезде.

По городам Империи начали разъезжать многочисленные предприниматели с киноаппаратами и нехитрым набором фильмов, арендовали помещения, куда валом валил народ, жаждавший посмотреть чудо из чудес – «живую фотографию».

Кто же из них первым приехал в Уфу и когда? Версия Н.Н. Барсова и других о появлении кино в 1901 г. ничем не подтверждается. Основным источником является пресса, которая никак не могла пропустить появление столь удивительной новинки. Мною проведён сплошной просмотр трёх местных газет.

В «Уфимских губернских ведомостях» в номерах за конец сентября и начало октября 1901 г. – ни звука о кино. Во втором уфимском печатном органе, блохинском «листке объявлений и извещений» в эти же месяцы 1901 г. тоже ничего нет про кино. Существовал ещё один источник, выходившая в соседнем регионе «Самарская газета». Её издавал брат уфимского купца Костерина, наши корреспонденты непрерывно отправляли в Самару заметки, причём весьма критического характера. Самарской цензуре было наплевать на разоблачение язв уфимского быта и невозможные в Уфе материалы там спокойно печатались. Я просмотрел всю подшивку «Самарской газеты» за 1901 г. Никаких упоминаний про кино в Уфе, хотя корреспонденции из нашего града публиковались непрерывно. Например, 5 октября сообщалось, что «на Пушкинской улице строится у нас трёхэтажный каменный домина некиим Нагарёвым».

Таким образом, можно точно утверждать, что в 1901 г. никакого кино в Уфе ещё не было. А вот в 1904 г. (вторая версия) уфимцы лицезрели движущиеся картинки с голубого экрана.

Пресса сообщала в 1904 г.: «В зале дворянского дома, в

[1] Уфимский листок объявлений и извещений. 1897. 23 июня.

среду, 29 сентября, в субботу 2 и в воскресенье, 3 октября, в 8 ½ ч. вечера состоятся три сеанса известного американского биоскопа Кржеминского. Биоскоп, или кинематограф, как известно, представляет собою живую фотографию. О впечатлении, какое произведут сеансы г. Кржеминского, мы постараемся своевременно поделиться с читателями»[1]. Из заметки видно, что в дворянском собрании на ул. Центральной (Ленина) крутили кино. Газетчики подробно рассказали о впечатлениях.

«29 сентября, вечером, в зале дворянского дома состоялся первый сеанс американского биоскопа Кржеминского, посетившего Уфу с целью дать три сеанса. Некоторые картины биоскопа весьма удачны; в особенности обратили внимание публики "пожар театра в Чикаго", "морской берег ночью", "братец и сестрица" и "золотая бабочка"; к сожалению мешало несколько иллюзии световое мерцание, лишавшее возможности видеть картины более отчётливо. Зрительная зала была переполнена публикой, раскупившей все билеты задолго до начала сеанса. Следующий сеанс, как мы слышали, назначен на 2 октября, причём на этом сеансе, между прочим, будут показаны весьма эффектные картины: "Бой быков в Барселоне" (в 4 кар.) и с театра войны, – "Бомбардирование Порт-Артура"»[2].

Автор заметки подписался – Н. Ч-чъ. В массовом обиходе ещё не утвердилось общепринятое название нового чуда, конкурировали кинематограф и синема, а также биоскоп. И, обратим внимание, в статье сказано о первом сеансе биоскопа Кржеминского. Данную фразу поняли, как первое появление кино в Уфе, хотя речь идёт только о г-не Кржеминском.

Затем некий N публикует первую в истории нашего региона кинорецензию: «3-го октября, в гор. Уфе, в зале дворянского дома, состоялся третий сеанс г. Кржеминского, демонстрирующего американский биоскоп, или кинематограф.

За исключением очень немногих нумеров, картины биоскопа действительно [п]одобраны весьма удачно и представляются положительно занимательными.

Пред зрителем проходит ряд сцен из жизни народов различных концов земного шара.

Из центра европейской жизни вы переноситесь на границы далёкой Азии, куда прикованы теперь глаза всего мира и где совершаются настоящие грандиозные события, которые поглощают все наши думы и мечты. Вы, так наглядно, переживаете первобытную картину встречи и знакомства европейцев с ди-

---

[1] Уфимские губ. ведомости. 1904. 30 сентября.
[2] Там же. 1 октября.

кими индейскими племенами Америки. Пред вашими глазами проходят, как-бы совершенно на яву, сцены из бывшей когда-то, мрачной инквизиции. Вы, наглядно, знакомитесь с бытом и нравами жителей далёкой от нас Австралии, или Америки. Пред вашим взором совершаются сцены и эволюции, свидетельствующие о том, до чего может доходить совершенствование человека в области умственной или физической его жизни.

Некоторые картины, как например "игрок" в нескольких сценах, должны носить и воспитательный характер, хотя в данном случае картину эту следовало-бы демонстрировать лишь пред взрослыми лицами. Детским, неокрепшим умам не следует посвящать такие мрачные страницы из жизни взрослого человека, с кровавыми, притом, зрелищами, как казнь на гильотине.

Полными захватывающего интереса представляются картины, как-то "пожар и спасение", где вы знакомитесь со всеми последними усовершенствованиями этого, имеющего столь важное значение для нас, дела спасения и помощи ближнего, дающими возможность проявлять спасение в самую критическую минуту.

Иллюзия ваша переносится, наконец, к путешествию, по зубчатой железной дороге, на вершины Альпов. Здесь вы испытываете все впечатления столь замечательного путешествия, начиная от действительного движения по дороге, встречи с идущими на вас и спускающимися вниз поездами, и кончая сменой грандиозных ланшавтов альпийской природы. Вообще, от сеансов г. Кржеминского, с так удачно подобранными картинками, получается, в один вечер, очень много разнородных и полезных впечатлений.

Немудрено, что места и вход на эти сеансы раскупаются публикою, чуть не с боя»[1].

Уфимцы были в восторге, в один вечер они увидели трагедию русско-японской войны, дикие племена Америки и Австралии, природу Альпийских гор и многое другое. Сила воздействия на зрителей была такова, что рецензент сразу обратил внимание на присутствие детей.

В заметке Н.Н. Барсова говорится о, якобы, первом кино в Уфе 29 сентября 1901 г., когда были показаны фильмы «Пожар театра в Чикаго», «Морской берег ночью», «Бой быков в Барселоне». Из приведённого выше оригинального текста видно, что именно эти фильмы демонстрировались в Уфе с 29 сентября, но не в 1901-м, а в 1904 г. Барсов ошибся, или у него была старая выписка, где похожие цифры перепутались.

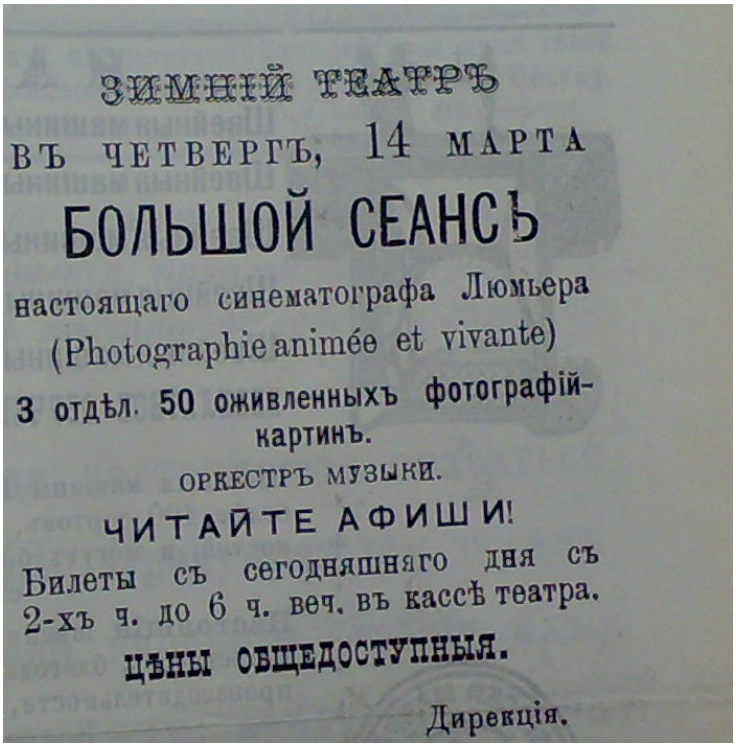
---

[1] Там же. 5 октября.

Итак, в 1901 г. никакого кино в Уфе ещё не было, в 1904 г. демонстрировали фильмы, но журналисты не утверждали, что это был первый показ в нашем городе. Не могли они пропустить приход чудесной «синемы». И, действительно, не пропустили. Обе газеты дружно сообщили читателям об этом. Но в 1902 г.

Именно в 1902 г. в Уфе появилось кино! Янгировы в своей книге верно указали год, хотя ошиблись парой месяцев.

В номере 57 за 12 марта 1902 г. (вторник) на третьей странице «Уфимских губернских ведомостей» жители города прочитали: «Зимний театр в четверг, 14 марта БОЛЬШОЙ СЕАНС настоящего синематографа Люмьера (Photographie animée et vivante) 3 отдел. 50 оживлённых фотографий-картин. Оркестр музыки. Читайте АФИШИ! Билеты с сегодняшнего дня с 2-х ч. до 6 ч. веч. в кассе театра. Цены общедоступные. Дирекция».


ЗИМНІЙ ТЕАТРЪ
ВЪ ЧЕТВЕРГЪ, 14 МАРТА
БОЛЬШОЙ СЕАНСЪ
настоящаго синематографа Люмьера
(Photographie animée et vivante)
3 отдѣл. 50 оживленныхъ фотографій-картинъ.
ОРКЕСТРЪ МУЗЫКИ.
ЧИТАЙТЕ АФИШИ!
Билеты съ сегодняшняго дня съ 2-хъ ч. до 6 ч. веч. въ кассѣ театра.
ЦѢНЫ ОБЩЕДОСТУПНЫЯ.
Дирекція.

Через пять дней «ведомости» печатают второе объявление: «Сегодня в воскресенье 17 марта в Зимнем театре[1] второй и по-

[1] Небольшой Зимний театр в конце 1900 г. перешёл во владение Общества

следний сеанс синематографа Люмьера. 3 больших отделения. Разнообразная, интересная программа. Начало в 8 ½ ч. вечера. Подробности в афишах. Билеты в кассе с 12 ч. дня»[1].

Первая демонстрация кино в Уфе прошла в маленьком Зимнем театре, который находился в квартальчике между улицами Садовой (А. Матросова), Телеграфной (Цюрупа), Воскресенской (Тукаева) и Ильинской (Валиди). Сейчас здесь располагается Социнвестбанк, а на Тукаева (Воскресенскую) выходит административное здание (А. Матросова, 2). Скорее всего, корпус театра находился по совр. адресу ул. А. Матросова, 2.

Итак, 14 и 17 марта 1902 г. в Уфе впервые увидели кино. Не прошло и двух месяцев, как «листок» на первой странице разместил рекламу с изображением даже человека. Большими буквами сообщалось: «ИНТЕРЕСНО! НОВО и Оригинально! в 1-й раз в г. Уфе последняя сенсационная новость с выставки в Чикаго, электро-механический театр ежедневно с Воскресенья, 12-го мая 1902 г. на Базарной площади. Театр остановился на короткое время. Дирекция К. Шапошникова»[2]. Скрывалось под понятием «электро-механический театр», наверняка, кино.

В майские дни 1902 г. на Верхне-Торговой площади, в павильоне Шапошникова снова показывали синематограф. Можно предположить, в марте 1902 г. «листок» Блохина пропустил появление новинки, а в мае решил перехватить инициативу. Зато казённые «ведомости» ничего не напечатали. Вероятно потому, что кино крутили в частном шапито, в марте сеансы проходили в официальном театре при Обществе физических упражнений. Таким образом, в 1902 г. в Уфу в марте и мае привозили кино.

В 1903 г. кино появилось в Уфе в декабре. Пресса информировала: «В воскресенье, 7 сего декабря, в народной аудитории на верхней торговой площади дано будет феерическое представление (живые движущиеся картины) при посредстве новейшего американского аппарата "Аниматографа". Сеанс будет состоять из 3-х отделений. Начало в 8 ½ часов вечера»[3].

Через две недели «ведомости» уже рекламировали «синематограф», видимо, приехал другой предприниматель. «В пятницу, 26 декабря, в театре общества физических упражнений даётся сеанс, из 3-х отделений, посредством синематографа Люмьера. Пойдёт: "Фантастическое путешествие на Луну", "Торжественное восшествие на папский престол папы Пия X", "Страшное желез-

---

физических упражнений, которое провело там ремонт (см.: Уфимские губернские ведомости. 1900. № 217).

[1] Уфимские губернские ведомости. 1902. 17 марта.

[2] Уфимский листок объявлений и извещений. 1902. 13 мая (то же: 20 мая).

[3] Уфимские ведомости. 1903. 6 декабря.

но-дорожное крушение в Америке" и проч.»[1]

В 1904 г., как говорилось выше, кино в Уфе крутили, а в 1905 г. произошло выдающееся событие! Летом в Уфу опять прибыл синематограф, на этот раз под управлением французского инженера Д. Нойэ. Далее текст заметки «Синематограф Люмьера в Уфе» полностью.

«В четверг, 16 сего июня, в летнем театре Видинеевых демонстрировал пред уфимской публикой прибывший в Уфу на несколько сеансов синематограф Люмьера, под управлением французского инженера Д. Нойэ.

Из пятидесяти разнообразных нумеров, предложенных вниманию публики, особенные её симпатии заслужили следующие картины: "Охота на жениха", "Царь гримма", "Парижские хулиганы", "Ужасные гримасы", "Охота удава за мелкими зверками на остр. Борнео", "Драма в облаках" (из 7-ми картин), "Пожарные в Нью-йрке".

Эти остроумные и в высокой степени художественные нумера прошли при напряжённом внимании публики и вызвали самые оживлённые аплодисменты.

В конце сеанса была поставлена "Уфимская пожарная команда", (снятая в Уфе 15 июня).

Энтузиазм был полный… Знакомые уфимцам лица состава пожарной команды и администрации, мелькавшие на экране, знакомая местность, быстро несущиеся экипажи, верховые, – вся эта интересная иллюзия приводила публику в необычайный восторг…

Картина, по требованию публики, была повторена.

Вчера, кажется, был последний сеанс синематографа. А жаль. Уфимская публика с удовольствием его посещала»[2].

Благодаря оперативности журналистов мы знаем, что, наверняка, возле «пожарки» на улице Большой Казанской (совр. Окт. революции) близ перекрёстка с ул. Телеграфной (Цюрупы) 15 июня 1905 г. был снят первый уфимский фильм под названием «Уфимская пожарная команда». А демонстрация первого документального кинофильма прошла в театре Видинеевых 16 июня 1905 г., что находился в современном саду Аксакова.

Загадочна судьба первого фильма, снятого в Уфе и об Уфе. Или, покидая наш город, француз Д. Нойэ оставил этот фильм здесь, или его снова привозили гастролировавшие предприниматели. В начале декабря 1905 г. ленту опять показывали.

Пресса (журналист «Р.») сообщала: «Сеанс Кинематографа 8

---

[1] Там же. 20 декабря.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1905. 18 июня.

декабря в зале Соединённого собрания прошёл оживлённо, т. к. Уфимская публика вообще любит эти сеансы. Вместе с некоторыми знакомыми уже картинами, было демонстрировано много новых, довольно интересных – напр. Сон о луне и пр. Старые же, каковы – Бой быков[1], метаморфоза бабочек, драма в облаках и выезд Уфимской пожарной команды, снятый летом, смотрелись тоже с удовольствием. Следующий сеанс назначен в субботу, 10 числа, в зале гостинницы г. Кляузникова. Как нам сообщили, между картинами есть снятые из уличной жизни Сибирских городов, как напр. Томска»[2].

По регионам разъезжали владельцы киноаппаратов с нехитрым набором лент, которые были знакомы зрителям, для большего разнообразия снимались виды провинциальных городов. Дальнейшая судьба первого уфимского фильма не известна.

Вообще кино становится обыденностью[3], газетчик «Р.» (он специализировался на статьях о цирке и прочих зрелищах) оценивает новые и старые фильмы, пресса уже не сообщает о каждом появлении синематографа, в разделе о культурной жизни Уфы кино всё ещё уступает театру и музыкальным постановкам. Так, «ведомости» соизволили проинформировать, что «сегодня, 29-го декабря, в зале дворянского дома, состоится последнее представление синематографа – большой интересный сеанс, состоящий из трёх отделений. Между прочим, будет исполнено: "Сон о луне". Начало в 8 ½ час. вечера»[4].

Кино в Уфе крутили неизвестно сколько времени, а пресса сообщила только о последнем сеансе и снова в репертуаре стояли старые ленты, которые показывали 10 декабря. Последняя в 1905 г. маленькая заметочка добавляла, что «сеанс кинематографа в зале общественного собрания прошёл оживлённо и интересно. Дети были очень довольны и выражали свой восторг громкими аплодисментами»[5].

---

[1] Имелся в виду фильм «Грандиозный бой быков в Барселоне в честь короля Альфонса XIII» (Там же. 8 декабря).

[2] Там же. 10 декабря.

[3] Кино показывали в Уфе также в октябре 1905 г. «Сеанс. Сегодня, 14-го октября, в 8 ч. вечера, в зале дворянского дома, имеет быть электрбиоскопический сеанс г. Дервинга. Программа состоит из следующих изображений: "Любовь и месть", драма из итальянской жизни, в 10 картинах; "Иосиф Прекрасный", историко-библейское предание, в 5 картинах: 1) продажа Иосифа своими братьями, 2) неволя, 3) искушение Иосифа женой Пентефрия, 4) толкование снов и 5) торжество Иосифа; "Драма в воздушном пространстве; 10 невест на одного жениха" и "Русско-Японская война". Играет оркестр военной музыки» (Там же. 14 октября; и в следующих №№).

[4] Там же. 29 декабря.

[5] Там же. 30 декабря.

В революционном 1905 г. принципиальных перемен в уфимском кинематографе не случилось, лишь труппы «киношников» чаще стали заезжать в наш город. По прежнему это были временные, краткосрочные гастроли с нехитрым ассортиментом фильмов. Качественный сдвиг случится в 1906 г.

Зимой 1905–1906 гг. в Уфе господствовал цирк братьев Никитиных, не скупившийся на дорогую каждодневную рекламу на первых страницах «ведомостей». И лишь в январе 1906 г., опять на несколько сеансов в Уфу привезли биоскоп[1]. Прошло всего два показа 3 и 6 января. Зрелище оставалось диковинным и корреспонденты подробно о нём поведали.

Первое представление (в трёх отделениях) состоялось вечером 3 января 1906 г. в помещении «вспоможенки» «при значительном числе публики». Газетчик добавлял, что «большая часть показывавшихся самодвижущихся картин как по сюжету, так и художественному исполнению, можно сказать, выполнены безукоризненно и вызвали среди публики восторженные и долгонесмолкаемые аплодисменты; другие-же, доставив удовольствие детям, заставили их смеяться от души и в общем составили хорошее впечатление. Наиболее интересными нужно отметить: "Камо Грядеши"; жертва испанской инквизиции; "Император Нерон воспевает пожар Рима", "Залушка" феерия в 28 отделениях; "Воздушная драма в облаках", в 15 отд.; "Роман Маргариты", драма в 20 отд. и "Заколдованная гостиница". Всего было показано – 150 картин. Во втором отделении была поставлена известным артистом П.М. Мисюриным иллюзионная сцена: "Тайна грота", в костюме египетских браминов XVIII столетия – артистически исполненная. Эта сцена, составлявшая в прежние века тайну учёных людей именовавших себя магами, в сущности основана на известных законах природы»[2].

Кино показывалось как часть культурной программы, включавшей исполнение сценического номера. Второе и «прощальное» представление американского биоскопа прошло в зале «вспоможенки» 6 января 1906 г. В трёх больших отделениях демонстрировалась новая программа, включая, «в первый раз в гор. Уфе, только для взрослых пикантные картины Парижского жанра; новость – Ад по изображению для всего народа. Война и мир в 15 отдел. Путешествие по Индии. Любовь старичка 10 от-

---

[1] Объявление: «Сегодня, 3-го января, в помещении Уфимского общества взаимного вспоможения частному служебному труду (Бекетовская ул., собств. дом) состоится большое демонстрирование известного американского биоскопа. Представление будет состоять из 150 разнообразных картин. Начало в 8 ½ часов» (Там же. 1906. 3 января).

[2] Там же. 5 января.

дел. Невольницы. Сила женского сердца, и много других. Кроме биоскопа, на сцене представлено будет известным артистом П.М. Мисюриным Тайны грота, – а также художественные картины известного физика К.К. Краузе, после представления – танцы. Подробности в программах. Цена местам от 30 коп. до 1 р. 60 к. На этот вечер дети не допускаются»[1].

Следующие полгода уфимцы ностальгически вспоминали обольстительные парижские сюжеты, хотя весной 1906 г. встречаем необычное объявление. 12 марта «на сцене Уфимского общества вспоможения частному труду, Е.В. Викторовым-Варламовым дан будет, при участии демонстратора кинематографа В.О. Вирша, художественно-музыкальный вечер. По окончании – танцы. Начало в 8 часов вечера»[2].

К моменту появления синематографа в Уфе работали свои фотографы, среди них Валентин и Пётр Вирпш, которых обокрали осенью 1906 г.[3] Затем фотография Бр. Вирпша была переведена на угол улиц Успенской и Гоголевской, заведение отличалось новейшими усовершенствованиями[4].

Вполне вероятно и даже естественно, уфимские фотографы первыми заинтересовались новинкой под названием «синема», могли выписать небольшой киноаппарат. По крайней мере, в 1910 г. проектор Пате № 2 с автоматическим наматывателем, катушкой, трансмиссией и объективом стоил 190 руб. (без пересылки)[5]. Известно о более поздних киносъёмках в Уфе, которые выполняли местные фотографы[6]. Вероятно, весной 1906 г. концерт в зале «вспоможенки» сопровождался показом каких-то кинолент. Возможно, о нашем городе.

А летом 1906 г. в Уфе открылся первый стационарный кинотеатр. Колоссальный зрительский успех нового зрелища, наверняка, серьёзные доходы от него, пример Запада и обеих российских столиц, где уже функционировали постоянные синематографы неизбежно приводили предпринимателей к необходимости открытия кинотеатра и в Уфе.

Кино – как большой бизнес – быстро было воспринято. Ещё в 1905 г. рекламный «листок» Блохина извещал: «Кинематограф даёт капитал. Полное устройство настоящего аппарата Люмьера для больших представлений 350 р. Продажа только у Р. Якоб.

---

[1] Там же. 6 января (и реклама). См. также: Уфимский вестник. 1906. 6 января (в рекламе назван В.О. Краузе).
[2] Уфимские губернские ведомости. 1906. 12 марта.
[3] Там же. 3 сентября.
[4] Уфимский вестник. 1906. 5 октября.
[5] Кине-журнал (М.). 1910. № 13. 23 июля. Рекламные объявления.
[6] См.: *Роднов Михаил.* Шаги прогресса.

Москва, угол Никитской и Газетного пер. д. Штурм»[1].

Для возникновения постоянных кинотеатров требовалась развитая инфраструктура: наличие и быстрое поступление новых фильмов, качественное оборудование. Предприниматели от киноиндустрии должны были собрать стартовый капитал для серьёзных инвестиций, хорошо знать местный рынок. Таковым и стал Кржеминский, уже гастролировавший в Уфе в 1904 г.

На Верхне-Торговой площади от цирка братьев Никитиных остался каркас манежа. Где ныне стоит театр оперы и балета, Кржеминский решил устроить стационарный кинотеатр, но только на тёплое время года. Отопление в суровую уфимскую зиму требовало таких затрат, что никакая выручка не окупит.

К делу подошли с размахом. Городские власти проверили состояние постройки и выдали разрешение на открытие первого уфимского кинотеатра. Назвали его «Одеон».

26-го июля 1906 г. первое рекламное извещение зазывало почтенную публику. «Электрический театр "Одеон", построенный на Верхней торговой площади, начнёт функционировать со среды или четверга, после осмотра его особой технико-строительной коммиссией. Театр имеет очень много новинок, а также собственную электрическую станцию»[2].

Когда состоялось первое представление не ясно, первая реклама уже действовавшего «Одеона» была напечатана в субботнем номере «Уфимского края» за 29 июля. Город был обклеен афишами, выпускались программки. Объявление торжественно извещало, что кино показывают «в специально построенном здании по Центральной улице, против Дворянского Собрания», начало в 8,5 часов вечера, четыре отделения.

Обращают внимание рекламные акции «Одеона»[3]. Уже со второго газетного номера (за 30 июля) стал меняться текст объявлений. Появился детский сеанс: «в 5 час. дня будет дано представление для детей по уменьшенным ценам (места от 20 коп. до 1 р., дети до 10 лет учащиеся, в формах – половину)»[4]. Кржеминский не скупился, впервые уфимцы увидели столь мощную рекламную кампанию, постоянно менялся текст, почти непрерывно сопровождаемый рисунками.

Появление первого в Уфе постоянного кинотеатра не могло

---

[1] Уфимский листок объявлений и извещений. 1905. 2 мая.

[2] Уфимский край. 1906. 26 июля.

[3] С 1 августа реклама театра «Одеон» стала публиковаться и во второй уфимской (либеральной) газете «Уфимский вестник», но более сжатая, скромная, без изображений и подробного рассказа о репертуаре. Последняя реклама «Одеона» появилась в номере «вестника» за 1 октября 1906 г.

[4] Уфимский край. 1906. 1 августа.

пройти незамеченным, выходит большая статья журналиста N «Театр "Одеон-биоскоп".

Открытый для демонстраций кинематографа театр, представляет из себя здание, выстроенное из разломанного цирка. Снаружи устроена декорация входа, красиво освещаемая по вечерам, с электрической надписью "Odeon-bioscop" на фасаде. Тут же помещение для локомобиля собственной электрической станции, так как повидимому, осторожные люди, раз познакомившиеся с шалостями Уфимского электричества, уже не желают рисковать пользоваться его услугами. Около камеры биоскопа – устроена "галёрка", а затем скамьи, стулья и ложи партера до сцены, перед которой место для оркестра пожарной дружины. Если упомянуть о пёстрой, ковровой занавеси и о красивой электрической люстре, – то описание театра будет закончено.

Представления, судя по виденному, обещают быть очень интересными. Картины прекрасные, отчётливы, мало дрожат и мерцают, так как подача ленты электрическая, а не ручная. Много значит и "собственный" сильный и ровный свет. Нельзя не отметить того, что в общем не важный оркестр замечательно ловко подгоняет такт к ритму движения на картине, это даёт иллюзию и обыкновенно не делается.

Из 26 сложных картин (всего 76) только шесть, и из них одна сложная (бой быков), оказались знакомыми; остальные – все новые, в высшей степени занимательные. Так – по комизму выделяются – "любопытная привратница (7)", "Семья велосипедистов (8)", Три фазы луны (3)" и "Я потерял пенснэ (8)". По силе драматической игры снятых лиц и по красоте обстановки можно отметить выдающимися – "Превратности судьбы (12)", "Ночь карнавала (6)", в которой замечательно красива картина ночи в парке, и "Угрызение совести (4)". Наконец чрезвычайно эффектна картина – "Месть бабочек", в красках.

Между картинами была показана новость – поднятие спящей женщины на значительную высоту без всяких видимых приспособлений, а также прелестные, калейдоскопические превращения костюма женской фигуры, стоящей за прозрачными картинами – виды Уфы, Венеции и пр.

Оба спектакля прошли при полном сборе. Так будет и дальше, потому что уфимская публика любит хорошие кинематографы, а настоящая дирекция г. Кржеминского известна Уфимцам по сеансам два года назад в дворянском доме, когда публика посещала их, что называется с бою»[1].

Журналист оставил исчерпывающий образ первого уфим-

[1] Там же. 30 июля.

ского кинотеатра. Отметим взыскательный взгляд автора, он смотрел много фильмов, иногда плохого качества. Среди лент была цветная про бабочек. И, наконец, показали «виды Уфы»!

Это свидетельство о втором фильме про Уфу. Не пожарная команда, как в 1905 г., а именно виды. Может сам Кржеминский и снял специально под открытие кинотеатра.

Впечатляют инвестиции кинопродюсера: отдельное здание, хорошая обстановка вплоть до партера с ложами, своё электричество и большая люстра, нанятый оркестр пожарной команды, современный проектор, большой выбор фильмов. В киноиндустрию, на смену разъезжающим мелким предпринимателям, пришёл достаточно солидный бизнес. А полные сборы свидетельствовали об успехе и хорошей выручке.

Ежедневная в течение почти двух месяцев реклама «Одеона» показывает, что Кржеминский, скорее всего, регулярно получал новые фильмы. В Империи уже сложился рынок кинофильмов и провинциальные демонстраторы могли оперативно обновлять репертуар. Особым успехом пользовалась «"Ада" загадка воздуха»[1], кинотрюк с висящей в воздухе женщиной.

Успех первого уфимского кинотеатра был таков[2], что началась спекуляция билетами. «За перепродажу билетов на сеансы синематографа при одеоне 11 сентября местными полицейскими чинами арестован молодой человек, назвавшийся Ефремовым, против которого будет возбуждено уголовное преследование в назидание прочим предприимчивым молодым людям»[3]. Видимо, он не один занимался перепродажей билетов, естественно, по завышенным ценам.

Откликаясь на успех, газетная редакция специально обращается к теме кино в серьёзной, научной заметке. «"Одеон", в древности, "Odeum", означало здание, предназначенное для состязания певцёв и музыкантов, подобное театрам, с куполообразным сводом. В настоящее время – здание для концертных собраний и известностию пользуется Парижский "Одеон".

Под таким названием в г. Уфе Г. Кржеминским демонстрируются "биоскоп", в буквальном переводе прибор для определения жизнедеятельности, "аттракция" или притяжение, основанное на силе магнетизма, развиваемого электрическим током и

---

[1] Там же. 3 августа.

[2] «В будни Уфимская публика очень усердно посещает театр "Одеон" – кинематограф, так что билетов не хватает» (Там же. 8 августа). В обычных театрах, писал журналист А.Т., «публики по обыкновению мало; больше молодёжь. Люди пожилые и солидные предпочитают Одеон» (Уфимский вестник. 1906. 29 сентября).

[3] Уфимский вестник. 1906. 13 сентября.

"трансформация" или превращение одной формы в другую.

Интересны некоторые картины биоскопа, как фантастические, так и оживотворяющие явления человеческой жизни, но в особенности останавливает внимание зрителя "аттракция" и "трансформация", исполняемые безукоризненно. Нам представляется только, что предшествующие "аттракции" гипнотические пассы со стороны Г. Кржеминского, являются лишними. Для людей просвещённых они не нужны совсем, а публику незнакомую с законами физики следовало бы не отуманивать, а напротив давать случай со сцены ознакомливаться с непостижимым для неё, отчего интерес у зрителей "Одеона" ни мало не утратится к нему, а между тем достигнется двойная польза: и заработок для предпринимателя и народное просвещение.

Мы рекомендуем всем воспользоваться случаем пребывания в Уфе Г. Кржеминского и побывать в его театре. Благодаря собственной динамо-машине, и очень сильной, все показываемые им NN удаются блистательно»[1].

В таких же восторженных тонах отметил театр «Одеон» и либеральный «Уфимский вестник». Посетивший представление газетчик свидетельствовал, что «поставленные 4 августа картины оказались очень интересными, как по своим сюжетам, так и по исполнению, только мельканье несколько утомляет глаза. Некоторые картины производили впечатление живых сцен, получалась полнейшая иллюзия. Много помогал в этом направлении оркестр: получалось впечатление, что разговор и другие звуки в действительности есть, но заглушаются музыкой; жаль только, что настоящий оркестр соответствует этой цели лишь по производимому им шуму. Особенно понравились по своей живости картины "Манёвры", "Пожар в Лондоне" и "Скачки с препятствиями"; оркестр исполнявший марш, здесь гораздо более соответствовал своему назначению, картины же были прямо превосходны. Интересна своим комизмом картина "Шутка школьников", возбудившая общий смех»[2].

При этом либеральная пресса в условиях первой русской революции подспудно видела в кино конкурента, отвлекающего массы от борьбы с самодержавием. Скрывшийся под псевдонимом «Соловей» журналист в аналитической рубрике «Воскресные беседы» жаловался на политическую незрелость, индифферентность горожан. «Общественные дела мало интересуют уфимцев. Совсем иначе они смотрят на игры, забавы и развлечения. Этого у нас хоть отбавляй. Театры летние, зимние, концертные залы,

---

[1] Уфимский край. 1906. 6 августа.

[2] Уфимский вестник. 1906. 6 августа.

одеоны, лотереи, клубы действуют очень успешно и исправно. [...] Охотно идём в "одеоны" и на лотереи»[1].

Предприниматель Кржеминский оплачивал подробную рекламу в «Уфимском крае», из которой виден репертуар «Одеона». Осень 1906 г. началась новой программой из 4-х отделений. «Между прочим будут показаны: Эсмеральда, историческая драма по роману Гюго. – Мальчик с пальчик, сказка Перрольта. – Живые цветы, Китайская легенда. – Из Ниццы в Монте-Карло, ж. д. панорама. Разбойник XX-го века. – Первый кутёж гимназиста и мн. др.» Днём в воскресенье 3 сентября это представление будет показано «по уменьшенным ценам»[2].

Примерно через каждые пять дней (недельный цикл) программа в «Одеоне» обновлялась, о чём заранее информировали уфимского зрителя, поддерживая постоянный интерес публики. Маловероятно, что в запасе Кржеминского имелось такое количество лент. Наверняка, в Уфу из Москвы на его имя регулярно приходили новые кинофильмы, российский рынок кинопроката работал уже в полную силу.

С 8 августа 1906 г. в «Одеоне» шли «Наполеон Бонапарте» и «Катастрофа в Сан-Франциско (снимки с натуры)», затем в августе выходят «Огненный танец и электрический калейдоскоп», «Воспоминание из Русско-Японской войны», др. Особенным успехом пользовалась висевшая в воздухе «Ада», фильм про которую специально повторяли по запросам публики.

Журналисты отмечали лучшие картины «Одеона», красивое «отделение "живой акварели", особенно в предыдущей перемене, когда вокруг женской фигуры менялись картины природы, цветов, насекомых в красивых радужных красках» (видимо, шли раскрашенные киноленты). Уфимский зритель уже разбирался в продукции киностудий. «Картины французских фабрик, особенно где "петух", – бывают лучше других»[3]. Петух – товарный знак фирмы Пате (Pathè).

Представления в «Одеоне», возможно, дополнялись сценическими номерами[4], но главным оставалась оперативная смена репертуара новейшими картинами выпуска 1906 г. С 5 сентября уфимцы лицезрели «Сон о луне, новейшая фантазия. – Ма-

---

[1] Там же. 10 сентября.

[2] Уфимский край. 1906. 1 сентября.

[3] Там же. 8 августа.

[4] «В театре "Одеон" появилась на прошлой неделе новинка – "электрический танец" – Mlle Лотти. Это – серпантин, с калейдоскопическими изменениями цвета костюма и электрическим огненным освещением снизу. Исполняется танец изящно и легко и представляет интересное и красивое зрелище» (Там же. 22 августа).

ленькие поджигатели. – Муж возвращается, больш. комич. картина. – Как спят в Париже. – Христофор Колумб, истор. драма. – История одной кражи. Али-Баба или 40 разбойников, сказка из 1001 ночи и много других». С 8 сентября шла «Прогулка по Лондонскому зверинцу», с 12-го – «Жизнь Моисея, сцены из Ветхого завета. – Индейцы и переселенцы. – Похищение на автомобиле. – Слоны работники, в Индии. – Чародей XX-го века». 16-го числа в Уфе впервые смотрели фильмы «Парижские апаши, сцены из парижских трущоб. – Посещение страусовой фермы. – Приключения Гулливера. – Детская война. – Обработка лесов в Канаде». Через три дня выходили «Похищение ребёнка цыганами. – Фея весны в красках. – Вор велосипедов».

Последняя неделя работы «Одеона» ознаменовалась картинами «Невозможное путешествие. – Самсон и Далила. – Ночь карнавала. – Семья велосипедистов. – Ужасный ребёнок. – Погубные последствия пьянства. – Приключения пожарного. – Первый кутёж гимназиста. – Женская эмансипация»[1].

В рекламе специально оговаривалось, что «закрытие театра "Одеон" последует безотлагательно в воскресенье, 1 октября». Видимо, публика обращалась с просьбами продлить представления, но наступающие холода делали бизнес убыточным. А прощальные юмористические сеансы предназначались только для взрослых[2]. Напоследок показали «клубничку».

Желание продлить «очарование» было настолько сильным, что Кржеминский не сдержал обещания и «электрический театр Одеон 2 октября дал свой последний прощальный вечер в пользу общест. вспоможения частному служебному труду.

Театр был полон; вся сумма, за исключением расходов, в количестве ста с лишним рублей поступила в кассу названного общества»[3].

Таким образом, примерно с 29 июля по 2 октября 1906 г. в Уфе действовал первый в истории стационарный кинотеатр «Одеон» Кржеминского в особом, специальном выстроенном для показа фильмов здании, со своим оборудованием и даже силовой установкой, с хорошей обстановкой, от галёрки до лож в партере и оркестра музыки и, самое главное, с обширным и непрерывно обновлявшимся репертуаром.

Последняя заметка позволяет оценить финансовый успех «Одеона». Если ежедневная чистая прибыль (за вычетом расходов) составляла около 100 руб., то примерно за 60 дней функ-

---

[1] Там же. 21 сентября.
[2] Там же. 29 сентября.
[3] Уфимский вестник. 1906. 4 октября.

ционирования «Одеона» Кржеминский заработал не менее 6 тыс. руб. Вполне достойный доход коммерческого предприятия.

Но в том же 1906 г. в Уфе недолго работал ещё один синематограф. Журналист отмечал, что «хроника увеселений минувшей недели очень богата: концерт, прощальные спектакли оперетки Горева, Малороссы, два кинематографа и спектакль в Обществе вспомоществования частному служебному труду – вот чем закончился летний сезон»[1].

Действительно, 27 августа 1906 г. в общественном собрании демонстратор Н. Кордье представил оптический спектакль из трёх отделений (Theatre Optique Parisien), картины «Современный разбой», «Ловля рыбы в открытом море», «Импровизированный костюм», «Большие скачки с препятствиями». На следующий день реклама извещала, что с 31 августа последний оптический спектакль Н. Кордье будет демонстрироваться в Дворянском доме (шесть картин)[2]. Два кинотеатра давали представления напротив друг друга и, естественно, конкуренции не выдержал слабый. С 1-го сентября Кордье исчезает, в Дворянском доме давал концерты слепой музыкант Крейнович.

Столкнулись два вида бизнеса, старый – временный разъездной кинематограф с нехитрым набором картин, кочующий из помещения в помещение, и новый – стационарный, обустроенный, удобный для зрителя кинотеатр с постоянно меняющимся обширным выбором фильмов. В 1906–1908 гг. наблюдались последние и всё более сокращавшиеся случаи временных гастролей синематографа в Уфе. На рынке безоговорочно воцарились постоянные кинотеатры.

В начале 1907 г. журналист подчеркнул, что «уфимцы большие любители кинематографа и цирка»[3]. И скоро реклама извещала: «В здании пассажа (Александровская ул.) электрический театр "иллюзион" / Представления начнутся с 21 января с. г. / подробности в афишах. С почтением Л. Агафонов и К°»[4].

В 1906 г. на улице Александровской (К. Маркса) открылся пассаж Елистратова, владелец которого сдавал помещения в аренду под торговые заведения. Здесь, в тёплом, отапливаемом здании и обосновался второй уфимский кинотеатр.

Пассаж (ныне известен как Александровский пассаж на углу ул. К. Маркса и Чернышевского) был одним из самых крупных многоэтажных зданий этой части города. Журналисты не случайно обратили внимание на новинку.

---

[1] Уфимский край. 1906. 2 сентября.
[2] Уфимский вестник. 1906. 27, 29, 31 августа.
[3] Уфимский край. 1907. 6 января.
[4] Там же. 18 января.

«На Александровской улице против 2-й полицейской части и электрической станции выстроено на-днях и открывается новое здание – пассаж Елистратова. Как громко для Уфы! Снаружи пассаж не казист. Он не производит того подавляющего своей громадой и роскошью впечатления, какое обыкновенно принято считать за подобными зданиями. Скорее он, сжатый с обеих сторон соседними домами, представляет вид как-будто чего-то недоконченного. Но наружность иногда обманчива бывает. Войдя с улицы в корридор мы видим на-право и на-лево помещения для магазинов: по пяти с обеих сторон внизу, один в средине и пять таких-же помещений вверху с правой стороны. Посредине корридора винтовая железная лестница на-верх. Там порядочная площадка, где, кажется, будет играть оркестр музыки. Вообще внутренний вид здания производит гораздо лучшее и приятное впечатление, чем наружный»[1].

Судя по рекламе, купцы не спешили арендовать в пассаже помещения под магазины. Основная торговля по-прежнему производилась на Верхне-Торговой площади, несколько в стороне, вероятно, поэтому предприниматель Л. Агафонов с компаньонами сняли пустующий, зато отапливаемый зал под кинотеатр. Это был первый стационарный, постоянно-действующий кинотеатр, открытый уфимским бизнесом.

Реклама «Иллюзиона», затем вместе с рекламой самого пассажа, непрерывно шла в уфимской прессе (в «крае» и с перерывами в «вестнике«) весь январь и февраль, вплоть до 29 марта 1907 г. включительно. Объявления были небольшими, без подробного перечисления фильмов, лишь изредка мелькали пояснения. Так, начало февраля ознаменовалось показом итальянских артистов в опере «Трубадур»[2]. Вышла заметка об «Иллюзионе» – «Живая фотография. Во вновь выстроенном пассаже Елистратова на Александр. ул. демонстрируется кинематограф.

На-днях мы посетили этот театр и вынесли самое лучшее впечатление. Картины, очень интересные по своему содержанию, демонстрируются посредством нового аппарата Патэ, положительно без всякого мерцания. В понедельник 29 января, будут демонстрированы совершенно новые картины, и весь сбор с этого сеанса жертвуется дирекцией в пользу голодающих уфимской губ.»[3]

Но в конце марта 1907 г. одновременно исчезли реклама кинотеатра «Иллюзион» и самого пассажа. Видимо, дела пошли

---

[1] Вестник Уфы. 1907. 20 января.
[2] Уфимский край. 1907. 31 января, 1 февраля.
[3] Вестник Уфы. 1907. 28 января.

неважно, как раз наступил Великий пост, наплыва зрителей не стало, бизнес разорился. Скорее всего, сказалась и удалённость «Иллюзиона» от Верхне-Торговой площади, вокруг которой концентрировались все развлекательные места.

Это подтверждает появление второго синематографа в цирке И.П. Сайковского, открывшего свои представления как раз на Верхне-Торговой площади ещё в начале января 1907 г. Видимо, в оборудованном шапито с 26 января по 6 февраля 1907 г. всего на несколько сеансов была приглашена «поющая и говорящая живая фотография. Первый раз в России. Зритель видит и слышит оперу. Дивиртисменты, комические сюжеты на экране; новость – демонстрация первого электро-пневматического концерта – аппарата Эльжефон»[1].

Хозяин электрического театра «Иллюзион» Л. Агафонов пытался сопротивляться натиску конкурентов. Он зазывал публику в пассаж на улицу Александровскую в начале февраля: «Последнее усовершенствование оптико-механики. Ясная рельефность, отсутствие мигания, стойкость и величина проэкции дают полную иллюзию сцен с натуры. Ежедневно три представления. Начало 1) в 5 ч. дня, 2) 7 ч. веч., 3) 8 ½ ч. веч. Перемена программы еженедельно по Понедельникам»[2].

Предприниматели от киноиндустрии боролись за качество показа фильмов, уфимская публика стала разборчивой, уже не хотела сидеть в холодных шапито и смотреть мигавшее кино. Последний раз реклама кино в цирке Сайковского появилась в «вестнике» 4 и 6 февраля 1907 г. И одновременно, правда, на последней странице газеты читатель лицезрел: «По Александровской улице, наискосок Сибирской гостинницы в электрическом театре XX век даются сеансы разнообразных синематографических и световых картин. Ежедневно каждый час с 3 ч. дня до 10 ч. веч. Программа меняется ежедневно. Новая программа с 6 февраля. Зал театра отопляется»[3].

---

[1] Уфимский край. 1907. 26 февраля. Реклама кино в цирке шла в обеих уфимских газетах – «крае» и «вестнике». Так, журналист «Не новый» сообщал, что «в цирке Сайковского на этих днях гастроли биоскопа, соединённого с грамофоном – "живой и говорящей" фотографии. Три показанные картины "игра на ксилофоне", "смех негра" и "куплеты хулигана" действительно очень интересны; движение картины и звуки фонографа удивительно совпадают и дают настоящую иллюзию. Затем показываются несколько картин, и очень хороших, обыкновенного биоскопа» (Уфимский край. 1907. 28 января). «Эль-жефон, т.-е. поющий аппарат со всеми к нему принадлежностями О-ва Гомон, вместо 3150 рублей» можно было купить в Москве всего за 800 руб. (Кине-журнал. 1910. № 21. 8 ноября. С. 33).

[2] Вестник Уфы. 1907. 14 февраля.

[3] Там же. 4 февраля.

Буквально напротив «Иллюзиона» на Александровской (К. Маркса) улице в начале февраля 1907 г. открывается ещё один кинотеатр с звучным названием «XX век». По всей видимости, это была первая попытка «бюджетного» кинозала для посетителя с тощим кошельком. И, предположим, не из цирка ли Сайковского переехал кинематограф на Александровскую? Закрытие одних и открытие других случилось одновременно.

«XX век» рекламировался только в одной газете – либеральном «Вестнике Уфы», у которого из-за давления властей, скорее всего, объявления стоили дешевле. Информация «XX века» всегда ограничивалась маленькими краткими извещениями, иногда печаталась на последней 4-й странице. Впервые в Уфе шли короткие сеансы (меньше часа) с 3 до 10 часов подряд, явно с нехитрым подбором короткометражных лент для бедной публики.

Единственный раз поместили (проплаченную?) заметочку: «XX век. Против пассажа на Александровской улице, помещается электрический театр XX век, благодаря хорошему комплекту цветных картин театр будет иметь успех»[1]. Последняя реклама «XX века» появилась в «вестнике» 6 марта 1907 г.

А в пассаже гуляет публика, сообщал «край» 9 марта. «Иллюзион» выбил конкурента с Александровской, но победа оказалась пирровой. В красиво оформленной рекламе сообщалось об усовершенствованном кинематографическом аппарате Patte Freres, трёх представлениях (днём детям, вечерами «для взрослых парижский жанр»), программа картин имеет 1000 метров длины, но в конце Л. Агафонов добавлял: «Театр играет только эту неделю»[2]. Последняя реклама «Иллюзиона» вышла в «вестнике» 25 марта, в «крае» – 29-го числа. Наступил Великий пост, затем театральный сезон, что случилось с бизнесом не ясно, но почти на два месяца город остался без синематографа.

На улице Центральной, где всегда располагались цирковые шапито, собирал народ на представление зверинец Ф.О. Эйгус. И здесь же «с 23 мая открыт в Уфе электрический театр, рядом со зверинцем Эйгус по Центральной улице. Это почти тоже, что представлял из себя и прошлогодний "Одеон". Внутри театр красиво задрапирован разноцветными материями и национальными флагами. Из числа демонстрируемых синематографом картин есть немало новых. Довольно интересны картины в комическом духе. Цены очень доступные, начиная с 10 коп.»[3]

Рядом со зверьём открылся электрический театр «Примо-

---

[1] Там же. 10 февраля.
[2] Там же. 20 марта.
[3] Уфимский край. 1907. 25 мая.

Вивантограф». Это был снова летний стационарный кинематограф, работавший в будни с 6 час. дня и до 11 час. вечера, в праздники с 4 часов. «Освещение электрическое. С 28 мая перемена картин сюжета 1907 года. Драмы, комические и юмористические сцены в 8, 6, 5 актах и по 10–16 картин. Ложи, стулья и скамьи по умеренным ценам, учащимся и детям полцены»[1].

Реклама «Примо-Вивантографа» шла по 1 августа 1907 г. Примерно через неделю репертуар обновлялся, появлялись новые картины: «Шерлок Хольмс, знаменитый Лондонский частный сыщик», «Равноправие или женщина в штанах», «Мальчик с пальчик», «Император Нерон», «Любовь делает изобретательность», «Гугеноты», «Варфоломеевская ночь», «Колдунья», «Охота на жениха», «Роман супружеской любви», «Житьё-бытьё в угольных копях», «Любопытный швейцар», «Враждебные соседи», «Проданный Иосиф»[2]. В конце июня в кинорекламе стояло: «Постройка зверинца продаётся на снос», видимо, это была единая труппа. Зверушки покинули Уфу, а кинотеатр продолжал работать ещё целый месяц.

Если на Верхне-Торговой площади отдыхал простой народ, то уфимская культурная элита предпочитала летний театр наследников Видинеева (ныне сад Аксакова). Здесь с воскресенья, 8 июля 1907 г., давал сеансы некий г. Браун со своим «оперомегафоном». Голоса артистов Парижской оперы сопровождались показом на экране[3]. Хотя с редкой красотой и художественностью исполнялась ария «Смейся паяц»[4], основной акцент заезжий гастролёр всё же делал на обычное кино.

Первое представление 8 июля «собрало почти полный театр», хороши были «Ниагарский водопад» и «Индейцы». Во втором сеансе «некоторые картины были довольно таки фривольного содержания, а такие как "Несчастье матери" производят до такой степени удручающее впечатление, что лучше бы их вовсе не включать в программу. Лучшею и беспорно прекрасною картиной в этот вечер были – "Водопады в Японии"». Зрители увидели также сцены из «Фауста»[5]. В последнем представлении, кроме комических фильмов, «из оперных сцен нельзя не выделить дуэт из "Миньоны", пение г. Мирель и прекрасное исполнение колоратурным сопрано полонеза из "Миньоны" А. Тома»[6].

Продолжавшие посещать в 1907 г. Уфу предприниматели с

---

[1] Вестник Уфы. 1907. 26 мая.
[2] Там же. 3, 10, 15, 17, 27 июня, 4, 8 июля.
[3] Там же. 7 июля; Уфимский край. 1907. 8 июля.
[4] Вестник Уфы. 1907. 15 июля.
[5] Уфимский край. 1907. 14 июля.
[6] Там же. 15 июля.

передвижными кинотеатрами сталкивались с конкуренцией стационарных, поэтому приходилось завлекать публику чем-то нестандартным, типа Парижской оперы в Уфе.

Но приближались холода и внимание снова привлекали отапливаемые помещения. Реклама извещала, что в опустевшем после закрытия агафоновского «Иллюзиона» пассаже Елистратова на улице Александровской в субботу 1 сентября 1907 г. «открывается первый французский электро-биограф или живая фотография. Дирекция Лукьянова»[1]. В дальнейшем он именовал себя как «демонстратор Лукьянов»[2].

«Электро-Биограф» функционировал по 29 сентября 1907 г., всего один месяц. Бизнес на отдалённой Александровской улице как-то не удавался, хотя предприниматель старался. Менялась программа: «Ниагарский водопад», «Драма в Венеции», «Выбор прислуги», «Храбрость городовых», «Танец детей», «Два жулика», «Фатальный арбуз», а также «имеются аппараты и картины для продаж»[3]. В Уфе впервые открылась торговля лентами и кинопроекторами. Затем привезли картины «Правитель Франции Людовик XIV», «Человек обезьяна» и др.[4] Но удача отвернулась от Лукьянова. Конкуренция на кинорынке Уфы стала запредельной. В сентябре 1907 г. открываются ещё два кинематографа и самый отдалённый «Электро-Биограф» закрывается.

Высокая доходность киносеансов стимулировала владельцев крупных городских залов приглашать синематограф. В битву за уфимского зрителя в начале сентября вступает хозяин одного из самых крупных, оборудованных и престижных залов города – Кляузников[5]. Видимо, он приглашает несколько заезжих кинопродюсеров на временные гастроли.

Сначала у него нашёл приют «живой хромоскоп» m-lle Де-Бога. После обыкновенного уже кинематографа «публике показывают "новость – громадный фурор". Сущность этого хромоскопа заключается в том, что к живому лицу приспособлен целый ряд световых эффектов-картин, при чём в соответствии с картинами меняется и световой костюм г-жи Де-Бога». Это было

---

[1] Вестник Уфы. 1907. 28 августа.

[2] См., напр.: Там же. 11 сентября.

[3] Там же. 4, 8 сентября.

[4] Там же. 11 сентября.

[5] В марте 1908 г. он учредит фирму «Уральское товарищество гостинниц и ресторанов», распорядитель Д.Е. Кляузников. Действовала в Уфе и Оренбурге. Капитал в 122 тыс. руб. внесли уфимский купец Дмитрий Егорович Кляузников (70 тыс.), его жена Анна Степановна Кляузникова (10 тыс.), а также уфимский мещанин Игнатий Родионович Алябушев (21 тыс.) и сердобский мещанин Николай Васильевич Соколов (21 тыс. руб.) (РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 1021. Л. 51 об. – 52, 105).

интересно… «для не особенно взыскательной публики и для детей». Из кинематографа выделялись очень смешная картина «сон о луне» и виды Голландии[1].

Затем реклама меняется. Театральный зал Кляузникова зазывал на последние (8 и 9 сентября) гастроли «знаменитых Фас-Дис» с их электрическими комическими музыкальными инструментами, представление «царицы иллюзий М-ль Парнас», а также на два сеанса американского биоскопа. Репертуар следующий: «Водопад реки Ниагары», «Чемпион Английского Бокса», «Саша сердится», «Неверная жена», «Тайны парижской походной оперы», «Один день на даче» и др. Начало в 8 ½ час. вечера, в пятом отделении бесплатные картины «только для взрослых, дамы на это отделение могут оставаться только желающие»[2].

Ещё через несколько дней, с 15 сентября 1907 г. в зале Кляузникова идёт первая гастроль аниматографа Парфияно. Лучшие отзывы! Богатый выбор фильмов. «В общедоступном репертуаре нет вульгарных картин, а потому дети, учащиеся и девицы свободно могут посещать представления Парфияно»[3].

Разнообразие присутствовало: «Жажда золота», «Палестина и осмотр Иерусалима», «Материнская любовь», «Адская кавалерия», «Два дня на Луне», «Любовь в плену и на воле», «Путешествие из Каира в глубь Африки», «Заставь дурака молиться он лоб разобьёт», «Богатство и слепота», «Ловля кита», «Бегство жены», «Пять операций», «Что терпит человек», «Карнавал в Ницце», «Как дрессировать жену», «Сражения на Дальнем Востоке», «Экспроприация бриллиантов и золотых вещей в курьерском поезде»[4].

Известный журналист «Баян» отмечал: «Биоскопы, вивантографы, си (или ки) нематографы положительно наводнили нашу Уфу. Вивантограф г. Парфияно отличается большим разнообразием картин и до сих пор привлекает публику». В связи с «разгулом» синематографа автор обращал внимание на необходимость постоянного театра в Уфе, имевшиеся два зала в Дворянском доме и Кляузникова в общем малы[5]. Эти настроения трансформируются затем в идею Аксаковского народного дома.

В обширной рекламе, наряду с дирекцией Парфияно и администратором Новиковым, указан механик Попов[6]. На историческую арену выходят рядовые киномеханики, собственно и

---

[1] Уфимский край. 1907. 5 сентября.
[2] Там же. 8 сентября; то же: Вестник Уфы. 1907. 8 сентября.
[3] Уфимский край. 1907. 14 сентября.
[4] Там же. 16, 18, 20, 22, 23, 28 сентября.
[5] Там же. 29 сентября. Постройка городского театра обсуждалась в особой театральной комиссии (Вестник Уфы. 1907. 20 октября).
[6] Вестник Уфы. 1907. 14 сентября.

крутившие ручку проектора. А Парфияно размещает подробную рекламу в либеральном «Вестнике Уфы» (с 14 по 29 сентября 1907 г.). В начале октября он переносит свои представления в престижный зал Дворянского собрания на улице Центральной, где в воскресенье 7 октября шли фильмы «Эскадра Рождественского в дороге на Дальний Восток. – Морское сражение. Хирургические операции известного французского хирурга-профессора Доэн. – Путешествие из ада в Париж и обратно – большая феерия (в красках)»[1]. Затем он рекламируется как «опера иллюзион Парфияно»[2]. Эти объявления были последние. Видимо, в начале октября 1907 г. у Парфияно закончился контракт с Кляузниковым, он делает несколько представлений в Дворянском доме, затем покидает наш город.

А в конце сентября 1907 г. в Уфе открывается третий кинематограф – «Электро-Биоскоп», с 22-го числа он принимал посетителей в доме наследников Блохина на Большой Казанской улице («рядом с часовым магаз. [добавляли – бывш.] Удалова»[3]). Новейший киноаппарат, «помещение заново отремонтированное и специально приспособленное. При театре имеется фойе»[4] даже. Кинобизнесом заинтересовалось уфимское купечество.

Результат пришёл сразу. Через десяток дней оба конкурента сошли с дистанции. С октября 1907 г. «Электро-Биоскоп» остался единственным кинотеатром в Уфе. Демонстратор Ульянин предлагал широкий ассортимент новых и качественных фильмов. Его кинотеатр привлекал «много публики, главным образом, учащуюся молодёжь»[5].

«Электро-Биоскоп» радует зрителей: «Виды моря с парохода до и после бури», «Упрямый осёл», «Серебряная ложка», «Выбор прислуги», «Первый раз верхом», «Дезертир», «Сторожевая собака», «День на даче», «Надоедливая блоха», «Пещера чародейки», «Приключение в бочке», «Чудесный улей», «Рудники и железоделательный завод Г. Деказевиль», «Состязание английского кулачного боя», «Трагическое соперничество», «Грабители и поджигатели», «История пары брюк», «Курица о золотых яйцах» (в красках), «Совесть священника», «Неуловимый вор», «Ловля гремучих змей в Южной Америке», «В каторге французские арестанты»,

---

[1] Уфимский край. 1907. 5 октября.
[2] Там же. 9 октября.
[3] Вестник Уфы. 1907. 10 октября. Видимо, он находился возле угла Большой Казанской и Центральной улиц, в комплексе зданий купцов Блохиных. Журналист «Эма» добавлял: «На Б.-Казанской улице устроились два кинематографа» (Там же. 26 сентября).
[4] Там же. 23 сентября.
[5] Там же. 28 сентября.

«Забастовка кузнецов в Германии»[1].

Реклама «Электро-Биоскопа» печаталась вплоть до 30 декабря 1907 г., но новый год он встретил не один. К началу декабря на Верхне-Торговой площади «против магазина Блохина» открылся электрический театр «Экспресс» (биоскоп) с недорогими билетами от 30 до 75 коп., галлерея – по 15 коп., играет оркестр музыки. Первый репертуар был объявлен на 9–17 декабря, хотя сама реклама вышла только 11 декабря 1907 г.[2]

Однако начал работу кинотеатр, видимо, раньше. Во вторник 4 декабря, около 6,5 часов вечера возле театра «Экспресс» среди гуляющей публики раздались выстрелы в полицейского. Террористы бросились бежать по Центральной (Ленина), но возле перекрёстка с Успенской (Коммунистической) преследовавшие боевиков конные городовые задержали двоих. Одним из преступников оказался известный большевик Гузаков[3].

А кинотеатр «Экспресс» радовал зрителей богатым выбором картин: «Свадьба на автомобиле. Большая бытовая картина современных нравов», «Живой матрац. Чрезвычайно весёлые приключения с матрацем. Эта картина имела везде громадный успех за неподражаемый комизм»[4]. С 26 декабря «всемирно-известным демонстратором инженером Кепке новым проэкционным аппаратом "Эльже"» показывались фильмы «Грабители поджигатели», «Рейнский водопад» и пр.[5]

Новый 1908-й год Уфа встречала с двумя кинотеатрами «Электро-Биоскоп» и «Экспресс», находившимися напротив друг друга. Последний (Верхне-Торговая площадь, собственное здание) анонсировал репертуар уже на 1–6 января 1908 г., «будут демонстрироваться аппаратом "Эльже" новые картины: Честь знамени (драматический эпизод из Прусско-Французской войны). – Слоны Индии (картины с натуры – прогулка слонов, туалет слонов, слоны акробаты, борьба слонов, бега слонов, прыжки слонов в воду с высоты 20 метров, слоны в загоне). – Воздушная железная дорога в Брюсселе. – Грабители воздухоплаватели (комическая). – Певец и пирожник (комич.). – Дон-Жуан XX-го века (комич.). – Загулявший посыльный (комич.).

Цены местам: ложа 3 р., 1-е место 50 к., 2-е – 40 к., 3-е – 30 к., 4-е – 20 к. Галлерея – 10 к. Учащиеся на места платят поло-

---

[1] Там же. 30 сентября, 10, 13, 16 октября, 7, 24 ноября, 6, 9, 21 декабря.
[2] Уфимский край. 1907. 11 декабря.
[3] Вестник Уфы. 1907. 6 декабря. Подробнее о задержании террориста см.: Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922) / отв. ред. Г.В. Мордвинцев. Уфа, 2016. С. 145–146.
[4] Уфимский край. 1907. 18 декабря.
[5] Там же. 25 декабря.

вину. Играет оркестр музыки. При театре буфет»[1].

Такова начальная история уфимского кино. В дальнейшем местные кинотеатры прочно «стояли на ногах», в жёсткой конкуренции сменяя один другого, при этом радуя зрителя всё новыми шедеврами. Из Уфы рапортовали об успехах.

В 1908 г. «на верхней торговой площади очень удачно работает электрический театр "Экспресс". Публика его очень хорошо посещает. Среди картин обращают внимание виды, представляющие историческое событие: свидание Государя Императора с Германским Императором в Свинамюнде. Картины эти захватывают своим интересом, в особенности посещение Государем Императором германского судна "Дейчлянд"»[2].

В марте 1908 г. сообщал о репертуаре электрический театр «Комета»[3], в июле – «Экспресс»[4], в декабре – «Фурор»[5] братьев Бондаренко, чья звезда быстро восходила. В Уфе сложился стабильный кинорынок, основу которого составляла сеть стационарных кинотеатров. В январе 1909 г. пресса подводила итог: «Веселящаяся Уфа. Как веселится Уфа на святках, видно из следующих данных: 4 января театр "Фурор" посетило 1500 человек, "Экспресс" – 683 чел., "Модэрн" – 150 челов., "Электро-Биограф" – 275 чел., "Вспоможенку" – 239 чел. и "Балаган Нечаева и К°" – 723 чел., итого – 3570 чел., не считая Дворянского собрания, зала Кляузникова и Соединённого собрания»[6]. «Фурор» собирал почти треть аудитории (видимо, здесь не только кино).

Процветание уфимской киноиндустрии опиралось на сложившийся кинорынок, на котором в 1910 г. действовало несколько компаний. В свободной продаже были кинематографические аппараты и ленты, поющие аппараты, нефтяные двигатели, пр. Продажу и прокат лент предлагали конторы обеих столиц, Варшавы, Киева, Одессы, Ростова-на-Дону, Харькова, Ярославля, Риги, Саратова. Отечественные киностудии выпускали большое число новых лент, импортировались иностранные.

Только в июле 1910 г. фирма Гомон поставила на российский рынок 12 фильмов (каждый месяц репертуар обновлялся),

---

[1] Вестник Уфы. 1907. 30 декабря.
[2] Сине-фоно (М.). 1908. № 6. 1 февраля. С. 12.
[3] Там же. № 9. 15 марта. С. 10 (Панорама Бельгии. Ловля рыбы. Дрессированные попугаи. Фотограф любитель. Слепая девочка. Фея весны. Дезертир. На берегу моря).
[4] Там же. № 15. 1 июля. С. 11 (Цивилизация человеческого зверства. Толстая голова. Порыв ветра. Шалости любимца).
[5] Там же. № 6. 15 декабря. С. 14 (Арлезианка. Бедная слепая. Выгодное место. Охота на львов. На Эйфелеву башню. На каторге).
[6] Вестник Уфы. 1909. 16 января.

торговый дом П. Тиман и Ф. Рейнгардт – пять, Чинес – восемь, Дускес – семь, Дранков – четыре, Аполлон – два, Маркт и К° – три ленты. Лидерами же были две фирмы.

Торговый дом Ханжонков и К° предлагал прокатчикам новые ленты «Паяц» (183 метра), «Мелкие ремесленники в Каире» (120), «Сиднейский курорт» (113), «Воскрешение Лазаря» (203), «Удачная охота» (135), «Трапезунд» (147), «Глупышкин шоффёр» (167), «Цветок смерти» (190), «Манёвры авиационного парка» (84), «Звезда второстепенного созвездия» (208), «Чертовский биллиард» (84), «Ловля рыбы в Канкале» (90), «Китайские города» (85). Итого 13 новых фильмов.

С Ханжонковым соперничала фирма Бр. Пате, представившая фильмы «Вечерняя заря» (430), «Неблагодарная» (155), «В Кохинхине» (105), «Ну и тёща!» (115), «Задолжавший пудель» (175), «Как проводит день весельчак Коко» (120), «Лили Барелла, известная дрессировщ.» (130), «Женское лукавство» (225), «Волшебные коньки» (180), итого 9, более протяжённых по времени[1].

Киноиндустрия снабжала уфимские кинотеатры большим набором игровых и документальных фильмов. Предприниматели могли заказать оборудование, купить или взять в прокат понравившуюся ленту. Теперь на первый план выходило умение менеджмента создать комфортабельные условия зрителю, угадать со вкусом аудитории, предложить эксклюзив и обойти конкурента, не слишком завышая цены. Кино стало неотъемлемой частью культуры, общественного быта жителей Уфы и края.

А впервые было показано кино в Уфе в 1902 г., первый фильм про Уфу был снят в 1905 г., первый стационарный кинотеатр в Уфе открылся в 1906 г.

[1] Кине-журнал. 1910. № 13. 23 июля. С. 9–10, 19–21.

М.И. Роднов

Вокруг банка

В ноябре 1873 г. в Уфе открылся первый частный банк – отделение одного из крупнейших в Российской империи акционерного Волжско-Камского коммерческого банка (правление в Санкт-Петербурге, основной акционер В.А. Кокорев)[1]. Именно Волжско-Камский коммерческий банк (далее ВККБ) создал обширную сеть отделений по стране. Как отмечал К.А. Скальковский: «до того у нас были в провинции, кроме ростовщиков, только погрязшие в чиновничьей рутине отделения Государственного банка»[2].

Сначала два года на новогодней Мензелинской ярмарке действовало временное отделение ВККБ (оборот до 1 млн руб.)[3]. Руководство банка убедилось в экономических перспективах Уфимской губернии и в 1873 г. под руководством первого управляющего П.Г. Кайгородова была проведена большая подготовительная работа, 4 ноября состоялось торжественное открытие с банкетом[4], а с 5 ноября 1873 г. Уфимское отделение ВККБ открыло свои двери для клиентов. График работы был установлен следующий: «Уфимское Отделение открыто для публики ежедневно с 9-ти часов утра до 4-х по полудни, кроме воскресных и табельных [официальных праздников] дней»[5].

Среди широкого набора разнообразных финансовых услуг, ВККБ привлекал клиентов своей обширной сетью филиалов и банков-партнёров, через которые очень быстро можно было перевести деньги из одного региона в другой, а пути сообщения тогда оставались ещё очень плохими. Работа с векселями[6], вы-

---

[1] См.: *Ананьич Б.В., Беляев С.Г., Дмитриева З.В., Лебедев С.К., Лизунов П.В., Морозан В.В.* Петербург. История банков. СПб., 2001; *Саломатина С.А.* Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг. М., 2004; др.

[2] *Ананьич Б.В., Беляев С.Г. и др.* Указ. соч. С. 145.

[3] *Гурвич Н.* Мензелинская ярмарка 1872 года и её статистическое исследование // Памятная книжка Уфимской губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Ч. I. Уфа, 1873. С. 20 (отд. паг.).

[4] Уфимские губернские ведомости. 1873. 10 ноября.

[5] Там же. 3 ноября.

[6] *Вексель* – письменное долговое денежное обязательство, документ, в котором заёмщик гарантирует кредитору получение определённой суммы денег. Векселя могут использоваться при расчётах в качестве платёжных средств, то есть могут передаваться от одного лица к другому.

Если держатель векселя хочет получить деньги раньше оговоренного срока платежа, он может продать вексель банку. Покупка векселя банком

дача ссуд, операции с ценными бумагами, исполнение требований клиентов за небольшую плату (комиссию) и среди всего этого особое место занимали депозиты[1], приём вкладов от рядового населения и предпринимателей, на чём ВККБ делал акцент.

В течение 1873 г. шла подготовительная работа к открытию отделения в Уфе. Обустройство помещения обошлось в 542 руб. 55 коп. Служащие, работавшие до открытия отделения, получили жалованья на 1382 руб. 87 коп. Почтовые и телеграфные расходы составили 47 руб. 65 коп., проезды – 638 руб. 41 коп.[2]

Вся организация и открытие Уфимского отделения ВККБ проходила под руководством первого управляющего, белебеевского купца Павла Григорьевича Кайгородова.

Это был опытный предприниматель, хорошо известный в Оренбургской (Уфимской с 1865 г.) губернии, современный, грамотный специалист[3]. Он долгое время служил управляющим Благовещенского медеплавильного завода недалеко (к северу) от Уфы. Известно, что в 1847 г. он подписался на «Оренбургские губернские ведомости»[4]. В 1850 г. в Благзаводе побывал уфимский писатель и редактор этих «ведомостей» И.П. Сосфенов, лично встречавшийся с Кайгородовым.

«В 6 часов вечера усталая тройка наконец подвезла нас к флигелю владельческого дома, где теплота и ароматный чай радушного хозяина Управляющего заводом П.Г. Кайгородова согрели нас как нельзя лучше». Сосфенов оценил его деятельность.

«Слишком десятилетнее управление Благовещенским заводом П.Г. Кайгородовым довело это имение принадлежащее Действительной Тайной Советнице Елисавете Васильевне Дашковой, до стройного порядка во всех частях. Куда ни взгляните: везде видете

называется *учётом векселя*.

За *учёт векселя* банк взимает плату в виде процента от вексельной суммы. Данный процент называется учётной ставкой, учётным процентом, или дисконтом. То есть банк покупает вексель ниже номинальной стоимости на указанный процент.

При наступлении срока платежа по векселю уже банк взыскивает с должника сумму по полной номинальной стоимости, получая прибыль в размере учётной ставки.

[1] Депозит – деньги или ценности, вносимые в кредитное учреждение для хранения или со специальной целью. Депозит отличается от вклада, депозитом могут быть ценные бумаги, акции, драгоценные металлы и пр.

[2] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1176. Л. 17 об.

[3] Он печатался: *Кайгородов П.Г.* Волжско-Камский Коммерческий банк // Уфимский календарь на 1876 год / под ред. В.А. Новикова и Н.А. Гурвича. Вып. 2. Уфа, б. г. С. 110–111.

[4] Оренбургские губернские ведомости. 1847. 29 ноября; опубликовано: Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2014. С. 128.

опрятность, приличие, чистоту без излишней пышности и с полною экономиею. Что же касается до субординации, то я подобного подчинения в жизни своей редко встречал, хотя тихость характера Г. Кайгородова и весьма простое обращение с заводскими крестьянами, по видимому не давали к тому повода; и это тем замечательнее, что до него управляющие этим заводом весьма нередко менялись»[1].

Владелица завода проживала за тысячи вёрст и управляющий имел полную самостоятельность в делах. Когда в 1852 г. купец Стахеев пожертвовал уфимскому кафедральному собору колокол в 450 пуд., его к середине октября довезли по реке до Благовещенского завода. «Всегда готовый к содействию всего доброго, Управляющий Благовещенским заводом, П.Г. Кайгородов двинул массу ловких благовещенских крестьян, и колокол, как бы магическою силою, перелетел чрез высоты правой нагорной стороны реки Белой. Теперь он у подножия соборной колокольни ждёт нетерпеливо возможности порадовать Уфимцев своим приятно звучным благовестом»[2].

Приблизительно, в конце 1850-х гг. П.Г. Кайгородов меняет место работы. Великую реформу отмены крепостного права он встретил в должности управляющего имениями и медеплавильными заводами одного из крупнейших предпринимателей и откупщиков России Д.Е. Бенардаки (1800–1870)[3] в Белебеевском уезде Оренбургской губернии.

Бирский 3-й гильдии купец Павел Кайгородов управлял одновременно Нижне и Верхне-Троицкими и Усень-Ивановским заводами, огромными предприятиями с сотнями рабочих, а также сельскими поместьями Бенардаки (деревни Анновка, Александровка, Дмитриевка, Екатериновка, Константиновка, Леонидовка, Большая Николаевка и село Елизаветино) с тысячами душ крепостного населения[4].

То есть, в конце 1830-х – конце 1850-х гг. Павел Григорьевич Кайгородов служил управляющим Благовещенским заводом, затем управляющим заводами и имениями Бенардаки, в начале 1870-х гг. переходит на службу в ВККБ. Карьера шла по восходящей. После успешной деятельности в Благовещенске, Кайгородова, вероятно, переманил крупный петербургский предпри-

---

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1850. 25 февраля.

[2] Там же. 1852. 15 ноября.

[3] О деятельности Д.Е. Бенардаки на Южном Урале см.: Наследники «Греческого проекта» / сост. и отв. ред. Е.А. Круглов-Мавридис, М.И. Роднов. Уфа, 2014.

[4] См.: *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 31–37, 46–52.

ниматель – грек Д.Е. Бенардаки. Он умирает в 1870 г., а Кайгородов оказывается в системе Волжско-Камского банка. Наверняка, глава последнего – В.А. Кокорев – был наслышан о деятельности Кайгородова, для организации филиала требовался опытный сотрудник, знающий ситуацию на местном рынке.

Кайгородов был знаком с Кокоревым. Так, в 1873 г. по его распоряжению уфимский управляющий получил 1 тыс. руб. в счёт жалованья и ещё 349 руб. 50 коп. были израсходованы Кайгородовым «на перемещение из Казани в Уфу, по поданному Г. Василию Александровичу счёту»[1]. Вероятно, Кайгородов сначала служил в уже открытом Казанском отделении ВККБ.

В 1870-е гг. Павел Григорьевич Кайгородов проживал в Уфе, на 1876 г. вместе с Елизаветой Ивановной Кайгородовой (супругой) состояли в членах-благотворителях Попечительного о бедных комитета[2]. По данным городской переписи 17 июня 1879 г. домовладение Павла Кайгородова находилось на улице Почтовой (ныне Пушкина), недалеко от угла с улицей Телеграфной (Цюрупы)[3], напротив женской гимназии, где сейчас возвышается на Советской площади административное здание с башенкой и часами. В престижном центре города.

Но за 1883 г. указана только Елизавета Ивановна Кайгородова – член-благотворительница Дамского отделения Уфимского Попечительного о бедных комитета[4]. Скорее всего, П.Г. Кайгородов скончался между 1879 и 1883 гг.

Именно П.Г. Кайгородов подобрал кадры Уфимского отделения ВККБ, которые бессменно служили с ним в 1870-е гг. Помимо самого управляющего, получившего за первые месяцы жалованье в 1500 руб., в 1873 г. трудились бухгалтер, кромский купеческий сын Фёдор Лаврентьевич Гапеев (350 руб.), кассир, «череповский» мещанин Николай Петрович Голубев (319 руб. 15 коп.), помощник бухгалтера, белебеевский мещанин Иван Игнатьевич Якушев (или Якушов, с жалованьем в 203 руб. 34 коп.), конторщики, белебеевский купец Пётр Павлович Львов (132 руб.) и крестьянин Благовещенского завода Иван Спиридонович Кузнецов (60 руб.), а также писец и посыльный Павел Иванович Кузнецов (25 руб.). К 1875 г. его перевели третьим конторщиком, а происходил он также из Благовещенского завода.

---

[1] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1176. Л. 23 об.

[2] Уфимский календарь на 1876 год / под ред. В.А. Новикова и Н.А. Гурвича. Вып. 1. Уфа, б. г. С. 54, 56.

[3] *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные. Относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел IV. С. 129.

[4] Там же. Отдел I. С. 83.

На 1873 г. указывались ещё артельщики, лица перевозившие наличность и прочие ценности (типа инкассаторов): Д. Мореев и Н. Морзеев, получавшие оклад в 155 руб. 85 коп. каждый. Нанимались швейцар (за 18 руб. 23 коп.) и дворник (30 руб. 68 коп.). Без этих сотрудников, основной штат Уфимского отделения ВККБ включал семь человек. Для сравнения, штат Уфимского отделения Государственного банка на 1873 г. состоял из восьми сотрудников[1].

К 1875 г. весь личный состав Уфимского отделения ВККБ оставался на своих местах, но годовые оклады были, конечно, иные: управляющий получал 4000 руб., бухгалтер – 1500, кассир – 1200, помощник бухгалтера – 720 руб., Львов – 600, И.С. Кузнецов – 440 и П.И. Кузнецов – 240 руб.[2] По сведениям на 1876 г. присутствует весь штат отделения, кроме последнего[3].

Кроме приехавших квалифицированных сотрудников (присланных?), уроженцев городов Кромы и Череповец(?), остальные были местные – из Белебеевского уезда и Благовещенского завода, где ранее служил П.Г. Кайгородов. Управляющий подобрал «свою» команду, кадры были стабильные.

При каждом отделении состоял учётно-наблюдательный комитет, в который приглашались наиболее авторитетные местные предприниматели. При Уфимском отделении ВККБ членами учётно-наблюдательного комитета в начале 1870-х гг. являлись Александр Васильевич Дядин, Михаил Николаевич Облецов и Фёдор Егорович Чижов[4]. Их труд оплачивался. В 1878 г. «вознаграждение членам учётного комитета» составило 645 руб.[5]

В первые годы работы Уфимского отделения ВККБ помещение для банка арендовалось у разных лиц. Сохранившиеся планы указывают на несколько адресов. Есть «проект изменения внутреннего расположения комнат в доме Исаева для помещения отделения Банка», но без адреса. Зато на чертеже «план дворового места и каменного 2-х этажного дома Г. Григорьева в Уфе» точно видно, что дом находился по улице Губернаторской (Советской) недалеко от перекрёстка с улицей Большой Казанской (Октябрьской революции). На этом месте сейчас стоит второй корпус Башкирского государственного педагогического университета (Окт. революции, 3а)[6].

---

[1] *Резанцов П.Г.* Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской губернии (К Памятной книжке Уфимской губернии). Уфа, 1873. С. 17.
[2] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1176. Л. 29; Д. 1178. Л. 56.
[3] Уфимский календарь на 1876 год. Вып. 1. С. 71.
[4] Устав Волжско-Камского коммерческого банка. СПб., 1874. С. 47.
[5] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1181. Л. 56.
[6] Там же. Оп. 6. Д. 510. Л. 1, 3, 5.

По плану на 1879 г. в квартале № 60 по улице Губернаторской, действительно, находилось домовладение Ивана Григорьева, а начиная с угловой усадьбы (с Б.-Казанской) и далее вниз по Большой Казанской (Окт. революции) вся земля принадлежала купцам Чижовым (Фёдору и Михаилу)[1].

Именно в этом квартале, только с другой стороны, проживал П.Г. Кайгородов. Управляющий подбирал помещения для банка поблизости от своего жилья. В 1873 г. дом нанимался для отделения «и отдачи квартир». Было заплачено за квартиру 270 руб. 83 коп. сер., а получено с квартирующих 62 руб. 50 коп[2]. При этом к 1 января 1874 г. с отделения причиталось Губанову «за наём дома для Отделения» 108 руб. 33 коп.[3], а по 1 января 1875 г. – 158 руб. 21 коп. Ещё 150 руб. уплатили подрядчику Смирнову «за ремонтирование помещения» в 1874 г.[4]

В первые годы часть арендуемого Уфимским отделением ВККБ помещения отдавалась в аренду под квартиры, скорее всего, сотрудникам банка[5], а также, видимо, агенту Северного страхового общества.

В 1873 г. наём помещения с отоплением и освещением составил 253 руб. 55 коп. (по смете 200 руб.). Ежемесячно отделение платило собственнику дома свыше 100 руб., что соответствует выше приведённой сумме в 1300 руб. Кроме того, содержание управления обошлось в 666 руб. 66 коп., служащих – 900 руб. 57 коп. За торговые права уплатили 40 руб. 70 коп., покупка книг и прочих канцелярских принадлежностей обошлась в 13 руб., почтовые телеграфные расходы, разъезды, выписка и газет и проч. добавили ещё 96 руб. 24 коп. Назначенная на 1873 г. смета в 2105 руб. 82 коп. была превышена (3333 руб. 85 коп.)[6].

Естественно, управляющий мечтал о собственном помещении банка и в 1876 г. было куплено «пустопорожнее место для постройки дома» за 3000 руб. серебром. Началась подготовка к строительству, приобрели 98,5 тыс. штук кирпича на 1083 руб. и 24 куб. саж. бутовой плиты за 1323 руб.[7] Но тут грянула русско-турецкая война и экономический кризис. От идеи возвести собственное здание пришлось отказаться и «в 1878 г. место это

---

[1] *Гурвич Н.А.* Указ. соч. Отдел IV. С. 129. К сожалению, именно по этому кварталу не указано, какие организации здесь находились.
[2] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1176. Л. 17.
[3] Там же. Л. 24. Возможно, Губанов был субарендатором.
[4] Там же. Д. 1177. Л. 10.
[5] В 1874 г. бухгалтеру Ф.Л. Гапееву заимообразно выдали 250 руб. (Там же. Л. 9 об.).
[6] Там же. Д. 1176. Л. 18.
[7] Там же. Д. 1180. Л. 52 об., 69.

продано за 2000 р.», сумму списали в убыток с разрешения правления ВККБ от 5 января 1879 г.[1]

Именно в 1878 г. Уфимское отделение переезжает в новое помещение. По счёту за нанимаемое помещение Губанову (субподрядчик?) выплатили 100 руб., но с 9 августа 1877 г. уплатили 391 руб. 66 коп., «причитающиеся Г. Чижову за квартиру Банка»[2]. Условия аренды были практически одинаковые, в 1877 г. за дом внесли 1200 руб., в 1878 г. – 1300 руб., а получили с квартирантов 411 руб.[3] Вместе с банком переехали и последние.

Впоследствии Уфимское отделение ВККБ долгие десятилетия располагалось в одноэтажном здании по улице Большой Казанской, которое арендовалось у Чижовых[4]. В сравнении с более поздними двухэтажными зданиями, одноэтажное строение Уфимского отделения ВККБ (на старинной фотографии видна большая вывеска почти во всю длину фасада) выглядит более старой постройкой.

В центре Уфы земля стоила дорого и желающих продать участок, скорее всего, было мало, переносить отделение на окраину, даже за несколько кварталов от центра – Верхне-Торговой площади – было нерационально. Почему ВККБ так и не обзавёлся в Уфе собственным земельным участком и помещением. На 1893 г. отделение Волжско-Камского банка находилось на Казанской улице в доме наследников М.Ф. Чижова[5].

Более 30 лет именно здесь, по адресу улица Большая Казанская, 8, на 1904 г. домовладение наследников Михаила Фёдоровича Чижёва, и размещалось Уфимское отделение ВККБ. По этому же адресу был отмечен управляющий – Афонасий Петрович Банников[6]. Вероятно, он здесь проживал.

Лишь в 1910 г., когда открылось несколько филиалов крупных столичных банков и возросла конкуренция, Уфимское отделение ВККБ переезжает на Верхне-Торговую площадь, в дом Зайкова по адресу улица Александровская, 25, в самую пре-

---

[1] Там же. Д. 1181. Л. 52 об.

[2] Там же. Д. 1180. Л. 54, 70 об.

[3] Там же. Л. 54; Д. 1181. Л. 54.

[4] См.: *Егоров Павел.* Чижовский квартал // Уфа: страницы истории. Книга первая. Изд. испр. и доп. / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2015. С. 166–167; *Аюпов Р.А., Макарова В.Н., Хакимов С.Х.* Банки и кредитные товарищества во второй половине XIX – начале XX веков // Энциклопедия предпринимательства Башкортостана. Уфа, 2006. С. 134–136 (здесь фото).

[5] Календарь Уфимской губернии на 1893 год. Уфа, 1893. Отдел III. С. 48.

[6] Список улиц и домовладений города Уфы, а также адреса должностных лиц и общественных деятелей / сост. А.Ф. Сильверстов, В.А. Ошурко. Уфа, 1904. С. 135, 367.

стижную часть города[1]. Здесь Уфимское отделение ВККБ провело последний этап своей истории, вплоть до 1917 г. Сохранился план, где угол дома скошен и он выходит на «площадь». На другом плане записано: улица «Александровская»[2].

Сохранившиеся списки имущества (инвентарь) Уфимского отделения ВККБ за 1873–1876 гг. в общем стабильны, так, в 1876 г. был прикуплен лишь один штемпель за 10 руб. 25 коп.[3] Следующая таблица показывает движимое имущество Уфимского отделения ВККБ на 1 января 1874 г., что позволяет представить внутреннюю обстановку (орфография оригинала).

Имущество / количество	Сумма (руб., коп.)
Икона Спасителя в серебряной позолоченной ризе и ореховой киоте	26
Икона Казанской Божией Матери такая же в киоте	29
Образов в серебряных ризах небольших: 3 шт. х 9 руб.	27
Портрет Государя в бронзовой вызолоченной раме со стеклом	11
Бронзовый станок (этажерка) для карандашей и проч.	3
Бронзовый стакан со счеткой для перьев	3
Колокольчиков бронзовых: 2 х 2 – 25	4 – 50
Весы для писем	3
Штемпелей: 12 штук	206 – 25
Пресс-бюваров покрытых бронзов: 3 шт.	7
Пепельница бронзовая (1) и медных (6), итого 7	3 – 80
Крючков для бумаг: 1 дюжина	3
Клипсов: 1 дюж.	3
Подсвечников бронзовых и медных: 12	13 – 40
Песочник оловянных: 6 х 0 – 25	1 – 50
Самовар медный	12 – 90
Ложек чайных накладного серебра: 12	3 – 50
Вывеска большая длиною 18, шириною 1¼ аршин с надписью «Волжско-Камский Коммерческий Банк»	79
Вывеска о всех операциях	35
Вывеска «Управление»	3
Вывеска «Бухгалтерия»	4
Вывеска «Касса»	5
Вывеска «Банк»	
Для Северного Общества надпись «Приём страхования товаров и имущества»	4

[1] «Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка с 7-го декабря будет переведено из дома н-ков Чижёва на Казанской ул., на Александровскую ул., в д. С.П. Зайкова. Отделение открыто для операций с 9 час. до 3 час. пополудни ежедневно кроме дней праздничных» (Уфимский вестник. 1910. 1 декабря).

[2] РГИА. Ф. 595. Оп. 6. Д. 510. Л. 5, 6.

[3] Там же. Д. 1179. Л. 12.

Шкаф несгораемый 2-х арш.	755
Шкаф несгораемый с подставкой 1 арш.	227 – 07
Сундуков белого железа (жесть): 2 х 8	16
Пресс копировальный	30
Печать Отделения стальная	8
Стаканов чугунных со счетками: 2 х 1 – 25	2 – 50
Пресс-папье чугунных: 2 х 1 – 25	2 – 50
Ножниц канцелярских: 6	8
Ножей перочинных: 6 х 0 – 60	3 – 60
Щипцы для вырезки % на выигрышные билеты	5 – 50
Замков висячих: 2 х 3	6
Топор для дров	0 – 35
Лопата железная	0 – 30
Лопата для печи	0 – 50
Часы стенные Французские круглые с недельным заводом	24
Конторка двусторонняя составная из 2-х: 2 х 55	110
Конторка односторонняя	50
Табуретов к конторкам: 3 х 5	15
Диван дубовый обитый клеёнкой	40
Стол на тумбах склеенный орехом под зелёным сукном	45
Стол на тумбах под зелёным сукном ильмовый	40
Столов на ножках большого размера дубовых (один с сукном, два с клеёнками): 3 х 25	75
Столов меньшого размера для артельщиков и Публики: 4 х 15	60
Столов угольных дубовых: 2 х 7	14
Стол для копировального пресса дубовый	13
Шкафов с полками дубовых: 3 х 45	135
Скамеек для Публики: 2	35
Скамейка для швейцарской с ящиками	20
Стульев с гладким сиденьем дубовых: 12	40
Вешалок для платья: 2 х 6	12
Зеркалов: 2 х 15	30
Барьер для операционной – 13 ¼ арш. по 6 – 50	86 – 12
Чернильниц хрустальных с крышками: 11 шт.	18 – 50
Чернильница дорожная	2 – 50
Стаканов Шотландских: 4 х 1 – 25	5
Пресс-бюваров покрытых деревом: 6 х 0 – 45	2 – 70
Спичечниц мраморных: 6 х 0 – 50	3
Закладок Шотландских: 4 х 0 – 25	1
Губок в фарфоровых коробках и круглых: 4	3 – 20
Клеёнка на конторки	0 – 80
Линеек чёрного дерева: 9 х 0 – 60	5 – 40
Щётов прокладных: 9	25 – 40
Порфель шегреневая	6
Порфель для векселей: 2 х 20	40
Порфель для залогов: 100 шт.	30
Сак-вояж для денег	10
Кардонка для вексельной бумаги	4
Кардонка для месячных векселей	9
Книги: Таблиц исчисления % в шегреневых переплётах: 3	13 – 25
Книга: Банковая бухгалтерия	5

Книга: XI том Свода Законов о торговле и векселях	2
Календарей стенных: 3 х 0 – 75	2 – 25
Аршин складной	1
Оселок для ножей	1
Термометр Реомюра	4
Поднос	1 – 50
Чайник фарфоровый	0 – 60
Стаканов: 12 шт.	2 – 40
Блюдичек под стаканы фарфоровых: 12	1
Сахарница фарфоровая	0 – 45
Чашка полоскательная	0 – 40
Тарелок: 4 шт.	0 – 30
Умывальник с тазом	2 – 45
Рамок для объявлений: 5	4
Щёток половых: 2	1 – 70
Повозка зимняя дорожная	18 – 50
Лопат деревянных: 2	0 – 14
Полотенцев холщёвых: 12	2 – 76
Шуба для караульных	11
Итого	2644 – 29

Источник: РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1176. Л. 26 об. – 28 об. (ещё было приобретено книг и бланков на 1263 руб., выписано газет на 1874 г. на сумму 56 руб., но эти расходы перенесены в смету следующего года).

В Уфимской губернии обосновался один из крупнейших акционерных банков Российской империи, через который во многом, если не в решающей степени, осуществлялось финансирование (обслуживание) как коммерческой деятельности, так и функционирование административных, общественных структур края. Уже в первый полный год работы (1874) обороты Уфимского отделения ВККБ составили 25 178 507 руб. 38 коп.[1]

Скромное одноэтажное здание на улице Большой Казанской стало хорошо известно тысячам жителей Уфимской губернии, от крупного купечества до рядовых вкладчиков. С открытия в ноябре 1873 г. Уфимского отделения ВККБ клиентам предлагались три вида вкладов: 1) срочные; 2) до востребования; 3) текущие. Особое значение имели текущие вклады.

Именно по ним сохранились пофамильные ведомости вкладчиков, которые позволяют увидеть скрытый от посторонних глаз мир коммерческой тайны и персональных накоплений.

Текущие вклады имели особый характер. Они открывались под самый низкий процент – 4% годовых. Этот вид вкладов регулировался особыми правилами и был предназначен в первую очередь для предпринимателей и юридических лиц. Смысл этого вклада и самый низкий процент по нему заключался в том, что

[1] Там же. Д. 1177. Л. 1.

банк брал на себя услуги по обслуживанию счёта, исполнял разнообразные поручения клиента.

Если владелец вклада до востребования сам бегал в отделение, стоял в очереди, производил все переводы, расчёты и пр., то «открывая текущий счёт, Банк становится как бы кассиром вкладчика: принимает от него, или за его счёт от других лиц, всякие суммы, и производит за счёт вкладчика выдачи сумм по его чекам» (§ 5 правил). Были два вида текущих счетов.

Самые распространённые простые текущие счета открывались обычным образом (наличные суммы от любых лиц, заявление с образцом подписи, не менее 100 руб., «которые и должны оставаться на этом счёте во всё время до окончательного закрытия счёта» (§ 4) (на практике не всегда соблюдалось[1]).

Вкладчик простого текущего счёта получал от банка две книжки: 1) расчётную и 2) книжку приказов или чеков (§ 6). Все поступления на счёт записывал кассир банка «в расчётной книжке на странице прихода (кредит)» (§ 7), а все платежи вкладчика с текущего счёта отмечаются в расчётной книжке на странице расхода (дебет) также в банке с точным указанием всех сумм (§ 8). То есть, служащие Уфимского отделения ВККБ выполняли функции своеобразных приказчиков / служащих вкладчика, за что банк и назначал самый низкий процент по вкладу (снимал комиссию за свою работу).

Вкладчики, имевшие текущие счета, могли «сами непосредственно получать суммы из Банка или предоставлять получение их другим посредством выдачи чеков на Банк» (чек должен быть не менее в 50 руб.) (§ 12, 13). Деньги уплачивались немедленно по предъявлении чека без всякого удостоверения личности получателя (§ 15). Получатель по чеку может перевести деньги на свой текущий счёт в банке, чек становился переводным (§ 16). Чек действителен в течение семи дней (§ 17).

При этом, суммы, записываемые на текущий счёт, могли состоять из наличности, векселей и других торговых документов, перевода денег с одного текущего счёта на другой, «из условных чеков на разные Банки» в том же городе с их штемпелем

---

[1] Видимо, когда к концу года оставалось менее 100 руб. на счетах у «солидных» клиентов, отделение «закрывало на это глаза». Так, в 1875 г. счёт Н.К. Блохина в 23 руб. 61 коп. вообще не пополнялся и его требовалось закрыть, но счёт сохранили. Или ожидая поступления на счёт крупных сумм, отделение давало рассрочку по времени, или вкладчики быстро пополняли счета уже в первые дни нового года. Нарушения этого параграфа были неизбежными, так как большинство вкладчиков к концу года снимали основную часть денег со счёта. На счетах самих служащих Уфимского отделения ВККБ это правило не исполнялось.

(§ 18). Вкладчик мог с текущего счёта платить по векселям и иным торговым обязательствам, при этом банк не брал вознаграждения (§ 20). Также вкладчик мог с текущего счёта переводить деньги в другие города (§ 21).

Таким образом, банк предлагал услуги по безналичному расчёту, что было особенно удобно для крупного бизнеса, чтобы не снимать огромные суммы наличности. Владелец текущего счёта оплачивал все сделки в Уфе и других местах, работал с векселями, для чего просто выписывались чеки, а Уфимское отделение ВККБ оперативно переводило деньги, снимало и зачисляло на счёт суммы. Банк обслуживал клиента, избавлял его от многочисленных бухгалтерских и юридических хлопот.

Текущий счёт закрывался по желанию вкладчика, или если был выдан чек на бóльшую сумму, чем есть на счету вкладчика, или если на его счёте остаётся менее 100 руб. (§ 26).

Кроме простого вкладчик имел право открыть условный текущий счёт, по которому платился более высокий процент. Все правила были аналогичные, за одним исключением. Выдача денег по условным текущим счетам производилась не сразу, а «чрез два дня по предъявлении Банку чека» (§ 32)[1]. Крупные предприниматели оперировали очень большими суммами, поэтому банку было выгодно не сразу выдавать деньги, которых в таком размере могло просто не оказаться, а с задержкой на два дня. Это было также приемлемо для административных структур, которые обычно заранее заказывали наличность.

И уже в ноябре – декабре 1873 г. уфимский бизнес стал активно открывать текущие счета в новом отделении ВККБ под 4% годовых. Всего за два месяца было открыто 40 текущих счетов на сумму 223 307 руб. 18 коп.

Если средняя сумма принятого вклада до востребования составляла в 1873 г. 611 руб. 84 коп., срочного – 1115 руб. 10 коп., то текущего – 5582 руб. 68 коп.

При этом, с первых же дней текущие счета «работали». За два месяца с них выдали 190 622 руб. 50 коп. За 43 рабочих дня ежедневно в среднем на текущие счета поступало 5193 руб. 19 коп., а снимали с них 4433 руб. 08 коп. Два счёта были закрыты и к 1 января 1874 г. в Уфимском отделении ВККБ оставалось 38 текущих счетов, на которых хранилось 32 684 руб. 68 коп.[2]

Остаток был небольшой, для сравнения на счетах до востребования и срочных находилось свыше 68 тыс. руб. Но оборо-

---

[1] Волжско-Камский коммерческий банк. Правила о текущих счетах. СПб., 1870. С. 1–11.

[2] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1176. Л. 11 об.

ты текущих счетов были несопоставимо значительнее. Так, в течение 1874 г. Уфимское отделение ВККБ приняло на текущие счета уже 1 757 330 руб. 07 коп., а выдало 1 657 444 руб. 95 коп. (остаток к 1 января 1875 г. составил 132 569 руб. 80 коп.)[1]. Оборот превысил 3,4 млн руб., по всем остальным вкладам – всего 760 тыс. руб. В 1875 г. на текущие счета Уфимского отделения ВККБ поступило 2 283 287 руб. 38 коп., выдано – 2 279 971 руб. 82 коп. (оборот – 4,6 млн руб.)[2].

Именно текущие счета играли главную роль в депозитной политике ВККБ (на примере Уфимского отделения). Сохранившиеся пофамильные ведомости владельцев текущих счетов показывают состав уфимского бизнеса начала 1870-х гг., а также свидетельствуют о достаточно высоком уровне организации дела. В удалённом небольшом губернском центре, куда даже регулярное пароходное сообщение в летние месяцы только устанавливалось, десятки предпринимателей самым активным образом использовали безналичный расчёт, осуществляли разнообразные сделки через ВККБ на миллионы рублей.

Текущий счёт использовался в первую очередь не для накоплений, а для торговых расчётов. В начале года обычно на текущем счёте оставалась небольшая сумма (по правилам не менее 100 руб.). В декабре тоже сохранялись маленькие остатки. Зато в течение года на текущий счёт поступали и снимались с него большие суммы денег. Через Уфимское отделение ВККБ проводили коммерческие операции местные купцы и заводчики.

Например, к 1 января 1874 г. на текущем счёте (видимо, вообще первого в Уфимском отделении банка) вкладчика Облецова хранилось всего 104 руб. 97 коп., а остаток к 1 января 1875 г. составлял лишь 100 руб. Но в течение 1874 г. на его текущий счёт поступило 9475 руб. 03 коп., а было снято 9480 руб. Банк заплатил Облецову процентов (из 4% годовых) за хранение денег 8 руб. 98 коп.[3] Михаил Николаевич Облецов вёл торговлю крупчатной мукой в Гостином дворе.

Но далеко не все уфимские предприниматели бросились сотрудничать с отделением ВККБ. Например, обращают внимание малые вклады купцов Блохиных. Первый из братьев, Алексей Кондратьевич Блохин (1856–1916) вообще в 1874 г. закрыл свой текущий счёт, второй – Николай Кондратьевич Блохин (1843 – около 1918) держал мизерные суммы, нарушая инструкцию банка, лишь в 1876 г. он положил на свой текущий счёт 20 030

[1] Там же. Д. 1177. Л. 2 об. – 3.
[2] Там же. Д. 1178. Л. 2 об. – 3.
[3] Там же. Д. 1177. Л. 12 об.

руб. При этом Уфимское отделение ВККБ принимало на комиссию векселя Н.К. Блохина, как выписанный им 20 января 1876 г. в Нижнем Новгороде на имя И.И. Короткова в 1 тыс. руб.[1]

В начале 1870-х гг. бизнес семьи Блохиных был весьма успешным[2]. После кончины основателя дела Кондратия Игнатьевича Блохина († после 1866 г.), делами заправляла вдова – Мария Степановна. Помимо городской недвижимости, лавок в Гостином дворе, питейных домов, основу семейного бизнеса составляло производство горячительных напитков.

Уфимская купчиха Марья Степановна Блохина в начале 1870-х гг. являлась владелицей «Пробного № 48» винокуренного завода в Уфе (в 1870 г. выработали лишь 268 вёдер спирта), она также арендовала в Стерлитамакском уезде Петровский № 12 винокуренный завод Тимашевой (15 228 вёдер на сумму 8299 руб. 26 коп.), в Уфе купчиха Блохина держала крупнейший водочный завод (в 1870 г. выпустили 5000 вёдер водки на сумму в 20 тыс. руб.), ей же принадлежал пивоваренный завод в Уфимском уезде (2350 вёдер пива на 2420 руб.)[3].

То есть, далеко не все крупные уфимские предприниматели обратились к услугам ВККБ. Видимо, политика банка не во всём устраивала местный бизнес, почему в 1876 г. в Уфе учреждается особый Уфимский городской общественный банк, директорами которого как раз являлись Н.К. Блохин, а затем А.К. Блохин[4]. Часть уфимских предпринимателей пыталась создавать собственные финансовые структуры.

В 1874 г. в Уфимском отделении ВККБ были открыты 73 новых текущих счёта, из которых крупных вкладчиков, положивших от 10 тыс. руб. и выше, насчитывалось уже 22, или 30%. А среди первых вкладчиков таковых было 25 из 39, или 64%. В первый же полный год работы Уфимского отделения выявилась тенденция притока средних и, относительно, мелких вкладов на текущие счета, которые стали численно преобладать. Но основной объём средств давали крупные вкладчики.

В следующей таблице показаны текущие счета за 1874 г., простые и условные. Эти материалы являются важнейшим источником по истории Уфимской губернии. Статистик и редактор местных «ведомостей» Н.А. Гурвич при открытии Уфимского

---

[1] Там же. Д. 1179. Л. 5, 7 об.

[2] Подробнее о семье см.: *Гудкова З.И.* Предприниматели Южного Урала. Уфа, 2003. Торговый дом Блохиных. С. 126–131.

[3] Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Ч. I. Уфа, 1873. С. 159–162. Отд. паг.

[4] См. некролог на А.К. Блохина: Река времени. 2015 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2015. С. 148.

отделения обмолвился, что в «нашей губернии [...] лежачих денег [...] немного». Современник ошибся, но оговорка была символична. Ведомости оборотов по текущим счетам приоткрывают закрытый мир коммерческой тайны. Скупые сведения справочных изданий в лучшем случае сообщают лишь имена и род занятий местных предпринимателей. Банковские же документы показывают реальные масштабы провинциального бизнеса.

В банковских ведомостях о текущих счетах указывалось пять граф: остаток, получено, выдано, остаток, проценты. Но основное значение имеют сведения о поступивших на текущий счёт суммах и снятых с него, показывающие масштаб коммерческой деятельности. Очень немногие сохраняли к концу года сколько-нибудь значительные суммы на текущих счетах.

Текущие счета в Уфимском отделении ВККБ в 1874 г.

Вкладчик	Остаток к 1 января 1874 г.	Принято в 1874 г.	Выдано в 1874 г.	Остаток к 1 января 1875 г.	Начисленные проценты
	рубли – копейки				
Облецов	104-97	9475-03	9480	100	8-98
Кондратьев И.А.	5847-71	188 243-80	188 981-46	5110-05	124-42
Чижов	850-12	74 465	71 170	4145-12	87-56
Мамин	302-42	77 900	78 018	184-42	28-02
Паршин М.И.	1005-36	50 789	49 238-36	2556	63
Лебедев	122-10	45 500	45 322-10	300	48-24
Васильев М.С.	804-32	25 241-23	24 530-55	1515	57-52
Шишков	107-59	19 558	19 613	52-59	54-35
Калмацкий	3603-79	37 100	40 655-79	48	17-07
Эверсман Н.Э.	604-42	55 282-40	54 193-87	1692-95	87-67
Есаулов	102-15	3244	3341	5-15	7-84
Гудков	269-70	57 155-26	57 330	94-96	97-96
Зайков	105-42	18 195	18 290	10-42	77-53
Листовский	466	18 592	18 732-97	325-03	54-70
Костерин	1207-11	14 600	13 900	1907-11	48-35
Пароходное Общество «Самолёт»	386-73	152-19	538-92	–	2-19
Северное общество Страхований	436-38	13 849-62	14 072	214	19-35
Власова	1283-11	15 434	15 052-79	1664-32	32-85
Каблуков	100-94	1910	2000	10-94	3-06
Заварицкий	3104-31	47 730	45 989-05	4845-26	62-25
Киселёв	107-71	–	–	107-71	4-32

Палатин	102-90	13 960	13 840	222-20	17-80
Софронов	123-25	44 664	43 800	987-25	77-25
Коротков	113-15	7150	7150	113-15	12-05
Нефёдов П.А.	101-28	–	100[1]	–	–
Блохин А.К.	12	–	12	–	–
Нестеров	1070-39	8785	7850	2005-39	102-51
Одинцов	109-39	27 308	27 375	42-39	22-64
Любимов	2608-42	5072	6007-10	1673-32	38-97
Кашеваров	100-99	38 117	38 185-27	32-72	22-05
Алексеев	101-26	10 875	10 924	52-26	32-92
Сахаров	721-42	23 950-68	21 872	2800-10	41-67
Ляхов	3307-70	4300	5725	1882-70	123-30
Кожевников	158-51	6000	4149	2009-51	10-26
Блохин Н.К.	100-21	655	735	20-21	3-40
Соловьёв	1131-65	22 836-80	19 593-45	4375	70-73
Виноградов К.Д.	800-50	3749-50	4550	–	19-14
Ольховский	1000	75 055	74 717-10	1337-90	100-61
Шварев	100	22 800	22 800	100	39-54
Данилов	–	7637	7437	200	149-56
Кадкин	–	6462	6350	112	30-58
Бабкин	–	5675	5575	100	25-78
Уфимское Епархиальное женское Училище	–	4200	3800	400	71-08
Першин Н.А.	–	71 900	67 900	400	79-80
Щербатский	–	2229-25	2056-89	172-36	19-82
Нефёдов Ф.В.	–	13 000	11 725	1275	28-85
Шахурина	–	11 797-94	3550	8247-94	366-90
Арзамасцев	–	22 500	22 400	100	38-76
Яркин	–	17 600	17 590	10	36-91
Кондратьев К.Д.	–	28 600	27 100	1500	88-10
Остроумов	–	30 000	30 000	–	–
Похвиснев	–	2223-59	50	2173-59	33-53
Судаков	–	10 160	10 110	50	91-51
Комаров	–	32 600	32 500	100	29-44
Вульфин	–	7019	6749	270	14-66
Князь Ку-	–	55 635	46 825	8810	214-44

[1] «Причитавшиеся по этому счёту за 1873 год % в сумме 1 руб. 28 коп., 29 Января 1874 г. поставлены в счёт Прибыли и Убытка».

гушев А.И.					
Князь Кугушев Д.И.	–	240	240	–	4-13
Дехтярёв	–	9000	1900	7100	11-34
Михайлов	–	23 997	22 890	1107	31-56
Волков	–	27 264	23 740	3524	24-70
Баранцев	–	2000	313	1687	4-92
Голубев М.Н.	–	10 630	10 600	30	64-51
Кайгородов	–	2295	2290	5	2-76
Сулистровский	–	1300	975	325	3-44
Агент Общества «Двигатель»	–	15 250	14 450	800	14-70
Голубев Н.П.	–	600	563	37	0-92
Гапеев	–	70	70	–	–
Пиглевский	–	1000	900	100	7-08
Карвовский	–	750	725	25	8-52
Филипов	–	5410	3910	1500	32-42
Сапожников	–	700	700	–	2-57
Растовцев	–	40	39	1	–
Торопыгин	–	10 760	10650	110	10-46
Грен	–	900	850	50	8-62
Петровский	–	854-91	800	54-91	5-83
Граф Коссаковский	–	5100	5000	100	12-44
Лисневский	–	320	70	250	4-63
Топорнин	–	11 723	10 195	1528	16-80
Виноградов Ф.А.	–	1500	1100	400	4-25
Галицинский	–	1300	600	700	11-63
Гиллис и К°	–	19 500	19 400	100	25-38
Трифанов	–	6700	6700	–	17-87
Маттей	–	10 000	9900	100	11-16
Дашков	–	18 591	16 900	1691	31-21
Сергеев	–	7000	7000	–	18-53
Першин Ф.А.	–	45 000	41 900	3100	35-43
Общество вспомоществований воспитанникам Уфимской Гимназии	–	1255-29	–	1255-29	12-20
Бесчетнов	–	5000	–	5000	56-57

Черников-Анучин	–	1000	971	29	1-86
Констан-тинов	–	5020	2000	3020	33-76
Нагоркин	–	5100	5000	100	2-98
Сладков	–	25 000	19 900	5100	32-62
Васильев Л.И.	–	2000	–	2000	19-18
Юрьев	–	9250	9220	30	13-20
Эверсман Н.Н.	–	10 000	5000	5000	36-66
Зайцев	–	2063	500	1563	12-76
Уфимский Дворянский Пансион Де-виц	–	383	185	198	1-13
Уфимский Комитет о бедных	–	76	–	76	0-44
Ляхова	–	5500	3800	1700	11-45
Паршин Н.О.	–	750	725	25	1-20
Шахурин	–	1348	848	500	3-01
Дмитриев	–	530	25	505	1-74
Гаазе	–	500	400	100	0-96
Саханский	–	895	195	700	3-38
Щипков	–	961-87	420	541-87	3-44
Кошкин	–	500	475	25	1-25
Новиков	–	154	25	129	0-14
Шаршавин	–	2000	1000	1000	2-11
Темперов	–	625	–	625	0-22
Хорьков	–	2000	–	2000	1-55
Довьялио	–	200	–	200	0-06
Сельдеми-ров	–	2000	–	2000	0-22
Условные текущие счета (5% годовых)					
Пароходное Общество «Самолёт»	–	10 812	9832	980	39-45

Источник: РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177. Л. 12 об. – 14.

М.И. Роднов

Уфимские старообрядцы в 1912 году

История старообрядцев Уфы и Южного Урала уже привлекала внимание исследователей[1]. После признания в 1905 г. свободы религиозных вероисповеданий интерес к местным старообрядцам проявляла тогдашняя пресса, в том числе официозный «Уфимский край», являвшийся наследником неофициальной части «Уфимских губернских ведомостей».

Цикл материалов появился на его страницах в 1912 г. В первую очередь проправительственное издание уделяло внимание разоблачению «раскольников». В январе журналист «Д.», например, поведал о случае в Стерлитамаке.

«Старообрядец Ф. – зажиточный человек, просватал свою дочь в другую зажиточную старообрядческую семью. Дочь Ф. неохотно шла за навязанного ей жениха, но отец, придерживаясь старинки и пословицы "стерпится, слюбится", – безповоротно решил отдать свою дочь в уважаемую старообрядческую семью.

Назначен был день свадьбы. Даже приданое невесты отвезли в дом жениха. Но за день до свадьбы девица Ф. скрылась из Стерлитамака с сыном лесопромышленника Шт.

Оскорблённые таким оборотом дела, родственники невесты и главным образом оконфуженного жениха-старообрядца – послали за молодой парочкой погоню, которая ни к каким положительным результатам не привела…

Все эти "самокрутки" для здешнего старообрядческого мирка имеют основательные значения.

Дело в том, что до сих пор быт старообрядцев принято было считать замкнутым, далёким от всего нового и, по жаргону их, "еретического", а тем более далёким от всяких выходящих из пределов воли родительской поступков со стороны молодёжи. Обряды, заветы и проч., выбитые с течением времени из обихода русской жизни, – старообрядцами свято чтились…

Хранением заветов и обрядов старообрядцы гордились… Ставили православным в пример свою молодёжь. Их беззаветное подчинение родительской воле, их скромность, трезвость.

И вот теперь, время принесло с собою такие явления, где

---

[1] См.: *Данилко Е.С.* Старообрядчество на Южном Урале: Очерки истории и традиционной культуры. Уфа, 2002; История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. II. Уфа, 2007. С. 34 – 38 (автор Ю.Н. Сергеев); Старообрядцы и сектанты в Уфимской губ. // Уфимский некрополь / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. СПб., 2015; мн. др.

неограниченная, "ветхозаветная" воля родительская игнорируется сыновьями и дочерьми... Когда старообрядческая молодёжь стала разбираться в своих естественных чувствах и выборах, а также в законности моральной якобы справедливости родителей посягать на их молодость и вообще на их жизнь в будущем, – теперь то почтенные старообрядцы достаточно определённо почувствуют, что прежде времени "на чужую поветь вилами не указывают"»[1].

В следующем номере выходит небольшая заметка «Присоединение из раскола», где рассказывается как в Уфе «22 января, в воскресенье, в Успенской церкви пред поздней литургией священником В. Константиновским совершено присоединение из раскола Федосеевского согласия[2] к святой православной церкви девицы Анастасии С-вой.

Надо заметить, что Федосеевское согласие безпоповщинского толка самое нечистоплотное по своим нравственным учениям о супружеской жизни. Отрицая Таинство Брака, это согласие однако толкает своих последователей в страшную бездну разврата. Его каноны учат: "Лучше сто блудниц иметь, нежели брачитися", или: "Десять раз роди, только замуж не ходи". За литургией новообращённая была причащена Святыми Христовыми Таинами при соответствующем поучении о. Константиновского, в котором он, кратко коснувшись нравственного учения Федосеевского согласия, приветствуя новообращённую причастницу изложил значение Таинств Покаяния и Причащения в деле нашего спасения, как средства теснейшего спасительно-духовного единения с Богом, источником радости духовной и вечного блаженства»[3].

Журналисты обращали внимание на наступление современного индустриального общества, размывавшего традиционные устои замкнутых старообрядческих общин, делая акцент на морально-этические проблемы.

Но старообрядчество тоже учитывало реалии новой политической ситуации в Российской империи. И зимой 1912 г. Уфа стала ареной острых дискуссий на религиозную тематику.

Сначала журналисты «Уфимского края» в разделе «хроника» просто поместили любопытное информационное сообщение: «Мы

---

[1] Уфимский край. 1912. 25 января.

[2] Беспоповское направление в старообрядчестве, возникшее на рубеже XVII–XVIII вв. Называется по имени основателя первой общины близ Новгорода дьякона Феодосия Васильева (1661–1711) из рода бояр Урусовых. Ныне Древлеправославная кафолическая церковь христиан Старопоморского Федосеевского согласия.

[3] Уфимский край. 1912. 26 января.

слышали, что, по приглашению епархиального миссионера, священника А. Диаконова, Уфимские старообрядцы, принимающие Белокриницкое священство, выписали начётчика[1] для устройства в г. Уфе религиозных бесед. Беседы эти начнутся в воскресенье, 29 января, продолжатся несколько дней и будут происходить в здании духовной семинарии, именно в поместительном корридоре 2-го этажа. К этому корридору примыкает с одной стороны храм, а с другой – очень просторная комната, где помещается библиотека, далее – по обеим сторонам идут классы. Публики может помещаться много. Беседы будут публичными. Вход безплатный.

Очень жаль только, что более солидная по средствам и числу членов Уфимская поморская старообрядческая община[2] всё ещё не может собраться выписать своего начётчика, хотя епархиальный миссионер не раз вызывал на это членов поморской общины, и они также не раз давали ему обещание устроить беседу и выписать начётчика, но всё пока ограничиваются одними обещаниями»[3].

После издания манифеста 17 апреля 1905 г. «О свободе вероисповедания» любые силовые методы воздействия на иные религиозные объединения были запрещены и миссионер официальной Уфимской и Мензелинской православной епархии мог только убеждать в правоте своих взглядов.

На приглашение откликнулась первая оформившаяся организационно старообрядческая церковь. В 1846 г. в монастыре при селе Белая Криница (Австрийская империя) старообрядцы признававшие священство (беглых попов) восстановили иерархию, учредив первую епископскую кафедру, когда к старообрядцам присоединился Босно-Сараевский митрополит грек Амвросий. Поэтому их называли Белокриницкая или Австрийская церковь. В 1853 г. была основана Владимирская архиепископия, в 1863 г. преобразованная в Московскую и всея Руси. Центр располагался в Москве вблизи Рогожского старообрядческого кладбища. Во время уфимских диспутов во главе церкви стоял архиепископ Московский и всея Руси Иоанн (И.А. Картушин)[4].

---

[1] Мирянин, допущенный к чтению религиозных текстов в церкви или на дому у верующих, проповедник у старообрядцев.

[2] Согласие старообрядцев-беспоповцев, которые после смерти последних дораскольнических священников отказались от практики приёма беглых попов, то есть священников, переходивших из официальной церкви. После съездов в 1909 и 1912 гг. общины поморцев объединились в Старообрядческую Поморскую церковь. В Уфе их молитвенный дом находился на улице Вавиловской, 80. Ныне Древлеправославная Поморская церковь.

[3] Уфимский край. 1912. 19 января.

[4] Ныне это Русская православная старообрядческая церковь. В Уфе их мо-

Уфимские журналисты затем помещают в «хронике» ещё одну заметочку: «Миссионерские беседы между епархиальным миссионером свящ. А.И. Диаконовым и старообрядческим начётчиком, открывающиеся 29-го сего января между 12 и 1 ч. дня, имеют быть не в здании духовной семинарии, а епархиального женского училища»[1].

Видимо, газетчики не придали этой информации серьёзного значения. О первом диспуте вообще не упомянули, зато о втором выходит обстоятельное сообщение. И не случайно, в женском училище на улице Воскресенской (Тукаева) собралось 600 слушателей. Для города с населением в 100 тыс. чел. это очень большая величина. Безымянный репортёр постарался спокойно изложить ход дискуссии, очевидно, не будучи глубоко погружён в религиозную тематику.

«30 января, в понедельник, в 7 часов вечера, в актовом зале Уфимского епархиального женского училища, происходило второе собеседование епархиального миссионера, священника о. Алексея Диаконова со старообрядческим (австрийского священства) начётчиком Ф.Н. Егоровым, родом из Самары и ведущим беседы-прения с православными миссионерами в четырёх губерниях. Собеседование "о клятвах и проклятьях" (соборных) открылось общим пением молитвы "Царю Небесный[2]" и отличалось таким же многолюдством, как и первое; всех слушателей обоего пола было более 600 человек; вопросы и ответы двух оппонентов слушались с вниманием и интересом. Сущность вопросных пунктов начётчика Егорова состояла в следующем: почему Московский собор 1666 г. предал проклятию, как еретиков, православных христиан, знаменующихся "двоеперстием", которое, согласно, церковному преданию, ведёт начало от древней апостольской церкви и почему в лоно православной церкви приняты единоверцы[3], знаменующиеся "двуперстием".

Сущность ответов епарх. миссионера, священника о. Диаконова, заключалась в том, что Московский собор предал проклятию раскольников, последователей протопопа Аввакума, за

литвенный дом находился на улице Суворовской, 34. Не все старообрядцы, признававшие священство, приняли учреждение новой церковной структуры и полномочия митрополита Амвросия.

[1] Уфимский край. 1912. 27 января.

[2] «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша».

[3] Единоверцы – старообрядческие общины, сохранявшие древнее богослужение, но с конца XVIII в. перешедшие под юрисдикцию правящей православной церкви.

то, что они отпали от правосл. церкви и оказали ей непослушание, а не за старые обряды ("двуперстие"); единоверцы же, хотя и теперь крестятся "двуперстием", приняты в лоно правосл. церкви, так как они оказали ей послушание; важно не "двуперстие" и "троеперстие", а то догматич. учение, которое соединяется со сложением перстов рук. В общем собеседования представляют интерес для слушателей и знакомят с теми основными положениями старообрядцев, которые заставили их отпасть от единой православной церкви и уклониться в раскол»[1].

Не известно на что рассчитывал официальный миссионер А. Диаконов (может требовалась отчётность о проделанной работе?), но он встретил опытного и умелого противника. В Уфу приехал профессиональный «агитатор» Ф.Н. Егоров, специально занимавшийся «пропагандой» старообрядчества сразу в четырёх окрестных губерниях. Диспут был построен умело, начали с общего чтения молитвы, а богослужение у православных-никониан и старообрядцев мало отличается, чем подчеркнули единство традиции и мирный характер собеседования. Миссионер ничем не смог возразить против религиозных исправлений (искажений) патриарха Никона и суть спора свёл к политическому моменту: о послушании правящей церкви, то есть власти. В условиях когда общество уже получило опыт первой русской революции, а в стране действовала пусть и ограниченная конституция, это выглядело, по крайней мере, не убедительно.

Редакция же проправительственного «Уфимского края» уже не могла идти на попятную, заинтриговав читателя, в следующей заметке первым слово дали миссионеру.

«31 января, во вторник, в 6 часов вечера, в актовом зале епарх. женск. училища, происходило третье собеседование между епархиальным миссионером, священ. о. А. Диаконовым и старообрядческим начётчиком Ф. Егоровым; предметом собеседования была интересная тема о так называемой "австрийской или белокриницкой иерархии". После пения общим хором молитвы "Царю Небесный", свящ. Диаконов ознакомил слушателей с краткой историей возникновения "австрийской или белокриницкой иерархии" – в белокриницком монастыре в Австрии; ссылками на книги Св. Писания, творения св. отцов, послания соборов, учёные труды по истории и облегчению старообрядчества профессоров – Голубинского, Каптерева и Субботина, епарх. миссионер указал на "несоборность" австрийского священства, которое почти 200 лет не имело епископа, следов. оно не имело рукоположения, таинств и т. д.

---

[1] Уфимский край. 1912. 1 февраля.

Начётчик же Егоров, ссылками на книги Св. Писания, творения св. отцов, старопечатные книги, старался доказать что "австрийская иерархия" законна и, что хотя у старообрядцев почти 200 л. не было епископов, но хиротонию[1], рукоположение они имели, только не сохраняли в это время. Оба собеседника говорили попеременно по 20 м. каждый; посторонним вступать в прения не дозволялось; всех слушателей было более 1000 челов. След. собеседование назначено 2 февраля, в 4 часа дня»[2].

Заметим, что собеседования сдвигались на всё более раннее время – на шесть, затем четыре часа, а публики собиралось просто огромное количество. Корреспондент пытался держаться официальной линии, миссионер «знакомил», начётчик – «старался доказать», но материал заметки свидетельствовал, что светскому журналисту самому было интересно, опечатка про «облегчение» а не обличение старообрядчества символична.

В последний раз редактор выделил больше места. «2 февраля, в четверг, в 4 часа вечера, в актовом зале епарх. женск. училища, состоялось четвёртое и последнее собеседование епархиального миссионера, свящ. о. А. Диаконова со старообряд. начётчиком Ф. Егоровым; предметом беседы служили указываемые старообрядцами якобы погрешности господствующей греко-российской церкви.

После пения общим хором "Царю Небесный", начётчик Егоров, ссылками на книги Св. Писания, творения св. отцов, старопечатные книги, старался доказать, что греко-российская церковь погрешает в таинствах – крещения, допуская троякий его вид – чрез погружение, обливание и окропление; миропомазания, принимая в своё лоно "латинян" чрез одно миропомазание; покаяния, не налагая на кающихся эпитемии[3]; брака, разрешая вступать в оный православным с иноверцами, при сохранении прежней своей веры и т. д.

Епархиальн. миссионер, свящ. Диаконов, ссылками на книги Св. Писания, творения св. отцов, послания соборов и послания восточ. вселенских патриархов, указывал на то, что православная греко-российская церковь никогда не погрешала и не могла погрешить в своих догматах; что-же касается обрядовой стороны в делах веры, то она не может оставаться неизбежною; напр., церковь в исключительных случаях (для больных) допускает, кроме крещения чрез троекратное погружение в воду, ещё

---

[1] Рукоположение или хиротония (от греч. χείρ – рука и τονεω – полагаю) – посвящение человека, наделяющее его дарами и правом совершать таинства и обряды.

[2] Уфимский край. 1912. 2 февраля.

[3] Епитимья – церковное наказание (пост, длительные молитвы и пр.).

обливание и окропление; в таинстве покаяния церковь освобождает кающихся от эпитемий, не исключая их совершенно и т. д. В заключение своей беседы епарх. миссион. обратился к присутствовавшим старообр. с призывом, чтобы они раскаялись в своих заблуждениях и обратились в лоно православной церкви, которая всегда готова принять их в число своих членов. В общем миссионерские собеседования со старообрядцами прошли оживлённо и видимо заинтересовали слушателей, каковых в последнем собрании было около 1500 человек»[1].

2 февраля 1912 г. в актовом зале женского училища яблоку негде было упасть, на улицу Воскресенскую (Тукаева) пришли толпы уфимцев (посещаемость: 600, 1000, 1500 чел.). А результаты диспута, наверняка, обсуждали по всему городу.

Победу же за явным преимуществом одержал начётчик Ф. Егоров. В последней заметке журналист официоза защищался от нападок староверов, газетчик даже терминологией «заразился» у старообрядцев, пропечатал о «господствующей» церкви, а аргументация «и не могла погрешить в своих догматах» напоминает будущий девиз – учение верно, потому что истинно.

Попытка «Уфимского края» нейтрально показать дискуссию вызвала аналитическую статью «По поводу миссионерских собеседований со старообрядцами» подписанную неким «Z».

«Бывшие в г. Уфе миссионерские собеседования со старообрядцами указывают на тот факт, что старообрядческие вопросы. несмотря на свою историческую давность, доселе живучи и продолжают интересовать общественное внимание. За последнее же время вопросы, выдвигаемые старообрядцами в защиту своих религиозных воззрений, получили совершенно иную окраску и, так сказать, вступили в новый фазис своего развития. То, что казалось как-бы погребённым в недрах церковной истории, снова выплыло наружу и требует новых разъяснений и доказательств. Те объяснения, которые давались исследователями так называемого русского раскола, в настоящее время являются как-бы проблематичными и не достигающими намеченных целей.

Общественная жизнь, а вместе с тем религиозная, постепенно прогрессирует; общественное самосознание за последнее время сильно выросло и оно уже с должною критическою оценкою относится ко всему прошлому историческому материалу. Вот почему православным русским миссионерам следует весьма серьёзно относиться к предпринятым своим задачам. В нынешнее время от миссионеров требуется очень много теоретических

[1] Уфимский край. 1912. 4 февраля.

и практических знаний. Прежде всего они должны быть основательно знакомы с церковно-богословскою литературою, с древними каноническими постановлениями церкви, не только с внешнею их формою, а с внутренним, таинственным смыслом. От миссионеров требуется также, чтобы они были знакомы не только с полемическою литературою против старообрядцев, но и с самыми приёмами и правилами ораторского искусства. Без знания диалектического искусства даже опытный и образованный миссионер может очутиться в очень затруднительном и неловком положении в том случае, если противник его окажется очень искусным диалектиком и оратором. На ораторское же искусство, на декламацию ныне обращается особенное внимание, так что человек, выступающий с публичными речами в многочисленных собраниях, должен основательно, путём продолжительных упражнений, подготовиться к защите своих положений и тезисов. Помимо богословского образования, от миссионера требуется всестороннее, так называемое, философское образование. Миссионер должен знать психологию своего противника и своих слушателей; он должен сверх того обладать логичностью, правильностью своего мышления. Хорошо, если старообрядческий начётчик окажется человеком малограмотным. С начётчиком же, получившим солидное образование, трудно будет беседовать. Здесь миссионер может быть поставлен в очень неловкое положение пред своими слушателями. Могут быть такие случаи, что миссионер принужден будет давать сбивчивые и уклончивые ответы. В настоящее время контингент слушателей на миссионерских беседах бывает очень разнообразен. Слушатель сразу может заметить щекотливое положение миссионера и свой взгляд на него может изменить. На вопросы начётчика сразу нужно давать положительные, определённые и ясные ответы и тогда общественное мнение всегда будет на стороне миссионера.

При собеседовании со старообрядцами никогда не нужно выходить из себя, а всегда следует сохранять полное спокойствие духа и выдержанность характера.

Известно, что в спокойном состоянии всегда легче разговаривать и беседовать с другими. При возвышенном же, разгорячённом тоне всегда можно допустить ошибки, резкость в суждениях, чем не преминет воспользоваться соперник. При спокойном, ровном, душевном состоянии легче бывает следить за выводами и заключениями оппонента, замечать его промахи и при удобном случае блестяще наносить ему поражения при умозаключениях. Не следует также православному миссионеру со злобным чувством иронизировать по случаю тех или других неуместных выражений со стороны начётчиков, которые большею ча-

стью бывают люди простые, некультурные, вышедшие из простой среды.

Напротив, вежливое, деликатное и тактичное отношение к своему оппоненту принесёт более пользы, чем чинимые взаимные словесные уколы и ставимые шпильки. Никогда также не следует выставлять в смешном и каррикатурном виде пред слушателями те или другие неуместные выпады и выступления противника; в этих случаях можно вызвать в сопернике злобное чувство и натолкнуться на какой-нибудь нежелательный инцидент. Вообще православный миссионер в своих вразумлениях, наставлениях и собеседованиях со старообрядцами должен всегда поступать согласно примеру и учению нашего Господа Иисуса Христа и Его святых апостолов. Простотою и кротостью обхождения, добрым и любвеобильным чувством можно более повлиять на умы и сердца своих собеседников, чем горделивою напыщенностью своих выражений, саркастическим отношением к недостаткам противника и выставлением их напоказ пред слушателями. Таким образом, выходит, что православный миссионер должен отличаться не фарисейскою казуистикою, обличаемою в евангелии Иисусом Христом, а доброю и любящею душою, кротким и мягким сердцем. Такими именно свойствами обладали древние языческие философы – Сократ, Платон и Аристотель, а также вселенские отцы и учители христианской церкви. Поэтому-то слова и речи их производили такое сильное впечатление на учеников и слушателей; в силу этого они и до сих пор служат образцами и руководственными примерами духовного ораторского искусства и красноречия.

Далее – миссионер в своих собеседованиях со старообрядцами и сектантами должен забывать о своей личности; он не должен стремиться к приобретению популярности и мирской славы, а учить следуя словам Спасителя и апостолов. Само собою разумеется, что миссионер должен основательно быть знаком со всеми основными положениями и тезисами старообрядцев, каковые должны быть изучены и разсмотрены со всех сторон и в связи с современными церковно-общественными событиями и вопросами»[1].

Оказывается, в епархиальном училище кипели шекспировские страсти. Официальный миссионер Диаконов не слишком разбирался в тонкостях старообрядческой догматики, стремясь к собственной популярности (пред церковным начальством?), полемисту-начётчику, выходя из себя, он смог противопоставить лишь резкую критику, «со злобным чувством» иронию, «словес-

[1] Там же. 9 февраля.

ные уколы» и шпильки. Контраргументы Егорова, искусного диалектика и оратора, получившего «солидное образование», ставили миссионера «в очень неловкое положение», вынуждали его «давать сбивчивые и уклончивые», неопределённые и неясные ответы, оказываясь в щекотливом положении перед просто огромной по меркам Уфы аудиторией.

Автор последней заметки подчёркивал, что общество изменилось, время жёсткой духовной «пропаганды» закончилось, нужно с кротостью и терпением убеждать, возрос культурный уровень, слушатель быстро замечал некомпетентность миссионера и грубые личные выпады.

Духовные дискуссии в Уфе зимой 1912 г. показали слабость официальной правительственной пропаганды, а православная церковь была главной идеологической структурой монархического строя. Закостеневшая в своих догматах синодальная православная церковь, оторванная от жизни (отметим, с каким удивлением воспринято само возрождение старообрядчества, по их меркам полузабытой архаики), не смогла сыграть сколько-нибудь значимой и вообще заметной роли в обстановке грянувшей всего через пять лет революции. Битва за умы и души была безнадёжно проиграна.

А наследием временного увлечения редакции «Уфимского края» старообрядческой тематикой в 1912 г. стала любопытная статья за подписью «К.К.», которая полностью приводится далее.

«Современные свадебные обычаи у староверов.
(В Уфимской губ.)

Время от Рождества до масляницы, при благоприятных обстоятельствах, есть самое весёлое время на селе: беседки, вечёрки и свадьбы, – свадьбы без конца, шумные, крикливые, певучие. Но когда я изредка попадаю у себя на селе нынче на свадьбу, на староверскую свадьбу, мне бывает как-то смутно, досадно и я неизменно тогда мысленно уношусь далеко, далеко назад, когда мне, ещё маленькой девочке, приходилось бывать тоже на крестьянских свадьбах, только не на староверских…

Какие это приятные, приятные воспоминания, счастливая то была полоска в моей жизни… Маленькой девочкой я часто и подолгу гащивала на селе у одной из своих тёток. Эта была почти простая девушка, но всегда сердечная ласковая, весёлая нравом и певунья. Благодаря последнему обстоятельству её охотно приглашали почти на каждую свадьбу, а с нею отправлялась "гостить на свадьбе" и я.

Особенно помнится мне одна свадьба.

Это были семьи небогатые, так среднего достатка, но свадьба, тем не менее, продолжалась более недели. Началась она, как водилось и тогда, с того момента, как сваты "ударили по рукам" и "помолились Богу". На другой же день Онисья (даже имя невесты запомнилось), обошла всех своих подруг, приглашая их к себе шить, – что означало "гостить у невесты". В этот же день, по обычаю, и без всякой ряды, жених принёс Онисье шерстяной материи на венчальное платье и девушки принялись шить платье и кое-что жениху уже от невесты. Некоторые из девушек так не ходили и домой. Всю эту неделю Онисья провела в кругу своих подруг. Днём все шили и пели, а вечером, когда приходил жених с дружками, бросали шитьё и устраивались пляски, игры, опять же с песнями. А то начнут петь – "величать"; "величают" и жениха, и дружек и всех, кого вздумают. За "величание" обыкновенно расплачивались деньгами. Но когда девушки были одни, тогда пелись другие песни: – песни грустные, берущие за сердце, – скорбные песни о тяжёлой бабьей доле… От этих песен и мне, маленькой девочке, делалось тоскливо, тоскливо… Сильное впечатление оставил на меня последний девишник. Это был последний вечер девушки-невесты в кругу своих подруг. Песни пелись в тот вечер какие-то особенные – то заунывно-мятущиеся, то трогательно-нежные, ласковые. Но когда запели – "ты, родимая моя, матушка" и невеста, заливаясь слезами, упала головой на колени матери, то и у меня, ничего ещё не понимавшей девочки, закапали слёзки…

Всё это сохранилось в моей памяти, обвеянное такой дивной, красочной поэзией, в одно и тоже время и трогательно-грустной, как последние дни девичьей красы-воли, и жизнерадостно-смеющейся, как предверие светлых радостей полной жизни!.. Да…

А вот современная староверская свадьба, по возможности со всеми её обычаями и обрядами.

В послеобеденное время к дяде Ивану, у которого есть восемнадцатилетняя дочка, красавица Даша, зашёл Трофим Иваныч, у которого только что вернулся со службы сын-солдат.

Трофим Иваныч жил далеко от дяди Ивана и никогда прежде у него не бывал, а потому соседка Устинья, увидавши, что Трофим прошёл к дяде Ивану, безапелляционно решила, что он идёт "неспроста".

И Устинья угадала. Трофим Иваныч зашёл "наведаться", как примут их сватовство. Отказать ему не отказали, но и ничего не обещали, а сказали только, что "подумают до посоветуются". Это значило, что можно приходить уже со сватами.

В тот же день к вечеру Трофим пришёл с братом и с женой брата, а улица вся уже знала, что к Дашурке пришли сваты.

Дядя Иван долго отнекивался отдавать, ссылаясь на малолетство девки, на безденежье и, что у невесты ещё ничего не припасено. Спросили мать и самое невесту. Мать дала согласие, а девка категорически заявила "пойду", за что отец и выругал, для формы, "безстыдницей" и "срамницей". Теперь уже и он не упирался. Началась ряда, настоящий торг: сколько и чего должен принести жених (кладки) – сколько денег, подарков и водки. Ряда эта продолжалась довольно долго. На другой день к вечеру был назначен "запой". Мать Онисьи[1] напекла пирогов, а вечером пришёл жених с родными и сватами, неся под полой четвертухи водки, а в карманах конфеты, пряники, орехи.

Дядя Иван тоже позвал кое кого из близких родственников, усадили Онисью с женихом рядом, предварительно положивши "начал" и принялись девку, "пропивать". Тут же на "запое" вырешено было всё свадебное гулянье, а на завтра назначили уже ехать к венцу.

У нас на селе старов. священника нет, а потому венчаться ездят в другое село.

На другой день утром Онисья собрала четырёх подруг своих и им дали работу – сшить к постели занавеску, да жениху рубашку. Всё это делалось торопливо, наспех, а также наспех, как по заказу, спелись две-три свадебных песни. В обед приехал дружка жениха катать девиц. Прокатившись по двум и трём улицам с песнями, девушки снова уселись за работу. Перед вечером приехал уже жених со сватом за невестой, к венцу. Девушки загородили невесту, уже одетую в одно из своих неношеных ещё платьев, и начали петь, сложенную нарочито к данному случаю песню, где говорилось, что жених должен уплатить им выкуп за невестину косу, за её "ленту-алую" и за неё самое. В тоже время девушки поют прощальную песню и невесте, которая раздаёт им привезённую женихом ленту. Этот единственный, довольно тусклый, поэтический момент, из всего свадебного обычая староверов, продолжался не более часа; но той трогательно-грустной поэзии, которая, так сказать, замыкала собою последние дни жизни девушки там, в первой свадьбе, и провожала её в неведомый круг новой жизни, – здесь, и в этот момент не было: здесь всё носило скорее заботливо-деловой характер, чем опоэтизированная обычаем и настроением условность.

После увоза невесты, девушек ещё прокатили раза два по улице, а потом они разошлись уже по домам.

---

[1] Автор перепутала и вместо Даши назвала невесту Онисьей.

В отсутствие невесты родители её пригласили двух-трёх ближайших родственниц и с ними начали укладывать невестино приданое. Укладка была самая тщательная, иначе осудит свекровь, попрекнут золовки, а это – "срамота", "огорчение". Всего должно быть определённое обычаем количество; определённое количество подушек, одеял, рушников, столешников, мешков под крупу, мешков под муку, пологов, чулок шерстяных муж. и женских, определённое количество варежек, портнянок, платков головных и проч. Вообще вся жизнь крестьянская с её особым, но не мудрым укладом была тут предусмотрена, налицо. Если чего не хватало до положенного количества, то бежали и спешно это покупали у кого-либо из соседей, у родственников.

К приезду молодых эта самая важная, но особо-суетливая работа должна быть оконченной. Через сутки дружка приехал и известил отца с матерью невестиных, что молодые уже вернулись. Тогда на двух телегах в сопровождении свах и двух сватов отправили всё приданое с постелью к молодым.

Это было вечером, но все предосторожности (чтобы кто не бросил чего-нибудь завороженного на дорогу, чтобы путанка ниток не была подброшена под ноги лошадям, чтобы лошадь не испугалась чего-нибудь) были приняты, чтобы всё "по правилу" было.

При въезде в ворота, на двор молодого, лошадей остановили: навстречу вышли с водкой, с закуской и началось угощение и упрашивание въехать. Сваты артачились поворачивали назад, упирались долго, пока не выпито было несколько бутылок водки при крикливых шутках и шумном, остром смехе.

Когда всё по ритуалу было выполнено, уже совсем осоловелые, сваты въехали на двор с имением.

В избе пошло новое угощение и наугощали до того, что новая родня плохо различала, где двери, и где окна.

Пока сваты канителились с угощеньем, сваха заплела молодухе две косы и надела чехол, а потом с песнями, с сальными шутками и намёками весьма не двусмысленного свойства, отправили молодых спать.

На утро, чуть свет – свекровь со свахой затопили баню. Пока баня топилась, один за другим уже в избу собирались: свахи, сватья, родственники обнимать молодых. Опять теже грубые шутки, острые словечки, от которых у свежего человека, как говорится, "уши вянут". И чем острее, чем жирнее вылетит шутка, тем довольнее остаётся публика. Угар заволок уже сознание. – На то, матушка, свадьба, не ча стесняться… Сказал мне седовласый дед молодого, увидевши, что я морщилась.

Потом всей гурьбой с гиканьем, с криком, с пляской пошли

все провожать молодых в баню…

И пока те мылись, около бани выделывалось что-то невероятное, чего уже перо отказывается писать. Часть публики в это же время запрягает лошадь, уряжает её в старые рогожки, старое тряпьё, намазывают свои лица сажей, одеваются с невозможные отрепья или диковинные костюмы и с битьём в заслонку с пьяным рёвом и криком едут по селу.

После бани всех собравшихся, а также и молодых угощали пельменями. Тут были и отец с матерью Даши.

С пельменей, которые продолжались до полудня, молодые со всей роднёй пошли "на блинки" к тёще.

"Блинки" были уже напечены раньше, накануне. Первый (разогретые) блин тёща поднесла зятю на тарелке. Зять взял из рук тарелку и со словами – "пусть эта тарелка разобьётся настолько частей, сколько я люблю свою Дашеньку" – со всей силой бросил её на пол. Поднялся невообразимый шум, гам, хохот и выпиванье*.

Тоже проделывает молодой и с рюмкой… И опять сальные шутки, остроты, прибаутки… Только три дня, но – довольно… Я ухожу… Нет, довольно… В голове ото всех этих слишком не острых, а только пьяных и грубых шуток стоит угар какой-то, а на душе делается ужасно гадко, грязно…

Остальной ритуал – гулянья, "большой стол", "пирожный стол" – всё это сплошное питьё, еда, еда, питьё, да пьяное пение и пьяная общая тряска…

Как всё это далеко, далеко и от поэзии, и от всего красивого святого, интимного, что должно быть в этом событии…»

(Уфимский край. 1912. 28 января)

---

* Если же девушка оказалась уже "испорченной", то молодой выгрызает середину блина и возвращает его тёще – конфуз…

Список сокращений

ГАПК – Государственный архив Пермского края (Пермь);
ГИМ ОПИ – Государственный исторический музей, отдел письменных источников (Москва);
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан (Уфа);
НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра РАН;
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва);
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва);
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва);
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

Список авторов

Азнабаев Булат Ахмерович – доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа)

Акбулатов Ильдар Мударисович – кандидат исторических наук, Бирский филиал Башкирского государственного университета (Бирск)

Краснопёрова Наталья Васильевна – краевед, член клуба «Пермский краевед» и Уральского историко-родословного общества (Пермь)

Поддубная Раиса Павловна – кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РСФСР (Самара)

Рахимов Рамиль Насибуллович – кандидат исторических наук, Российский институт стратегических исследований (Уфа)

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра (Уфа)

Славнитский Николай Равильевич – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург)

Тагирова Лейла Факиловна – кандидат исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа)